

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 2 (74)

2025

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Рожкова Л. В., Сальникова О. В., Ивченков С. Г.</i> «Красные линии» во внешней политике России и в представлениях студенческой молодежи.....	5
<i>Розенберг Н. В., Карпова М. К.</i> Роль социокультурных проектов в формировании патриотизма современной молодежи	17
<i>Найденова Л. И., Данилова Е. А., Сеидов Ш. Г.</i> Социальные стратегии трудовой мотивации персонала в различных отраслях и развитие социально-профессиональной структуры организаций.....	36
<i>Корж Н. В., Супиков В. Н.</i> Цифровые компетенции современной студенческой молодежи.....	47

ПРАВО

<i>Гошуляк В. В.</i> Прямое действие Конституции Российской Федерации	59
<i>Елистратова О. В., Ганина О. Р., Сеидов Ш. Г.</i> Публичные слушания как консультативная форма демократии.....	69
<i>Николаев Б. В., Павлова Н. А.</i> Значение Второй Гаагской конференции мира в развитии института мирного разрешения международных споров.....	79
<i>Акжигитов Р. Р.</i> Особенности федеративной интеграции Средней Азии, 1918–1925 гг.....	92
<i>Яшин А. В.</i> Особенности механизма преступного поведения при совершении незаконной рубки лесных насаждений.....	107

Лаврова Ю. В. Использование информационных трансформаций как одно из направлений совершенствования прокурорского надзора за соблюдением прав лиц с ограниченными возможностями здоровья	117
Подольный Р. Н. Выявление как система действий, формирующих информационную основу расследования преступлений, совершенных с применением цифровых технологий	127
Филеткин П. Д. Особенности выявления преступных посягательств на безопасность труда и его значение для последующего расследования.....	138
Битюцкий Е. В. Особенности квалификации незаконной пересылки наркотических средств	148

UNIVERSITY PROCEEDINGS

VOLGA REGION

SOCIAL SCIENCES

№ 2 (74)

2025

CONTENTS

SOCIOLOGY

Rozhkova L.V., Salnikova O.V., Ivchenkov S.G. “Red lines” in Russian foreign policy and in ideas of student youth.....	5
Rozenberg N.V., Karpova M.K. The role of sociocultural projects in shaping patriotism among modern youth	17
Naidenova L.I., Danilova E.A., Seidov Sh.G. The social strategies for staff motivation in various industries and the development of the socio-professional structure of organizations	36
Korzh N.V., Supikov V.N. Digital technologies of modern student youth	47

LAW

Goshulyak V.V. Direct effect of the Constitution of the Russian Federation.....	59
Elistratova O.V., Ganina O.R., Seidov Sh.G. The public hearings as an advisory form of democracy	69
Nikolaev B.V., Pavlova N.A. The significance of the Second Hague Peace conference in the development of the institution of peaceful settlement of international disputes.....	79
Akzhigitov R.R. Features of the federative integration of Central Asia, 1918–1925.....	92
Yashin A.V. Features of the mechanism of criminal behavior when committing illegal logging of forest stands	107

Lavrova Yu.V. Using the information transformations as one of the directions for improving the prosecutor's supervision over the observance of the rights of persons with disabilities.....	117
Podolnyy R.N. Identification as a system of actions that form the information basis for the investigation of crimes committed using digital technologies.....	127
Filetkin P.D. Features of the identification of criminal encroachments on occupational safety and its importance for subsequent investigation.....	138
Bityutskiy E.V. Features of qualification of illegal transfer of narcotic drugs	148

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

УДК 316

doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-1

«Красные линии» во внешней политике России и в представлениях студенческой молодежи

Л. В. Рожкова¹, О. В. Сальникова², С. Г. Ивченков³

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

³Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
Саратов, Россия

¹mamaeva_lv@mail.ru, ²sova_newm@mail.ru, ³ivchenkovsg@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В последние годы в связи со значительным ростом неопределенности и нестабильности в международных отношениях государствам становится сложнее отстаивать свои базовые национальные интересы; все чаще в заявлениях руководителей стран стало появляться понятие «красные линии», представляющее собой некий предел терпения, который нельзя пересекать, нарушение которых может привести к ряду ответных действий. Цель работы – исследование теоретических и практических оснований «красных линий» во внешней политике и социологический анализ их понимания и отношения к ним со стороны студенческой молодежи. *Материалы и методы.* Изучение представлений молодежи о «красных линиях» во внешней политике основано на материалах авторских качественных и количественных исследований, проведенных в 2025 г. среди студенческой молодежи г. Пензы, а также анализе теоретических, правовых источников по рассматриваемой тематике. *Результаты.* На основе комплексного анализа концепции «красных линий» во внешней политике представлено их теоретическое осмысление, исследования представления студенческой молодежи об их сущности, условиях выдвижения и применения во внешнеполитической сфере. *Выводы.* «Красные линии» во внешней политике России наиболее ярко стали выдвигаться после 2022 г., начала специальной военной операции. В среде студенческой молодежи присутствует толкование «красных линий», соответствующее их общепринятому содержанию. Молодые люди выделяют наиболее яркие «красные линии» для России сегодня – это Украина и расширение НАТО. Присутствует поддержка со стороны молодежи решений руководства страны об ответных мерах при нарушении российских «красных линий»: большая часть считают используемые меры адекватными.

Ключевые слова: внешняя политика, «красные линии», студенческая молодежь, Россия

Для цитирования: Рожкова Л. В., Сальникова О. В., Ивченков С. Г. «Красные линии» во внешней политике России и в представлениях студенческой молодежи // Из-

“Red lines” in Russian foreign policy and in ideas of student youth

L.V. Rozhkova¹, O.V. Salnikova², S.G. Ivchenkov³

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

³Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

¹mamaeva_lv@mail.ru, ²sova_newm@mail.ru, ³ivchenkovsg@mail.ru

Abstract. *Background.* In recent years, due to significant growth of uncertainty and instability in international relations, it has become more difficult for states to defend their basic national interests; more and more often the concept of “red lines” has appeared in statements of country leaders, which represent certain limit of patience that cannot be crossed, violation of which may lead to a number of retaliatory actions. The purpose of the research is to study theoretical and practical foundations of “red lines” in foreign policy and sociological analysis of their understanding and attitude to them of student youth. *Materials and methods.* The study of youth’s perceptions of “red lines” in foreign policy is based on materials of the author’s qualitative and quantitative research conducted in 2025 among the student youth of Penza, as well as analysis of theoretical and legal sources on the subject under consideration. *Results.* Based on comprehensive analysis of the concept of “red lines” in foreign policy, their theoretical understanding is presented, and ideas of student youth about their essence, conditions of nomination and application in foreign policy sphere are investigated. *Conclusions.* “Red lines” in Russia’s foreign policy became most pronounced after 2022, beginning of the SWO. Among student youth there is an interpretation of “red lines” that corresponds to their generally accepted content. Young people emphasize the brightest “red lines” for Russia today – it is Ukraine and NATO expansion. There is support from youth for decisions of the country’s leadership on retaliatory measures in case of violation of Russia’s “red lines”: most of them consider the measures used to be adequate.

Keywords: foreign policy, “red lines”, student youth, Russia

For citation: Rozhkova L.V., Salnikova O.V., Ivchenkov S.G. “Red lines” in Russian foreign policy and in ideas of student youth. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(2):5–16. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-1

Введение

Распад биполярной системы международных отношений и отсутствие соответствующей современным реалиям новой системы способствовал росту неопределенности и нестабильности в отношениях государств на международной арене. Несомненно, что каждая страна отстаивает и продвигает свои национальные интересы и ценности, однако обеспечение своей национальной безопасности в сложившихся условиях требует и значительных усилий, а именно противостояния попыткам ряда стран дестабилизировать международную обстановку посредством вмешательства во внутренние дела, навязывания своих позиций, расширения сфер своего влияния в надежде на мировую гегемонию и роль арбитра в международных делах.

В новом веке все чаще стали говорить о «красных линиях» во внешней политике, хотя это понятие вошло в политический дискурс, по мнению ис-

следователей, еще в начале XIX в. Так, фундамент использования концепции «красных линий» базируется на необходимости защиты национальных интересов стран. Они, как отмечает В. Тимченко, существуют вне зависимости от «того, открыто ли о них заявляли или нет» [1]. Определение «красных линий» представлено в Оксфордском словаре как «предел, за которым чье-либо поведение становится неприемлемым» [2]. В сфере международных отношений они используются для «предотвращения события или явления, которое считается неприемлемым» (Б. Тертре) [3], «создания неких границ допустимого для участников международных отношений, за пересечение которых последует жесткий ответ со стороны установившего эти линии актора» [1].

Рассматривая проблему реализации «красных линий», следует обратить внимание и на такой показатель, как их восприятие со стороны общества. В представлениях населения страны «красные линии» формируются на основе собственных исторических знаний, а также под целенаправленным влиянием со стороны государственной пропаганды, средств массовой информации и др. Руководство страны не может просто сдвинуть эти «красные линии». Восприятие ответных мер при нарушении «красных линий» может быть воспринято со стороны общества как слабость и повлечь утрату доверия, протестные настроения и действия. В этой связи появляются и внешние, и внутренние репутационные, имиджевые издержки. И это заставляет политические элиты достаточно осторожно устанавливать и реализовывать «красные линии» [1]. Однако, по мнению И. Истомина, «общественное мнение негативно влияет на расчерчивание “красных линий” – чем больше людей вовлечены в этот процесс, тем сложнее договариваться» [4].

Основная цель работы – исследование теоретических и практических оснований «красных линий» во внешней политике и социологический анализ их понимания и отношения к ним со стороны студенческой молодежи.

Материалы и методы

Анализ «красных линий» во внешней политике основан на изучении теоретических подходов к их выдвижению и реализации, представленных в работах отечественных и зарубежных исследователей, нормативно-правовых источниках, заявлениях и выступлениях официальных лиц государства.

Представления студенческой молодежи о «красных линиях» внешней политики изучаются на основе проведенных в 2025 г. авторских социологических исследований среди студентов Пензенского государственного университета, обучающихся по направлению подготовки «Международные отношения»: анкетного опроса (1–4 курс, сплошная выборка, $n = 86$) и одной фокус-группы (9 человек).

Результаты

Термин «красная черта» ассоциируется со значением «предельная позиция (при обеспечении безопасности страны)» [5, с. 197].

Концепция «красных линий» представлена в рамках различных научных направлений: позитивизма, постпозитивизма, реализма (табл. 1).

Таблица 1

«Красные линии» в теоретических направлениях (составлена по [1])

Направления	Сущностное содержание
Позитивизм	Государственная граница, ключевой интерес – обеспечение безопасности
Реализм	Национальные интересы – безопасность (самосохранение), экономический и политический потенциал, престиж, сила
Постпозитивизм	Государство, национальная идентичность, национальный интерес, анархия. «Красные линии» как социальный конструкт: «угрозы безопасности конструируются на основе нашего восприятия»; «секьюритизация» [1]

Исследователь В. Тимченко выделяет ряд сущностных характеристик «красных линий», отмечая, что, во-первых, их использование относится к сфере взаимодействия по крайней мере двух акторов на международной арене; во-вторых, они определяют «некие рамки допустимого для компромисса», «демонстрации предела» в переговорных процессах, при выставлении ультиматумов, «конкретизации союзнических обязательств» [1]. Таким образом, в их основе стратегии сдерживания, принуждения, сотрудничества. Национальные интересы и, соответственно, угрозы этим интересам способствуют «прочерчиванию» «красных линий».

В рамках практической реализации «красных линий» следует учитывать ряд моментов (рис. 1).

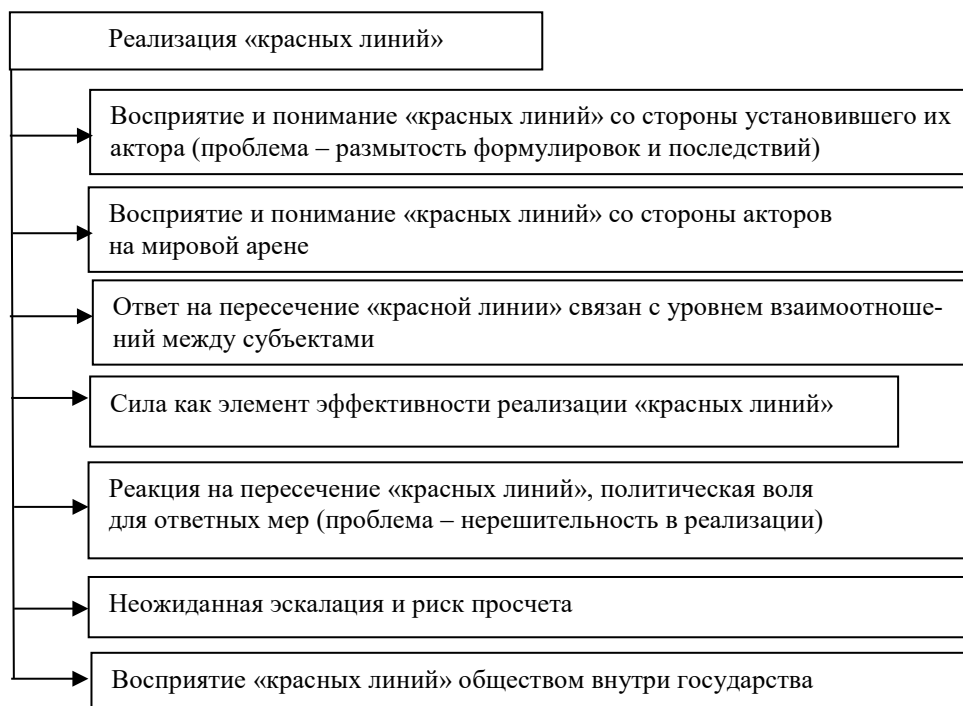

Рис. 1. «Красные линии»: особенности реализации (составлен по [1])

Еще в 2007 г. в Мюнхенской речи были заложены основы, которые в дальнейшем стали фундаментом формирования «красных линий» во внешней политике РФ. Так, В. Путин на Мюнхенской конференции отметил: «...мы подошли к тому рубежному моменту, когда должны серьезно задуматься над всей архитектурой глобальной безопасности... И здесь надо отталкиваться от поиска разумного баланса между интересами всех субъектов международного общения» [6].

Основной из значительных внешних угроз для национальной безопасности нашей страны является расширение НАТО на Восток. Фактически это означает расширение сферы влияния НАТО [7, с. 176]. Так, при первом расширении НАТО приблизилось к границам России на 500 км, при втором – также на 500 км. В случае же присоединения Грузии, Украины, Азербайджана общая с Россией граница составит 2000 км [8, с. 87]. Наряду с географическим расширением НАТО происходит и функциональное расширение, появление новых военно-политических функций [7, с. 176]. Исследователи отмечают значительные военные угрозы для России в связи с расширением военной инфраструктуры НАТО, связанные с тройным увеличением досягаемости его тактической ударной авиации, в том числе с ядерным оружием [9, с. 63].

Документы свидетельствуют, что СССР, а затем и Россия получали и неофициальные, и документально оформленные заявления о нерасширении НАТО. Отказ от выполнения обязательств вызвал рост недоверия России к Западу [10]. 15 декабря 2021 г. Россия представила США проект договора о гарантиях безопасности, в ст. 3 которого устанавливалось, что «США принимают обязательства исключить дальнейшее расширение Организации Североатлантического договора в восточном направлении» [11]. Ответ на это не последовал. Соответственно, после предупреждений Россия перешла в стратегическое контрнаступление [12, с. 5]. 24 февраля 2022 г. началась специальная военная операция (СВО). Эксперты не дают однозначного ответа в отношении альтернативного решения у России, констатируют: «Одно несомненно: упреждающий удар по врагу парировал смертельную военно-политическую угрозу с сопредельной территории». Еще большую убежденность с необходимости СВО подтверждают и более позднее заявление А. Меркель в газете Die Zeit (07.12.2022): «Минское соглашение 2014 г. было попыткой дать Украине время. Она также использовала это время, чтобы стать сильнее, как можно видеть сегодня». Такие же позиции подтвердил и Ф. Олланд, а в феврале 2023 г. – В. Зеленский [13, с. 11].

Таким образом, Украина стала одной из современных «красных линий» во внешней политике России (поставки Украине дальнобойных вооружений, вступление в НАТО). По заявлению Д. Пескова, «отношения России и НАТО подошли к красной черте из-за военной поддержки Украины со стороны Североатлантического альянса» [14]. Для России «красными линиями» являются, как и для любой другой страны, суверенитет, целостность и самостоятельность [15]. Для России «красными линиями» также выступают безопасность

русской общины, великих православных святынь [16]. Крым, Белоруссия – абсолютные «красные линии» для России.

В 2025 г. были проведены авторские социологические исследования среди студентов, обучающихся в Пензенском государственном университете по направлению подготовки «Международные отношения». Отбор этой целевой группы был обусловлен ее профессиональной образовательной спецификой. Интерес составило выявление мнений оценок группы студентов, наиболее приближенных к политической сфере и, соответственно, обладающих более глубокими знаниями в рассматриваемой области.

Данные фокус-групп показали, что понимание студентами «красных линий» в целом совпадает с их общераспространенным значением. Так, молодые люди как в ходе фокус-групп, так и при массовом опросе характеризовали их как некий допустимый предел в сфере международных отношений, сопряженный с функцией сдерживания, черту, которую нельзя переступать, за пересечение которой может последовать сила, угрозу нарушения суверенитета, государственных границ и, наконец, как необходимое условие обеспечения национальной безопасности.

Муж., 22 года: «Красные линии – это условные границы в международных отношениях, через которые переступать нельзя в силу того, что за этим могут последовать последствия».

Жен., 19 лет: «Красные линии означают завуалированную угрозу, опасность применения силы, экзистенциальная угроза».

Муж., 19 лет: «Красные линии – это понятие в международных отношениях, которое характеризует недопустимые действия одного государства в отношении другого».

Жен., 21 год: «Красные линии сродни точки кипения, черта, грань, которую нельзя переходить... они определяют дальнейшую политику одного государства по отношению к другому государству».

Жен., 20 лет: «Красная линия – это предел терпения одного государства по отношению к другому. Они устанавливаются для того, чтобы показать, что нельзя нарушать».

Муж., 22 года: «Красная линия предполагает взаимодействие акторов международных отношений, как минимум двух, когда один из них устанавливает пределы допустимых для него действий. Это, как минимум, линия государственных границ, и красные линии должны быть обозначены».

Муж., 21 год: «Красная линия – это черта, которую нельзя пересекать. В международных отношениях – это определение предела терпения одной из сторон... ситуация, когда политический актор не будет считать себя в безопасности».

Интересными являются высказанные участниками фокус-групп мнения о содержательных характеристиках «красных линий».

Жен., 21 год: «Если говорить о линиях, то они бывают разные по толщине и у государства есть возможность на эту “толщину” влиять. На них влияет международная обстановка, политическая ситуация... В конкретных

условиях эта линия может становиться более или менее “толстой”, и в зависимости от этого государство может по-разному реагировать на ее нарушение, например в целях недопущения эскалации конфликта. И поэтому свои красные линии в некоторых случаях государства перестраивают. У сильных международных акторов эти линии более четко обозначены».

Муж., 22 года: «Красные линии несут предупредительную, охранительную функцию».

В рамках дискуссии в ходе фокус-групп студенты приводили примеры «красных линий», которые в основном были сосредоточены на современных практиках, описывая «красные линии», очерченные сегодня, хотя ряд участников приводили и яркие исторические примеры «красных линий».

Муж., 22 года: «На примере СВО... Запад реагировал на наш ядерный шантаж... замедлился режим поставок вооружения Украине... Окно Овертона крайне медленно сдвигалось в отношении того, что Запад мог бы поставлять, только те типы вооружения, которые, по мнению Запада, не могли привести к эскалации... Красные линии заставили опасаться Запад нашей реакции».

Муж., 19 лет: «Пример красной линии для России – это вступление Украины в НАТО».

Жен., 20 лет: «Пример красных линий – это границы России, установка рядом с ними вооружений НАТО».

Жен., 21 год: «Для Китая – это Тайваньский вопрос, для России – расширение НАТО».

Жен., 21 год: «В качестве примера можно привести Кубинский кризис».

Из наиболее очевидных «красных линий» для России сегодня – это переход Украины под полную сферу влияния Запада, ее вступление в НАТО. Сходные данные были получены и по данным массового опроса (табл. 2).

Таблица 2

Основные «красные линии» России в представлениях студентов,
n = 86, многовариантные ответы

Варианты	%
Украина: поставки дальнобойных вооружений, вступление Украины в НАТО, участие западных инструкторов в конфликте в Донбассе и др.	65,1
Попытка оторвать Белоруссию от России	25,6
Превращение Казахстана во враждебную России страну	30,2
Вступление постсоветских стран в НАТО, превращение соседних стран в военные плацдармы	44,2
Попытка Японии решить силовым путем вопрос южных островов Курильской гряды	14
Попытки США помешать естественному господству РФ в Арктике	14
Введение новых санкций в отношении РФ со стороны стран Запада	16,3

Одним из важных при исследовании «красных линий» является вопрос об их практической реализации, а именно ответ на их нарушения. Так, по мнению участников фокус-групп, «красные линии» достаточно часто нарушаются без последствий.

В июне 2023 г. газета The Washington Post опубликовала статью “Biden shows growing appetite to cross Putin’s red lines”, где говорится о том, что В. Путин неоднократно прочерчивал «красные линии», однако при их пересечении США не следовали серьезные последствия [17]. По данным авторского опроса, только 20,9 % респондентов согласны с этим мнением.

Говоря об ответной реакции России на пересечение «красных линий», В. Путин подчеркнул: «А само проведение специальной военной операции – это разве не ответ на преодоление этих линий? <...> Удары по всей энергосистеме Украины – это разве не ответ на преодоление красных линий? А фактическое уничтожение штаб-квартиры Главного управления разведки вооруженных сил Украины под Киевом, да в Киеве практически – разве это не ответ? Ответ» [18].

По данным анкетного опроса, 55,8 % опрошенных считают, что сегодня наша страна адекватно реагирует на нарушение ее «красных линий» (рис. 2).

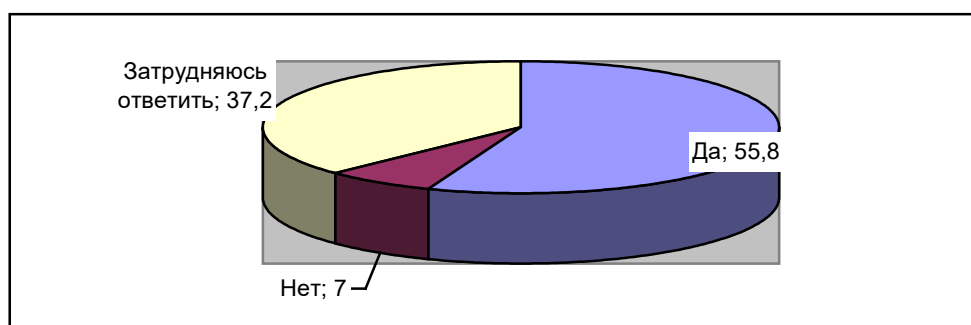

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что Россия сегодня адекватно отвечает на нарушение ее “красных линий”?», %, $n = 86$

В рамках рассматриваемой темы интерес составил и когнитивный элемент в оценке студентами «красных линий». Так, по данным опроса, знакомы с проектом документа о мерах обеспечения безопасности РФ (2021 г.) только 18,6 %; еще 46,5 % знают о нем в общих чертах.

В 2024 г. свои «красные линии» представил Китай. По мнению Ван И., «США не должны вмешиваться во внутренние дела Китая, не должны подавлять развитие Китая, им также не следует пересекать красные линии Пекина, касающиеся суверенитета, безопасности и интересов развития КНР» [19]. Си Цзиньпин озвучил четыре «красные линии» в отношениях Китая и США. Это «тайваньский вопрос, демократия и права человека, путь и система Китая, право Китая на развитие» [20]. По данным авторского опроса, 62,8 % опрошенных полагают, что наиболее значимой «красной линией» Китая и США

является тайваньский вопрос; далее следуют: китайская система (39,5 %), право Китая на развитие (25,6 %).

В феврале 2025 г. прошла Мюнхенская конференция по безопасности, где были обозначены современные «красные линии» Украины. Это справедливый мир и гарантии безопасности стране [21]. Интересно, что, по данным авторского опроса, только 37,2 % были знакомы с представленной на прошедшей конференции позицией.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать ряд основных выводов. Во-первых, «красные линии» представляют собой понятие в сфере международных отношений, которое означает некий предел в отношениях между акторами, который нельзя нарушать, поскольку это может повлечь определенные последствия. В среде студенческой молодежи присутствует правильное толкование «красных линий». Во-вторых, как свидетельствуют официальные заявления и документальные данные, в числе главной «красной линии» сегодня выступает Украина. По мнению студенческой молодежи, наиболее яркие «красные линии» для России сегодня – это Украина, а также расширение НАТО. В-третьих, имеется ряд специфических параметров в формировании «красных линий» и в их практической реализации. Современные студенты полагают, что Россия адекватно отвечает на их нарушение.

Список литературы

1. Тимченко В. Концепция «красных линий» // Российский совет по международным делам. 2023. 6 октября. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/kontseptsiya-krasnykh-linii/> (дата обращения: 22.02.2025).
2. Red line // Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxford-learners-dictionaries.com/definition/english/red-line?q=red+line> (дата обращения: 22.02.2025).
3. Tertrais B. The Diplomacy of “Red Lines” // Recherchés & Documents. Fondation pour la recherche stratégique. 2016. Vol. 2. P. 7.
4. «Красные линии» – это то, за что вы готовы воевать. Итоги Лектория СВОП // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/voevat-za-krasnye-linii/> (дата обращения: 22.02.2025).
5. Жантурина Б. Н., Знак Ю. Э., Новикова З. А Синкретизм смыслов в цветовой политической метафоре красные линии – red lines // Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95). С. 192–198.
6. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. 2007. 10 февраля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 22.02.2025).
7. Гиниятов Ф. М. Расширение НАТО на восток и позиция России // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 176–178.
8. Колга М. НАТО : краткий справочник. Таллин : Eesti Entsuklopeedia kirjastus. 2007. 544 с.
9. Соколов С. В. Партнерство с НАТО в свете политического, формационного и цивилизационного кризиса в России // Внешняя политика и безопасность современ-

- ной России: 1991–2002 : хрестоматия : в 4 т. / сост. Т. А. Шаклеина. М. : Иноцентр, 2002. Т. 2. С. 142–148.
10. Горохов А., Васильев К. Договоренности о нерасширении НАТО на восток подтверждаются архивными источниками // Русская политология. 2022. № 1 (22). С. 30–40.
11. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности // Министерство иностранных дел России. 2021. 17 декабря. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/ (дата обращения: 22.02.2025).
12. Неймарк М. А. Красные линии стратегической безопасности России: от метафоры к критической альтернативе // Обозреватель – Observer. 2022. № 1 (384). С. 5–14. doi: 10.48137/2074-2975_2022_01_5
13. Шумилов М. М., Гуркин А. Б. Предпосылки, международный контекст и особенности опосредованной войны НАТО против России на Украине (2022–2023) // Управленческое консультирование. 2023. № 7 (175). С. 10–27.
14. Фролов А. В. Размышления о «красных линиях» и госинтересах // Обозреватель – Observer. 2022. № 2 (385). С. 5–18.
15. Лоскутов В. А. «Красные линии» идеологии и идеология «Красных линий» (современная российская власть в поисках консерватизма) // Вопросы управления. 2014. № 1 (7). С. 7–26.
16. Сушенцов А. «Красные линии» России и «украинский вопрос» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2021. 17 декабря. URL: <https://m.vamaidubxom/a/highlights/krasnye-linii-rossii-i-ukrainskiy-vopros/> (дата обращения: 22.02.2025).
17. Biden shows growing appetite to cross Putin's red lines // The Washington Post. 2023. June 1. URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2023/06/01/ukraine-f-16s-biden-russia-escalation/> (дата обращения: 22.02.2025).
18. Путин перечислил ответы России на переход «красных линий» // РБК. 2023. 13 июня. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64888af29a794786f0e28892> (дата обращения: 22.02.2025).
19. Китай предостерег США от пересечения красных линий // РИА. 2024. 24 июня. URL: <https://ria.ru/20240426/kitay-1942396837.html> (дата обращения: 22.02.2025).
20. Си Цзиньпин указал Байдену на четыре красные линии Китая в отношениях с США // ТАСС. 2024. 17 ноября. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22422325> (дата обращения: 22.02.2025).
21. Украина перечислила США «красные линии» в переговорах с Россией // РБК. 2025. 16 февраля. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/02/2025/67b1ea6f9a7947abacc3d23> (дата обращения: 22.02.2025).

References

1. Timchenko V. The concept of “red lines”. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam = Russian International Affairs Council*. 2023;October 6. (In Russ.). Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/kontsepsiya-krasnykh-linii/> (accessed 22.02.2025).
2. Red line. *Oxford Learner's Dictionaries*. Available at: <https://www.oxford-learners-dictionaries.com/definition/english/red-line?q=red+line> (accessed 22.02.2025).
3. Tertrais B. The Diplomacy of “Red Lines”. *Recherchés & Documents. Fondation pour la recherche stratégique*. 2016;2:7.

4. "Red lines" are what you are willing to fight for. Results of the Council on Foreign and Defense Policy lecture hall. *Rossiia v global'noy politike = Russia in global politics*. (In Russ.). Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/voevat-za-krasnye-linii/> (accessed 22.02.2025).
5. Zhanturina B.N., Znak Yu.E., Novikova Z.A. Syncretism of meanings in the color political metaphor red lines – red lines. *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics*. 2022;(5):192–198. (In Russ.)
6. Speech and discussion at the Munich Conference on Security Policy. *Prezident Rossii = President of Russia*. 2007;February 10. (In Russ.). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (accessed 22.02.2025).
7. Giniyatov F.M. NATO's eastward expansion and Russia's position. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of economics, law and sociology*. 2012;(1):176–178. (In Russ.)
8. Kolga M. *NATO: kratkiy spravochnik = NATO: quick reference guide*. Tallin: Eesti Entsuklopeedia kirjastus. 2007:544. (In Russ.)
9. Sokolov S.V. Partnership with NATO in light of the political, formational, and civilizational crisis in Russia. *Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoy Rossii: 1991–2002: khrestomatiya: v 4 t. = Foreign policy and security of modern Russia: 1991–2002: reader: in 4 volumes*. Moscow: Ino-tsentr, 2002;2:142–148. (In Russ.)
10. Gorokhov A., Vasil'ev K. Agreements on non-expansion of NATO to the east are confirmed by archival sources. *Russkaya politologiya = Russian political science*. 2022;(1):30–40. (In Russ.)
11. Treaty between the Russian Federation and the United States of America on security guarantees. *Ministerstvo inostrannykh del Rossii = Ministry of Foreign Affairs of Russia*. 2021;December 17. (In Russ.). Available at: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/ (accessed 22.02.2025).
12. Neymark M.A. Russia's red lines of strategic security: from metaphor to critical alternative. *Obozrevatel' – Observer = Reviewer*. 2022;(1):5–14. (In Russ.). doi: 10.48137/2074-2975_2022_01_5
13. Shumilov M.M., Gurkin A.B. Background, international context and features of NATO's proxy war against Russia in Ukraine (2022–2023). *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*. 2023;(7):10–27. (In Russ.)
14. Frolov A.V. Reflections on "red lines" and state interests. *Obozrevatel' – Observer = Reviewer*. 2022;(2):5–18. (In Russ.)
15. Loskutov V.A. The "red lines" of ideology and the ideology of the "red lines" (the modern Russian government in search of conservatism). *Voprosy upravleniya = Management issues*. 2014;(1):7–26. (In Russ.)
16. Sushentsov A. Russia's "red lines" and the "Ukrainian question". *Mezhdunarodnyy diskussionnyy klub «Valday» = International discussion club «Valday»*. 2021;December 17. (In Russ.). Available at: <https://m.vamaidubxom/a/highlights/krasnye-linii-rossii-i-ukrainskiy-vopros/> (accessed 22.02.2025).
17. Biden shows growing appetite to cross Putin's red lines. *The Washington Post*. 2023;June 1. Available at: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2023/06/01/ukraine-f-16s-biden-russia-escalation/> (accessed 22.02.2025).
18. Putin listed Russia's responses to the crossing of "red lines". *RBK*. 2023;June 13. (In Russ.). Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64888af29a794786f0e28892> (accessed 22.02.2025).

19. China warned the US against crossing red lines. *RIA*. 2024; June 24. (In Russ.). Available at: <https://ria.ru/20240426/kitay-1942396837.html> (accessed 22.02.2025).
20. Xi Jinping pointed out to Biden China's four red lines in relations with the United States. *TASS*. 2024; November 17. (In Russ.). Available at: <https://tass.ru/mezhdu-narodnaya-panorama/22422325> (accessed 22.02.2025).
21. Ukraine listed the United States' "red lines" in negotiations with Russia. *RBK*. 2025; February 16. (In Russ.). Available at: <https://www.rbc.ru/politics/16/02/2025/67b1ea6f9a7947abaccc3d23> (accessed 22.02.2025).

Информация об авторах / Information about the authors

Лилия Валерьевна Рожкова

доктор социологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
социологии, экономической теории
и международных процессов,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: mamaeva_lv@mail.ru

Liliya V. Rozhkova

Doctor of sociological sciences,
professor, head of the sub-department
of sociology, economic theory
and international processes,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Ольга Владимировна Сальникова

старший преподаватель кафедры
социологии, экономической теории
и международных процессов,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: sova_newm@mail.ru

Olga V. Salnikova

Senior lecturer of the sub-department
of sociology, economic theory and
international processes, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Сергей Григорьевич Ивченков

доктор социологических наук,
профессор, декан социологического
факультета, Саратовский
государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского (Россия,
г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

E-mail: ivchenkovsg@mail.ru

Sergey G. Ivchenkov

Doctor of sociological sciences, professor,
dean of the faculty of sociology,
Saratov State University named
after N.G. Chernyshevsky
(83 Astrakhanskaya street, Saratov,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 15.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 11.03.2025

Принята к публикации / Accepted 10.05.2025

УДК 316

doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-2

Роль социокультурных проектов в формировании патриотизма современной молодежи

Н. В. Розенберг¹, М. К. Карпова²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹rozenbergnv@mail.ru, ²karpovamk@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Социокультурные проекты направлены на удовлетворение и развитие культурных потребностей и интересов, как отдельной личности, так и социума в целом. Они представляют собой эффективный инструмент достижения социально-культурных целей в обществе и позволяют решать множество проблем и задач в различных сферах жизни, направлять усилия на повышение уровня культуры, сохранение традиций и социальной поддержки различных групп населения, включая современную молодежь. Цель работы – исследование роли и анализ эффективности социокультурных проектов в формировании патриотизма современной молодежи. *Материалы и методы.* Изучение социокультурных проектов в формировании патриотизма современной молодежи основано на материалах авторских исследований среди студенческой молодежи Пензенского государственного университета, а также анализе данных социологических исследований, представленных Всероссийским центром изучения общественного мнения. *Результаты.* Раскрыта роль социокультурных проектов в формировании патриотизма современной молодежи; обоснован процесс формирования гражданской культуры молодежи; представлен комплекс социально-культурных технологий формирования патриотизма молодого поколения. *Выводы.* Социокультурные проекты, особенно ориентированные на традиции и современные медиаформаты, эффективно способствуют патриотическому воспитанию. Для усиления их воздействия необходимы адресные программы, учитывающие региональную специфику и цифровые предпочтения молодежи. Результаты подчеркивают важность интеграции культурных, образовательных и медийных инструментов в стратегии формирования национальной идентичности.

Ключевые слова: молодежь, патриотизм, социокультурный проект, культура, мероприятия, ценности

Для цитирования: Розенберг Н. В., Карпова М. К. Роль социокультурных проектов в формировании патриотизма современной молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2. С. 17–35. doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-2

The role of sociocultural projects in shaping patriotism among modern youth

N.V. Rozenberg¹, M.K. Karpova²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹rozenbergnv@mail.ru, ²karpovamk@mail.ru

Abstract. *Background.* The importance of socio-cultural projects lies in their focus on meeting and developing the cultural needs and interests of both individuals and society as a whole. Socio-cultural projects serve as a key tool for achieving social and cultural goals within society. They enable the resolution of numerous issues and tasks across various spheres of life, channeling efforts toward raising cultural standards, preserving traditions, and providing social support to different population groups, including today's youth. The purpose of the article is to examine the role and analyze the effectiveness of socio-cultural projects in fostering patriotism among modern youth. *Materials and methods.* The study of socio-cultural projects in shaping patriotism among contemporary youth is based on original research conducted among student youth at Penza State University, as well as an analysis of sociological survey data provided by VCIOM (Russian Public Opinion Research Center). *Results.* The role of socio-cultural projects in shaping patriotism among modern youth has been revealed; the process of cultivating civic culture in young people has been substantiated; and a set of socio-cultural technologies for fostering patriotism in the younger generation has been presented. *Conclusions.* Socio-cultural projects, particularly those oriented toward traditions and modern media formats, effectively contribute to patriotic education. To enhance their impact, targeted programs that consider regional specifics and the digital preferences of youth are necessary. The results underscore the importance of integrating cultural, educational, and media tools into strategies for shaping national identity.

Keywords: youth, patriotism, socio-cultural project, culture, events, values

For citation: Rozenberg N.V., Karpova M.K. The role of sociocultural projects in shaping patriotism among modern youth. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(2):17–35. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-2

Введение

Социокультурная сфера представляет собой подсистему общества, в которой создается и сохраняется нормативная культурная традиция, разделяемая в той или иной степени всеми членами общества [1]. В настоящее время проведение и посещение мероприятий разных масштабов стало неотъемлемой частью современной культуры и нашей жизни в целом.

Социокультурная сфера деятельности включает огромное количество процессов, которые являются частью деятельности, направленной на удовлетворение потребностей аудитории в определенных социальных, культурных и образовательных услугах. Особое значение в развитии личности подрастающего поколения социокультурная деятельность приобретает тогда, когда она целенаправленно проектируется. Одним из главных инструментов для деятельности социально-культурных организаций и учреждений по реализа-

ции услуг, отвечающих запросам той же аудитории, является социально-культурное проектирование [2].

В. В. Стебляк в работе «Специфика социокультурного проектирования в современной России» указывает, что «проект в переводе с латинского означает “самостоятельный поиск пути” и представляет собой своеобразный ответ на “социальный заказ” общества. Проект создается с учетом общей стратегии социально-культурного развития страны или региона и собственной стратегии проектировщика» [3]. Д. М. Семенова и М. В. Рачкова пишут, что «под социокультурным проектом, следовательно, мы понимаем временное предприятие, направленное на создание уникального продукта, услуги или результата в социокультурной сфере либо созданное для решения определенной социокультурной проблемы» [4]. Социокультурные проекты ориентируются на решение общественных проблем, а общая заинтересованность в их осуществлении способствует повышению социального тонуса и положительной динамики общества [3].

Д. В. Тузов говорит о том, что «социокультурное проектирование, являясь специфической технологией, представляет собой конструктивную, творческую деятельность, сущность которой заключается в анализе проблем и выявлении причин их возникновения, выработке целей и задач, характеризующих желаемое состояние объекта (или сферы проектной деятельности), разработке путей и средств достижения поставленных целей» [5].

Социокультурная проектная деятельность человека проявляется в различных сферах жизни – в искусстве, науке, технике, образовании, политике и т.д. Она помогает создавать новые идеи, концепции, модели поведения и развития. Человек благодаря своей способности к социокультурной проектной деятельности не только оказывает влияние на свою личность и окружающую среду, но и формирует будущее и развитие общества в целом.

Социокультурные проекты имеют большое значение для развития общества, так как позволяют решать социальные, культурные и экономические задачи. Они могут направляться на поддержку традиций, сохранение культурного наследия, формирование позитивных социальных ценностей, поддержку молодежи и других групп населения.

Например, социокультурные проекты, ориентированные на историческое и культурное наследие, способны внести вклад в решение множества социокультурных вопросов. Они могут быть направлены на восстановление и обогащение культурно-исторической среды, укрепление ценностей и традиций, а также на воспитание подрастающего поколения через приобщение к истории и культуре. Кроме того, такие проекты способствуют формированию активной гражданской позиции и творческому осмыслению прошлого и настоящего. В качестве еще одного примера социокультурных проектов можно привести организацию различных культурных мероприятий для местных жителей.

Такие мероприятия могут быть направлены на пропаганду культуры и искусства, повышение уровня образования и развития уважения к традициям и культурному наследию, формированию патриотических ценностей.

В периоды потрясений и сложных общественных преобразований в стране патриотизм как сложный социокультурный феномен находится в поле внимания многих исследователей. Сущность патриотизма, его роль в российском обществе анализируются в трудах Е. В. Бродовской, И. М. Кузнецова, В. К. Левашова, З. К. Селивановой, И. А. Халий и др. [6–10]. Отношению молодежи к Родине, гордости за страну посвящены исследования С. В. Гузениной, В. А. Касамары, В. С. Магун, О. В. Сальниковой, О. В. Сорокина и др. [11–15]. Ценностное содержание патриотизма молодежи представлено в работах М. А. Ешева, С. В. Килина, Е. Ю. Колесниковой, А. С. Магранова, В. В. Маленкова, В. Г. Пантелеева, К. В. Першиной, П. В. Разова, О. Ю. Узуновой, О. В. Шиняевой и др. [16–25]. В исследованиях А. А. Семенова, Н. С. Олизько, Р. В. Парма формирование патриотизма представлено через призму интернет-пространства [26–28]. З. В. Сикевич и А. А. Федорова феномен патриотизма рассматривают на материалах проявления русской идентичности пользователей сети Интернет [29]. Исследования, посвященные формированию патриотизма и воспитанию молодежи средствами социально-культурной деятельности, представлены в работах Л. А. Акимовой, И. И. Алпацкого, Н. В. Молчановой, А. С. Нагачевского, Е. З. Соловьевой, П. П. Терехова, И. И. Шигаповой [30–36].

Патриотизм – это уважение к своей истории и традициям, духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России [37].

Как отмечает О. В. Васильева, в работах современных социологов сталкиваются разные точки зрения. Одни трактуют патриотизм как «реликт» уходящей эпохи, другие – как актуальный феномен мира модерна [38]. По мнению И. А. Халий, патриотизм в настоящее время воспринимается во многом как иррациональное чувство [10].

Несмотря на позитивные тенденции, патриотическое воспитание населения по-прежнему является ключевой целью государства и общества. В то же время укрепление патриотических чувств, развитие активной гражданской позиции и формирование патриотической культуры среди молодежи приобретает статус стратегически важного приоритета для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В системе патриотического воспитания граждан Российской Федерации выделяются следующие ключевые патриотические ценности [39]:

- любовь к родному краю, Родине, Отечеству;
- любовь к семье, своему народу, предкам и потомкам, признание семейных ценностей и важности преемственности поколений;
- уважение к государственным символам (флагу, гербу, гимну) и праздничным датам (Дню России, Дню Победы и др.);
- уважение к закону, нормам общества, уважительное отношение к представителям различных конфессий, национальностей, социальных групп;

- сохранение исторической памяти, знание истории страны, гордость за ее победы и героев;
- положительное отношение к труду, потребность в труде на благо Отечества, стремление к профессионализму и достижениям;
- гордость за российскую культуру, почтение традиций, любовь к родному языку;
- гордость за общественные, социальные, культурные, спортивные, экономические и иные достижения России;
- забота об окружающей среде, восхищение родной природой;
- признание единства своей судьбы и судьбы своей страны, своего народа;
- деятельное, осознанное отношение к своей стране и малой родине, стремление защищать интересы родной страны, заботиться о ее процветании и благополучии;
- ответственность за себя, свою семью, малую родину и Отечество.

На определенном этапе развития патриотизм становится фундаментом общества и государства, определяя их устойчивость и продуктивность социальных и государственных институтов. Патриотизм не является врожденным качеством, а формируется в процессе социализации, передаваясь не генетически, а через воспитание и опыт.

В современном мире особенно актуально четкое определение понятий «Родина», «Отечество» и «Отчизна». Родина включает в себя совокупность социальных и природных аспектов, охватывающих семью, местность проживания, город или регион. Таким образом, осознание принадлежности к семье, коллективу и народу происходит постепенно. Ключевым элементом патриотического воспитания является формирование у человека чувства гражданской идентичности, ощущения себя гражданином России.

Сегодня патриотизм заключается в формировании образованного и верного стране гражданина. Такой человек не только любит свою Родину, но и хорошо знает ее историю, культуру, активно участвует в жизни общества. В формировании патриотических ценностей молодежи можно использовать социокультурные проекты, основанные на традициях народа. Яркие национальные костюмы и праздники могут стать частью патриотического воспитания, делая его интересным и увлекательным для молодежи. Возвращение к забытым традициям и праздникам может стать эффективным способом приобщения молодежи к своим культурным ценностям. Это основа патриотизма, чувство единства со своим народом и его образом жизни. Социокультурные проекты, направленные на сохранение обычаев и ценностей, помогают почувствовать связь с прошлым, понять современные проблемы.

Материалы и методы

Для понимания вклада социокультурных проектов в формировании патриотизма современной молодежи были проанализированы данные общероссийских опросов, проведенных Всероссийским центром изучения обще-

ственного мнения (ВЦИОМ). Также использовались материалы авторского социологического исследования государственной идентичности студенческой молодежи Пензенского государственного университета «Государственные символы» ($n = 468$, март – апрель 2024 г.).

Результаты

Культура играет ключевую роль в продвижении патриотических идей и убеждений. Изучение культурного наследия и глубокое погружение в нее – это эффективный способ вызвать любовь к своей стране. В основе культуры каждой страны лежат духовные ценности ее народов. Именно традиции, обычаи и устои закладывают основу любви и преданности человека к своему Отечеству, а также стимулируют стремление к позитивным переменам в мире вокруг него.

По данным исследования, проведенного ВЦИОМ в июне 2024 г., какие события и фестивали привлекают россиян [40], не менее 58 % опрошенных граждан сообщили о посещении культурных и развлекательных мероприятий в своем регионе в течение года. Эксперты центра полагают, что это свидетельствует о значительном интересе населения к досуговым событиям.

Среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет доля посетивших подобные мероприятия достигает 80 %. Несмотря на наблюдаемое ВЦИОМ снижение заинтересованности в различных видах активности среди взрослого населения, даже в возрастной группе старше 60 лет около 47 % респондентов находят возможность посещать концерты, театральные постановки и прочие культурные события.

Основной детерминант посещаемости культурно-массовых мероприятий – материальное положение. Согласно исследованию, 68 % респондентов с высоким заработком за прошедший год были вовлечены в различные развлекательные события. В группе с низким уровнем дохода данный показатель значительно ниже – 42 %. Образование также играет существенную роль: среди опрошенных с неполным средним образованием посещают мероприятия лишь 39 %, в то время как среди лиц с высшим или незаконченным высшим образованием эта цифра достигает 69 %. Как видно из исследования, положительно на досуговую активность влияет и уровень образования.

Наиболее популярные формы досуга: 26 % опрошенных в прошлом году посещали театры и кинотеатры; 21 % предпочитали городские праздники; 18 % выбирали концерты, шоу и музеи, выставки; 9 % участвовали в экскурсиях; 6 % посещали конференции, мастер-классы и тематические фестивали; 9 % – спортивные матчи и такие мероприятия, как марафоны и велозабеги, – по 4 %.

В основном россиян больше всего привлекают музыкальные мероприятия. Около 48 % респондентов заявили о желании посещать фестивали как в своем регионе, так и за его пределами. И это притом, что длятся эти мероприятия, как правило, несколько дней. При этом люди не готовы тратить много денег. Половина принявших участие в исследовании готовы выделить на посещение музыкального фестиваля сумму, не превышающую 10 тыс. руб.

В целом, характеристики человека, посещающего культурно-массовые мероприятия и события как в своем городе, так и в других регионах, имеют много общего. Как правило, это горожане, молодые люди с высшим или неоконченным высшим образованием и хорошим достатком. Иными словами, это самая активная, образованная и обеспеченная часть населения.

В родном городе предпочтение отдается развлекательным форматам мероприятий, в то время как в поездках с целью событийного туризма более популярны культурно-познавательные программы. В обоих случаях образовательные и спортивные мероприятия пользуются меньшим спросом.

Хотя фестивали не очень популярны ни в своем регионе, ни за его пределами, многие россияне заявляют о большом интересе к ним. Особенно привлекательными кажутся фестивали, посвященные музыкальной тематике.

В ноябре 2023 г. ВЦИОМ представил результаты опроса о ценностных ориентирах россиян сквозь призму музыкальных вкусов [41]. Мелодии воодушевляют, помогают в трудные минуты и служат выражением важных для общества идеалов и убеждений. Нередко творчество становится площадкой для трансляции политических заявлений и манифестов. Опрос ВЦИОМ продемонстрировал отсутствие консолидированного мнения в российском обществе относительно необходимости для музыкантов как медийных личностей открыто демонстрировать свои политические убеждения. Преобладающее число респондентов (43 %) придерживаются мнения, что все зависит от ситуации, в то время как оставшиеся голоса разделились практически поровну: часть считает, что музыкантам следует выражать свои взгляды на политические события (27 %), другая часть уверена в обратном (26 %). Результаты опроса молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет показали примерно такие же результаты.

После начала специальной военной операции (СВО) часть российских музыкантов, выражая несогласие с политикой властей, покинули страну. Подавляющее большинство россиян (63 %) не поддерживают этот шаг, причем более половины (51 %) выражают категорическое неодобрение, а еще 12 % – скорее не одобряют. Лишь 13 % граждан поддерживают решение музыкантов, при этом среди молодежи от 18 до 35 лет этот показатель выше (22–24 %). Около 13 % респондентов не имеют определенного мнения (среди молодежи 18–24 лет – 21 %), а 8 % испытывают смешанные чувства, частично поддерживая, частично нет.

В контексте сложной международной обстановки мнения россиян о влиянии западной культуры на молодежь разделились. Половина считает необходимым ограничить это влияние (50 %), в то время как 41 % полагают, что в ограничениях нет необходимости. Этот вопрос относится к числу вопросов «отцов и детей»: пока мы молоды, чаще выступаем против ограничений в отношении себя (66–60 %), а после 35 лет склоняемся к необходимости ограждать (35–44 года – 52 %, 45 лет и старше – 57–58 %).

Патриотическая музыка играет важную роль в культурном наследии государства, обладая силой объединять граждан, воодушевлять и укреплять

единство. В представлениях россиян патриотическая песня – это песня о малой родине, месте, где ты родился и вырос (49 %), а также о природе и культуре всей России (40 %), достижениях народа и великих людей России (34 %) и простых людях (29 %). Около трети ассоциируют патриотическую музыку и песни с военными песнями (32 %), историей нашей страны (28 %), каждый седьмой – с СВО (15 %) (табл. 1) [41].

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие варианты лучше всего соответствуют Вашим представлениям о патриотичной музыке?»
(закрытый вопрос, до трех ответов, $n = 1708$)

Варианты ответа	Проценты от всех опрошенных
Это музыка, песни о любви к малой родине, месте, где ты родился	49
Это музыка, песни о природе, культуре России	40
Это музыка, песни о достижениях народа, великих людях России	34
Это музыка, песни о предыдущих войнах, героях войны	32
Это музыка, песни о простых людях	29
Это музыка, песни об истории России	28
Это музыка, песни о СВО	15
Это любая музыка, песни, написанные по заказу государства	3
Другое	3
Затрудняюсь ответить	6

Согласно мнению жителей России, среди современных исполнителей присутствуют те, кого можно назвать патриотами своей страны. В первую очередь это исполнитель песни «Я русский» Ярослав Дронов (Shaman) – 28 %. Каждый пятый считает патриотичным музыкантом Олега Газманова (22 %), а каждый десятый – Николая Расторгуева (группа «Любэ»).

В рамках социологического исследования гражданам России предложили перечислить отечественных музыкантов, которыми они гордятся. Большая часть респондентов называли эстрадных исполнителей, достаточно часто встречаются рок-музыканты, реже в ответах фигурируют исполнители классической музыки. Рейтинг музыкантов, вызывающих у россиян чувство гордости, возглавил певец Ярослав Дронов (Shaman), его назвали около четверти наших соотечественников (22 %). Второе место у Олега Газманова (13 %), третье занимает Юрий Шевчук (группа «ДДТ»). Еще 6 % назвали лидера группы «Любэ» Николая Расторгуева, 5 % – певицу Юлию Чичерину.

Традиционно ближе к концу года ВЦИОМ выясняет мнение россиян о лучших звездах эстрады. В 2024 г. наибольшую народную любовь вновь получил Ярослав Дронов (Shaman), укрепив свои позиции с 33 % в 2023 г. до 38 % в текущем замере [42].

Ярослав Дронов, набравший популярность на волне патриотических настроений, в июле 2023 г. представил новый клип на песню «Мой бой». Съемки проходили в зоне проведения специальной военной операции России. На кадрах клипа – участники СВО, врачи и медсестры, живущие в Донбассе пожилые люди. Клип, снятый в рамках благотворительного тура артиста по городам в новых регионах России, в том числе в Мариуполе, Луганске, Генчесте, менее чем за сутки набрал 1 млн просмотров. Автором идеи и режиссером клипа выступил сам музыкант. «Я хочу, чтобы моя музыка вдохновляла людей. Чтобы они чувствовали гордость за свою страну», – говорит Shaman. По словам артиста, он хотел показать российских бойцов в качестве примера мужества для всей страны [43]. Его песни, такие как «Встанем» и «Я русский», стали настоящими гимнами современной России.

Государственные символы на протяжении всей истории человечества были важны для развития общества и играли ключевую роль в становлении национального самосознания. Они несут в себе глубокий смысл, отражающий историю, обычаи и ценности государства, к которому принадлежат. Государственная символика не только оказывает эмоциональное воздействие на граждан, но и формирует определенные модели поведения, стимулирует развитие особого отношения к своей стране, отождествление с ее прошлым и культурным наследием. Символы государства, таким образом, являются мощным инструментом формирования гражданской идентичности и патриотизма.

Государственные символы страны (герб, флаг и гимн), как показал опрос ВЦИОМ [44], вызывают у россиян возвышенные чувства. Чаще всего гордость и восхищение испытывают в отношении гимна Российской Федерации 72 %, тогда как в отношении флага и герба – 68 и 64 % соответственно. Доля симпатизирующих государственным символам варьируется от 14 до 18 %, безразличных к ним – от 9 до 13 %. Негативные чувства (антипатия, раздражение, стыд) они вызывают лишь в единичных случаях – флаг в 4 %, герб и гимн – в 3 %. При этом с годами возвышенные чувства россиян к государственным символам усилились.

Результаты авторского опроса среди студенческой молодежи показали, что большинство опрошенных чувствуют гордость (75,4 %), симпатию (32,7 %) и испытывают восхищение (51,1 %) государственной символикой России, однако достаточно большое количество молодых людей (в два раза больше, чем по опросам ВЦИОМ) испытывают безразличие (6,6 %) и раздражение (0,9 %) (рис. 1).

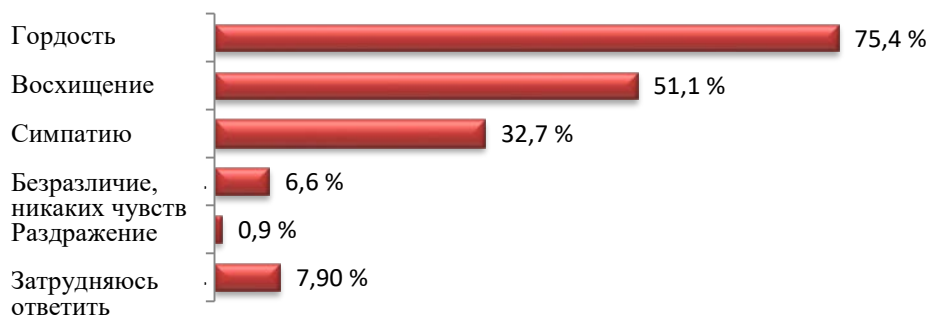

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Какие чувства Вы испытываете, когда видите государственную символику страны, гражданином которой Вы являетесь? (Отметьте все, что Вам подходит)» ($n = 468$)

Таким образом, молодежь, как и население России в целом, в подавляющем большинстве испытывает гордость по отношению к государственным символам. Количество же испытывающих безразличие и раздражение, на наш взгляд, скорее всего связано с качеством медиапотребления среди молодежи. Если старшее поколение остается приверженным телевидению, то для молодежи характерна гибридная модель поведения в медийном пространстве [45].

Ежедневное воздействие медиа формирует мировоззрение современного человека, выступая ключевым фактором в этом процессе. Масс-медиа, социальные сети и блогосфера предоставляют платформу для охвата широкой аудитории. В эпоху глобальной информатизации и упрощенного доступа к разнообразным источникам возрастает ответственность медиа за распространяемый контент.

Медиа должны корректно и объективно освещать достижения и сильные стороны страны, используя доступный язык, представляя информацию интересно и ненавязчиво, позволяя аудитории формировать собственное мнение на основе фактов. Важно развивать критическое мышление и информационную грамотность для противостояния дезинформации. Любой человек может стать источником патриотического контента, публикуя информацию о позитивных изменениях, инициативах, достижениях, участвуя в онлайн-акциях и ведя патриотические блоги.

Возможные технологии применения в планировании и реализации социокультурных проектов патриотической направленности [39]:

- разработка программ культурно-познавательного туризма для молодежи;
- расширение проекта «Пушкинская карта» и запуск похожих инициатив, ориентированных на посещение исторических мест России;
- активное продвижение проектов «Твой ход», «Большая перемена», «Классные встречи» и развитие арт-кластера «Таврида»;
- проведение культурных диктантов с целью повышения грамотности;
- организация культурных фестивалей и конкурсов современного искусства;

- создание арт-резиденций и креативных пространств в регионах и муниципалитетах;
- предоставление грантов на создание творческих работ, включая современные жанры;
- организация волонтерских кампусов для восстановления культурного наследия;
- внедрение «государственного заказа» для создания и распространения положительного и увлекательного контента о России;
- оказание поддержки патриотическим средствам массовой информации и блогерам, а также платформам, где публикуется информационный контент;
- создание образовательных медиацентров для молодежи и стимулирование участия волонтеров в медиапроектах;
- организация конкурсов для выявления лучших патриотических новостных сюжетов, видеороликов и кинофильмов;
- проведение тематических онлайн-мероприятий, направленных на продвижение патриотических ценностей;
- инициирование и поддержка развития блогов, посвященных патриотической тематике;
- разработка и распространение просветительских материалов, обучающих навыкам критического анализа информации и обеспечения информационной безопасности.

«Культура служит инструментом познания прошлого или настоящего, его осмысления и воспроизведения чувств, заложенных создателями культурных ценностей, тем самым обеспечивая передачу памяти поколений, их стремлений и идеалов. Культура – в лице лучших ее произведений – задает ролевые модели, определяет образ мыслей и поведение человека. Музыка, архитектура, литература, кино, живопись, театр, танцы формируют в человеке чувство прекрасного, позитивное отношение к окружающему, способность к сопереживанию, стремление делиться эмоциями.

Культурные достижения – как уже всемирно известные произведения и деятели, так и современные – вдохновляют, вызывают чувство гордости за свою страну, дают понимание, что без культурного наследия твоей Родины мир был бы духовно беднее. Патриотизм может проявляться через знание и почитание родной культуры, создание творческих произведений патриотической направленности или прославляющих Россию своим величием, сохранение культурного наследия для будущих поколений, межнациональное и межконфессиональное согласие и даже просто через культуру поведения» [39].

Важной составляющей социокультурных проектов является их эффективность и результативность. Для достижения поставленных целей необходимо правильно выстроить процесс проектирования и обеспечить эффективную организацию работы всех участников проекта.

Заключение

Патриотизм охватывает широкий спектр понятий: от знания родного языка и любви к местам, где человек родился, до глубокого понимания истории и вызовов, стоящих перед страной. Важную роль играет осознание своего долга перед Отечеством, стремление защищать его честь и независимость, а также выражение гражданской позиции, гордость за успехи в различных сферах жизни.

Патриотическое воспитание молодежи сегодня требует глубокого анализа и комплексного подхода. Федеральные программы и мероприятия должны проводиться с учетом местной специфики, использованием традиционных культурных ценностей и более тесным взаимодействием образовательных учреждений, общественных организаций и местных властей [37].

Медиа, транслируя позитивный и патриотический контент, также становятся инструментом воспитания патриотизма. Они оказывают влияние на мировоззрение аудитории, прививают моральные принципы и положительные примеры для подражания, тем самым формируя общественное мнение в отношении ключевых вопросов. Первостепенная задача медиа заключается в том, чтобы информационный поток способствовал укреплению единства и сплоченности в обществе, а не провоцировал его разделение. Важно, чтобы публикуемая информация содействовала консолидации общества.

Кроме того, патриотизм подразумевает знание культурных традиций и обычаев, желание трудиться на благо страны, а также приверженность общечеловеческим ценностям и милосердию. Таким образом, формирование патриотизма предполагает непрерывное развитие позитивных качеств, опирающееся на социокультурные и духовно-нравственные основы. Патриотизм предстает как единство духовного развития, активной гражданской позиции и социальной ответственности, тесно связанное с любовью к Родине.

Список литературы

1. Михеева Н. А. Социально-культурная сфера в системе социального управления // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 66. С. 230–235. EDN: JVYXGV
2. Основы социально-культурного проектирования // Справочник. URL: https://spravochnik.ru/bibliotechno-informacionnaya_deyatelnost/osnovy_socialno-kulturnogo_proektirovaniya/ (дата обращения: 27.03.2025).
3. Стебляк В. В. Специфика социокультурного проектирования в современной России // Культура и цивилизация. 2018. Т. 8, № 6А. С. 119–126. EDN: VWZENE
4. Семенова Д. М., Рачкова М. В. Оценка эффективности социокультурных проектов // Наука Красноярья. 2016. Т. 5, № 4. С. 207–212. EDN: WWHYYP
5. Тузов Д. В. Социокультурное проектирование и его место в ряду образовательных концепций // Новые педагогические исследования. 2007. № 4. С. 169–177. EDN: MBHWYD
6. Бродовская Е. В., Куранов Г. В., Нода А. С. Патриотическое воспитание молодежи в российской федерации: опыт дальневосточного федерального округа // Власть. 2025. Т. 33, № 1. С. 192–197. doi: 10.24412/2071-5358-2025-1-192-197 EDN: TTLMRW

7. Кузнецов И. М. Вариативность дискурсов патриотизма в повседневном сознании россиян // Власть. 2016. Т. 24, № 7. С. 164–171. EDN: WHYIML
8. Левашов В. К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 67–76. EDN: OPCJTF
9. Селиванова З. К. Национальная консолидация, патриотизм, традиционализм как ответ российского общества на вызовы времени // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 161–166. doi: 10.7868/S0132162518030212 EDN: YVQXXJ
10. Халий И. А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 67–74. EDN: YGAMSJ
11. Гузенина С. В. Этнокультурные основы образа Родины в теории и практике социального поведения : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.06. М., 2019. 58 с.
12. Касамара В. А., Сорокина А. А. «С чего начинается Родина»: патриотизм в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2016. № 6. С. 99–110. EDN: XHDDT
13. Магун В. С., Магун А. В. Связь со страной и гордость за ее достижения (российские данные в контексте международных сравнений) // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 102–113. EDN: JWLTHL
14. Сальникова О. В. Формирование патриотических ценностных ориентаций студенческой молодежи в институциональной среде высшего образования : дис. ... канд. социол. наук : 5.4.4. Пенза, 2023. 233 с.
15. Сорокин О. В. Смысловые компоненты отношения к Родине в культурном пространстве молодежи // Вестник Адыгейского государственного университета. 2021. № 3 (284). С. 110–121. doi: 10.53598/2410-3691-2021-3-284-110-121 EDN: TTBUNU
16. Ешев М. А. Российский патриотизм как основа национальной идентичности // Власть. 2013. Т. 21, № 6. С. 116–118. EDN: QJFTIR
17. Килин С. В. Теоретические, ценностные и организационно-правовые основы формирования патриотического устроения у современной российской молодежи // Вестник славянских культур. 2020. № 58. С. 122–137. doi: 10.37816/2073-9567-2020-58-122-137 EDN: GSDPCZ
18. Колесникова Е. Ю. Формирование гражданского патриотизма студенческой молодежи Юга России: факторы и барьеры (по материалам фокус-групп) // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5, № 2 (16). С. 82–98. doi: 10.18522/2658-5820.2022.2.7 EDN: HFPISS
19. Магранов А. С., Панфилова Ю. С. Патриотическая самоидентификация и отношение к протестной активности в сознании студенческой молодежи Ростовской области // Власть. 2021. № 3. С. 175–180. doi: 10.31171/vlast.v29i3.8177 EDN: PCFARN
20. Маленков В. В. Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 120–131. doi: 10.17223/1998863X/67/11 EDN: QHIFIJ
21. Пантелеев В. Г. Представления об основании патриотизма студентов и их оценки патриотических мероприятий вуза: Крым и Россия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70), № S2. С. 119–126. EDN: YONUJF
22. Першина К. В. Патриотизм как ценностная ориентация студентов // Вестник экспериментального образования. 2020. № 4 (25). С. 39–47. EDN: KVVYXM

23. Разов П. В., Фарисов Ф. Ф. Факторы, влияющие на формирование патриотизма российской молодежи: социологический и эмпирический анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 4 (849). С. 137–141. doi: 10.52070/2500-347X_2022_4_849_137 EDN: HCWZID
24. Узунова О. Ю. Теоретические аспекты изучения патриотизма в его связи с формированием гражданской идентичности молодежи в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 5. С. 220–231. doi: 10.23683/2227-8656.2017.5.19 EDN: ZNGUDH
25. Шиняева О. В., Ахметшина Е. Р., Ключева Т. В. Патриотизм и гражданские позиции студентов высших учебных заведений в контексте социальной модернизации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 63–78. doi: 10.24412/2071-6141-2021-3-63-78 EDN: QHKCSN
26. Олизько Н. С. Университетский медиадискурс как средство патриотического воспитания молодежи // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 3 (7). С. 111–115. doi: 10.21603/2782-4799-2023-2-3-111-115 EDN: DCUFPP
27. Семенов А. А. Социальные сети как инструмент патриотического воспитания молодежи // Молодежная политика: состояние, проблемы, перспективы : сб. тр. заоч. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 31 августа 2020 г.). СПб. : Дом молодежи Санкт-Петербурга, 2020. С. 79–84. EDN: VDMFLH
28. Парма Р. В. Продвижение патриотической повестки в социальных медиа среди российской студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 1. С. 44–67. doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-44-67 EDN: LLCBSO
29. Сикевич З. В., Федорова А. А. Границы русского патриотизма (опыт нереактивного и классического исследования) // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 134–146. doi 10.31857/S013216250014126-1 EDN: FEHOXR
30. Акимова Л. А. Социология досуга. М. : Моск. гос. ун-т культуры и искусств, 2003. 123 с.
31. Алпацкий И. И. Культуроохранные технологии социально-культурной деятельности в системе патриотического воспитания молодежи : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.05. Тамбов, 2004. 24 с. EDN: NHRQAB
32. Молчанова Н. В. Патриотическое воспитание молодежи средствами социально-культурной деятельности историко-мемориальной направленности // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2017. Т. 11, № 4. С. 115–122. doi: 10.22412/1999-5644-11-4-14 EDN: YLNLZV
33. Нагачевский А. С., Жаркова А. А. Воспитание патриотических качеств у молодежи средствами культурно-досуговых программ в условиях социально-культурной деятельности // Человек. Социум. Общество. 2023. № 3. С. 47–54. EDN: ZMLOMU
34. Соловьева Е. З. Социально-культурные технологии патриотического воспитания молодежи в процессе возрождения народных обрядов : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. 23 с. EDN: QHQLBX
35. Терехов П. П. Формирование патриотизма у молодежи в процессе социально-культурной деятельности // Формирование патриотизма у молодежи средствами социально-культурной деятельности: векторы исследовательских и практических перспектив : сб. тр. Междунар. электрон. науч.-практ. конф. (г. Казань, 1 декабря 2016 г.). Казань : Астор и Я, 2016. С. 15–19. EDN: XGJBLL
36. Шигапова И. И. Воспитание патриотизма молодежи средствами социально-культурной деятельности // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2005. № 4. С. 72–80. EDN: HROTIJ

37. Карпова М. К. Патриотические настроения современной молодежи: вызовы времени // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12, № 4. С. 53–65. doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-4-6 EDN: JGRPAT
38. Васильева О. В. Патриотизм как прагматичный и/или аффективный выбор (на материалах Республики Саха (Якутия)) // Социологические исследования. 2024. № 8. С. 94–104. doi: 10.31857/S0132162524080072 EDN: QQOIBM
39. Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации : метод. рекомендации (утв. Экспертным советом по патриотическому воспитанию при ФГБУ «Роспатриотцентр» от 10 октября 2022 г.) // Федеральное агентство по делам молодежи. URL: <https://www.pdnpf.ru/wp-content/uploads/2022/12/Metodicheskie-rekomendatsii-po-Osnovam-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-Rossijskoj-Federatsii.pdf> (дата обращения: 27.03.2025).
40. Точки притяжения, или Событийный туризм-2024 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tochki-pritjazhenija-ili-sobytiinyi-turizm-2024> (дата обращения: 27.03.2025).
41. Шоу-бизнес эпохи СВО: от патриотов до релокантов // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shou-biznes-ehpokhi-svo-ot-patriotov-do-relokantov> (дата обращения: 27.03.2025).
42. Звезды эстрады – 2024 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zvezdy-ehstrady-2024> (дата обращения: 27.03.2025).
43. SHAMAN снял новый клип в зоне СВО // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230720/shaman-1885257955.html> (дата обращения: 27.03.2025).
44. Государственные символы // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/simvoly-rossii> (дата обращения: 27.03.2025).
45. Розенберг Н. В., Карпова М. К. Символы государственной идентичности в представлениях российской студенческой молодежи // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12, № 2. С. 120–130. doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-2-12 EDN: JYECAP

References

1. Mikhееva N.A. Social and cultural sphere in the system of social management. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* = *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen*. 2008;(66):230–235. (In Russ.)
2. Fundamentals of socio-cultural design. *Spravochnik* = *Guide*. (In Russ.). Available at: https://spravochnik.ru/bibliotechno-informacionnaya_deyatelnost/osnovy_socialno-kulturnogo_proektirovaniya/ (accessed 27.03.2025).
3. Steblyak V.V. The specifics of socio-cultural design in modern Russia. *Kul'tura i tsivilizatsiya* = *Culture and civilization*. 2018;8(6A):119–126. (In Russ.)
4. Semenova D.M., Rachkova M.V. Evaluating the effectiveness of sociocultural projects. *Nauka Krasnoyar'ya* = *Science of Krasnoyarsk*. 2016;5(4):207–212. (In Russ.)
5. Tuzov D.V. Sociocultural design and its place among educational concepts. *Novye pedagogicheskie issledovaniya* = *New pedagogical researches*. 2007;(4):169–177. (In Russ.)
6. Brodovskaya E.V., Kuranov G.V., Noda A.S. Patriotic education of youth in the Russian federation: the experience of the Far Eastern Federal District. *Vlast'* = *Authority*. 2025;33(1):192–197. (In Russ.). doi: 10.24412/2071-5358-2025-1-192-197

7. Kuznetsov I.M. Variability of discourses of patriotism in the everyday consciousness of Russians. *Vlast' = Authority*. 2016;24(7):164–171. (In Russ.)
8. Levashov V.K. Patriotism in the context of modern socio-political realities. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 2006;(8):67–76. (In Russ.)
9. Selivanova Z.K. National consolidation, patriotism, traditionalism as a response of Russian society to the challenges of the times. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 2018;(3):161–166. (In Russ.). doi: 10.7868/S0132162518030212
10. Khaliy I.A. Patriotism in Russia: an experiment in typology. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 2017;(2):67–74. (In Russ.)
11. Guzenina S.V. *Ethnocultural foundations of the image of the Motherland in the theory and practice of social behavior: DSc abstract*. Moscow, 2019:58. (In Russ.)
12. Kasamara V.A., Sorokina A.A. “Where the Motherland begins”: patriotism in the perceptions of student youth. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 2016;(6):99–110. (In Russ.)
13. Magun V.S., Magun A.V. Connection with the country and pride in its achievements (Russian data in the context of international comparisons). *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 2009;(3):102–113. (In Russ.)
14. Sal'nikova O.V. *Formation of patriotic value orientations of student youth in the institutional environment of higher education: PhD dissertation*. Penza, 2023:233. (In Russ.)
15. Sorokin O.V. Semantic components of attitudes towards the Motherland in the cultural space of young people. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Adygea State University*. 2021;(3):110–121. (In Russ.). doi: 10.53598/2410-3691-2021-3-284-110-121
16. Eshev M.A. Russian patriotism as the basis of national identity. *Vlast' = Authority*. 2013;21(6):116–118. (In Russ.)
17. Kilin S.V. Theoretical, value-based and organizational-legal foundations for the formation of a patriotic mindset among modern Russian youth. *Vestnik slavyanskikh kul'tur = Bulletin of Slavic Cultures*. 2020;(58):122–137. (In Russ.). doi: 10.37816/2073-9567-2020-58-122-137
18. Kolesnikova E.Yu. Formation of civic patriotism among student youth in the South of Russia: factors and barriers (based on focus group data). *Caucasian Science Bridge*. 2022;5(2):82–98. (In Russ.). doi: 10.18522/2658-5820.2022.2.7
19. Magranov A.S., Panfilova Yu.S. Patriotic self-identification and attitudes toward protest activity in the consciousness of student youth in the Rostov region. *Vlast' = Authority*. 2021;(3):175–180. (In Russ.). doi: 10.31171/vlast.v29i3.8177
20. Malenkov V.V. Patriotism, citizenship in politics and youth identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2022;(67):120–131. (In Russ.). doi: 10.17223/1998863X/67/11
21. Panteleev V.G. Students' perceptions of patriotism and their assessment of university patriotic events: Crimea and Russia. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya = Proceedings of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology*. 2018;4(S2):119–126. (In Russ.)
22. Pershina K.V. Patriotism as a value orientation of students. *Vestnik eksperimental'nogo obrazovaniya = Bulletin of experimental education*. 2020;(4):39–47. (In Russ.)
23. Razov P.V., Farisov F.F. Factors influencing the formation of patriotism among Russian youth: sociological and empirical analysis. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki = Bulletin of Moscow State Lin-*

- guistic University. Social sciences.* 2022;(4):137–141. (In Russ.). doi: 10.52070/2500-347X_2022_4_849_137
24. Uzunova O.Yu. Theoretical aspects of the study of patriotism in its connection with the formation of civic identity of youth in modern Russian society. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia.* 2017;6(5):220–231. (In Russ.). doi: 10.23683/2227-8656.2017.5.19
 25. Shinyaeva O.V., Akhmetshina E.R., Klyueva T.V. Patriotism and civic positions of students of higher education institutions in the context of social modernization. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Proceedings of Tula State University. Humanities.* 2021;(3):63–78. (In Russ.). doi: 10.24412/2071-6141-2021-3-63-78
 26. Oliz'ko N.S. University media discourse as a means of patriotic education of youth. *Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nye seti = Virtual communication and social networks.* 2023;2(3):111–115. (In Russ.). doi: 10.21603/2782-4799-2023-2-3-111-115
 27. Semenov A.A. Social networks as a tool for patriotic education of youth. *Molodezhnaya politika: sostoyanie, problemy, perspektivy: sb. tr. zauch. nauch.-prakt. konf. (g. Sankt-Peterburg, 31 avgusta 2020 g.) = Youth policy: status, problems, prospects: proceedings of correspondence scientific and practical conference (Saint Petersburg, August 31, 2020).* Saint Petersburg: Dom molodezhi Sankt-Peterburga, 2020:79–84. (In Russ.)
 28. Parma R.V. Promoting a patriotic agenda in social media among Russian student youth. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia.* 2024;33(1):44–67. (In Russ.). doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-44-67
 29. Sikevich Z.V., Fedorova A.A. The boundaries of Russian patriotism (an experiment in non-reactive and classical research). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches.* 2021;(6):134–146. (In Russ.). doi 10.31857/S013216250014126-1
 30. Akimova L.A. *Sotsiologiya dosuga = Sociology of leisure.* Moscow: Mosk. gos. un-t kul'tury i iskusstv, 2003:123. (In Russ.)
 31. Alpatskiy I.I. *Cultural protection technologies of socio-cultural activities in the system of patriotic education of youth: PhD abstract.* Tambov, 2004:24. (In Russ.)
 32. Molchanova N.V. Patriotic education of youth through socio-cultural activities of historical and memorial orientation. *Vestnik Assotsiatsii vuzov turizma i servisa = Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service.* 2017;11(4):115–122. (In Russ.). doi: 10.22412/1999-5644-11-4-14
 33. Nagachevskiy A.S., Zharkova A.A. Fostering patriotic qualities in young people through cultural and leisure programs in the context of socio-cultural activities. *Che-lovek. Sotsium. Obshchestvo = Man. Society. Community.* 2023;(3):47–54. (In Russ.)
 34. Solov'eva E.Z. *Socio-cultural technologies of patriotic education of youth in the process of revival of folk rituals: DSc abstract.* Moscow, 2011:23. (In Russ.)
 35. Terekhov P.P. Formation of patriotism in young people in the process of socio-cultural activities. *Formirovanie patriotizma u molodezhi sredstvami sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti: vektory issledovatel'skikh i prakticheskikh perspektiv: sb. tr. Mezhdunar. elektron. nauch.-prakt. konf. (g. Kazan', 1 dekabrya 2016 g.) = Formation of patriotism in young people through socio-cultural activities: vectors of research and practical prospects: proceedings of electronic scientific and practical conference (Kazan, December 1, 2016).* Kazan: Astor i Ya, 2016:15–19. (In Russ.)

36. Shigapova I.I. Fostering patriotism in young people through socio-cultural activities. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts*. 2005;(4):72–80. (In Russ.)
37. Karpova M.K. Patriotic sentiments of modern youth: challenges of the times. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2024;12(4):53–65. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-4-6
38. Vasil'eva O.V. Patriotism as a pragmatic and/or affective choice (by the materials from the Republic of Sakha (Yakutia)). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 2024;(8):94–104. (In Russ.). doi: 10.31857/S0132162524080072
39. Fundamentals of patriotic education of citizens of the Russian Federation: methodological recommendations (approved by the Expert Council on Patriotic Education at the Federal State Budgetary Institution “Rospatriotcenter” on October 10, 2022). *Federal'noe agentstvo po delam molodezhi = Federal Agency for Youth Affairs*. (In Russ.). Available at: <https://www.rtsvp.rf/wp-content/uploads/2022/12/Metodicheskie-rekomendatsii-po-Osnovam-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-Rossijskoj-Federa-tsii.pdf> (accessed 27.03.2025).
40. Points of Attraction, or Event Tourism 2024. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = The Russian Public Opinion Research Center*. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tochki-pritjazheniya-ili-sobytiinyi-turizm-2024> (accessed 27.03.2025).
41. Show business of the SWO era: from patriots to relocators. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = The Russian Public Opinion Research Center*. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shou-biznes-ehpokhi-svo-ot-patriotov-do-relokantov> (accessed 27.03.2025).
42. Pop Stars – 2024. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = The Russian Public Opinion Research Center*. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zvezdy-ehstrady-2024> (accessed 27.03.2025).
43. SHAMAN filmed a new video in the SWO zone. *RIA Novosti = RIA news*. (In Russ.). Available at: <https://ria.ru/20230720/shaman-1885257955.html> (accessed 27.03.2025).
44. State symbols. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = The Russian Public Opinion Research Center*. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/simvoly-rossii> (accessed 27.03.2025).
45. Rozenberg N.V., Karpova M.K. Symbols of state identity in the perceptions of Russian student youth. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2024;12(2):120–130. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-2-12

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Владимировна Розенберг
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
и социальных коммуникаций,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: rozenbergnv@mail.ru

Natal'ya V. Rozenberg
Doctor of philosophical sciences, professor,
head of the sub-department of philosophy
and social communications, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Маргарита Константиновна Карпова

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры философии и социальных
коммуникаций, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Margarita K. Karpova

Candidate of sociological sciences,
associate professor, associate professor
of the sub-department of philosophy
and social communication, Penza State
University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

E-mail: karpovamk@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 23.03.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.04.2025

Принята к публикации / Accepted 11.05.2025

УДК 316.344.3

doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-3

Социальные стратегии трудовой мотивации персонала в различных отраслях и развитие социально-профессиональной структуры организаций

Л. И. Найденова¹, Е. А. Данилова², Ш. Г. Сеидов³

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹linajdenova@yandex.ru, ²danilovaea31@gmail.com, ³tabaris@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В современных условиях трудовая мотивация социально-профессиональных групп персонала может влиять на выполнение функциональных обязанностей, которые сопровождают развитие социально-профессиональной структуры. Связующим звеном при этом являются социальные стратегии трудовой мотивации персонала. Цель – проанализировать типы социальных стратегий трудовой мотивации персонала и показатели развития социально-профессиональной структуры организаций в различных отраслях, чтобы определить возможности их взаимного влияния и средства регулирования. *Материалы и методы.* Были использованы системный подход, типологическая концепция трудовой мотивации по В. И. Герчикову, анкетный опрос, интервью. *Результаты.* Сопоставлены показатели социально-профессиональной структуры и результаты исследования трудовой мотивации персонала организаций, относящихся к ИТ-сфере, жилищно-коммунального хозяйства, обрабатывающей промышленности (производство стройматериалов), банковской сфере, системе дошкольного воспитания. Определены типы мотивации персонала данных организаций в соответствии с типологией трудовой мотивации персонала по В. И. Герчикову. Показано, что социальные стратегии определяют социальное поведение и через него влияют на развитие социально-профессиональной структуры организации. *Выводы.* Развитие социально-профессиональной структуры определяет социальные стратегии мотивации работников организаций через социально-трудовые отношения. Предложены рекомендации для повышения эффективности системы стимулирования и мотивации персонала организаций.

Ключевые слова: персонал предприятий и организаций, трудовая мотивация, социально-профессиональная структура, социальные стратегии мотивации персонала, типы мотивации

Благодарности: авторы благодарят студентов ПГУ, направление подготовки – «Управление персоналом» (В. Р. Светлову, Д. Р. Карамышеву, Д. К. Лалиса, А. А. Загребину) за участие в проведенных исследованиях.

Для цитирования: Найденова Л. И., Данилова Е. А., Сеидов Ш. Г. Социальные стратегии трудовой мотивации персонала в различных отраслях и развитие социально-профессиональной структуры организаций // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2. С. 36–46. doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-3

The social strategies for staff motivation in various industries and the development of the socio-professional structure of organizations

L.I. Naidenova¹, E.A. Danilova², Sh.G. Seidov³

^{1,2,3}Penza State University, Penza, Russia

¹linajdenova@yandex.ru, ²danilovaea31@gmail.com, ³tabaris@mail.ru

Abstract. *Background.* In modern conditions, the labor motivation of socio-professional groups of personnel can change and affect the performance of functional duties that accompany the development of a socio-professional structure. The connecting link is the social strategies of staff motivation. *Objective:* to analyze the types of social strategies for staff motivation and indicators of the development of the socio-professional structure of organizations in various industries in order to determine the possibilities of their mutual influence and means of regulation. *Materials and methods.* A systematic approach, a typological concept of labor motivation according to V.I. Gerchikov questionnaire survey, interview. *Results.* The indicators of the socio-professional structure and the results of a study of the labor motivation of personnel of organizations related to the IT sector, housing and communal services, the manufacturing industry (production of building materials), the banking sector, and the preschool education system are compared. The types of motivation of the personnel of these organizations are determined in accordance with the typology of labor motivation of personnel according to V.I. Gerchikov. It is shown that social strategies determine social behavior and through it influence the development of the socio-professional structure of the organization. *Conclusions.* It is concluded that the development of the socio-professional structure determines the social strategies of motivation of employees of organizations through social and labor relations. Recommendations are proposed to improve the effectiveness of the incentive system and motivate the personnel of organizations.

Keywords: personnel of enterprises and organizations, labor motivation, socio-professional structure, social strategies of staff motivation, types of motivation.

Acknowledgements: authors extend gratitude to PSU students, training program – “Human Resources Management” (Svetlova V.R., Karamysheva D.R., Lalis D.K., Zagrebina A.A.) for participation in the research conducted

For citation: Naidenova L.I., Danilova E.A., Seidov Sh.G. The social strategies for staff motivation in various industries and the development of the socio-professional structure of organizations. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(2):36–46. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-3

Введение

Социальные стратегии мотивации персонала направлены на удовлетворение эмоциональных потребностей человека и создание баланса между работой и личной жизнью. Это способствует выполнению функциональных обязанностей работников, сопровождающих формирование и развитие социально-профессиональной структуры. Поэтому важно определять типы социальных стратегий трудовой мотивации персонала и сопоставлять с ними показатели развития социально-профессиональной структуры организаций

в различных отраслях, чтобы определить возможности и средства их взаимного влияния.

Цели исследования – сравнительный анализ типов социальных стратегий трудовой мотивации персонала и показателей социально-профессиональной структуры организаций в различных отраслях, а также определение возможности их взаимного влияния, чтобы найти эффективные средства регулирования социально-профессиональной структуры персонала организаций в различных отраслях.

В модели структуры мотивации В. И. Герчикова выделяются 4 основных типа мотивации достижения и тип мотивации избегания [1]. На основе этой типологии А. В. Ребров определил, при каких условиях и каким образом каждый тип мотивации воздействует на результативность труда [2]. М. Ю. Хандус разработал алгоритм применения схемы мотивации Герчикова для персонала организаций, включающий определение доминирующих типов мотивации у групп сотрудников и выбор соответствующей стратегии, с разработкой программы мотивации [3, с. 145].

Начиная с 2000-х гг. социологи подробно исследуют трудовую мотивацию персонала в социологических аспектах (О. А. Никифорова [4], Г. А. Волковицкая [5], В. А. Тряскина, Г. А. Чеджемов [6], И. Г. Купцова [7]). О. Я. Пономарева, Д. В. Шкурин выявили дифференциацию факторов удовлетворенности трудом у персонала на двух предприятиях крупного бизнеса в зависимости от пола, возраста, стажа и образования, т.е. показателей социальной структуры организации [8].

Следует разделять социальные стратегии со стороны организации в аспекте управления персоналом и социальные стратегии работника как представителя определенной социально-профессиональной группы персонала в аспекте его социального поведения, выраженного через отношение к своей работе и к организации в целом.

К распространенным социальным стратегиям мотивации со стороны организации относятся: признание заслуг, поддержка и сотрудничество, создание атмосферы командного взаимодействия, формирование чувства принадлежности к организации, вовлечение в процесс принятия управленческих решений, повышение социального статуса и профессиональное продвижение. Это дает работникам возможность занимать руководящие позиции в проекте, назначение сотрудников наставниками для новичков, предложение повышения или новых должностей [9].

От социальных стратегий мотивации надо отличать социальную мотивацию персонала, поскольку она является способом стимулирования работников и заключается в одобрении (реже – в порицании) профессиональных действий сотрудника [9]. Социальная мотивация персонала – это признание достижений сотрудников, помощь во взаимодействии с коллегами, поддержка участия в коллективной жизни организации. Здесь проявляются задачи для организации – это создание оптимального социально-психологического климата, укрепление лояльности персонала и формирование эффективной кор-

поративной культуры организации. В способы социальной мотивации входят: устная похвала, благодарственное письмо по электронной почте, торжественное вручение награды, помещение фотографии сотрудника на коллективной Доске почета [10].

К социальным стратегиям работника относятся выбор будущей профессии или специальности, получение необходимых знаний и профессиональных компетенций, накопление опыта деятельности в своей сфере. Все это проявляется через профессиональные планы вначале и через отношение к своей работе – затем. Социальные стратегии работников как представителей определенных социально-профессиональных групп в организации являются связующим звеном между мотивацией работника и развитием социально-профессиональной структуры организации.

Социально-профессиональная структура персонала организации подробно охарактеризована в научной и учебно-методической литературе. Довольно обобщенным представляется определение, которое приводит И. Б. Тесленко [11, с. 6]. Профессиональная структура персонала организации – это соотношение представителей различных профессий или специальностей, обладающих комплексом теоретических знаний и практических навыков, приобретенных в результате обучения и опыта работы в конкретной области. Несколько другой смысл имеет квалификационная структура персонала – это соотношение работников различного уровня квалификации, необходимого для выполнения определенных трудовых функций. Обе эти структуры являются как бы частными уровнями наиболее обобщенной структуры персонала организации – социальной.

В условиях информатизации общества и цифровизации экономики появились новые направления исследований социологических аспектов мотивации персонала, в частности изучение влияния компьютеризации на социальные аспекты труда персонала (А. Г. Эфендиев, А. С. Гоголева, Е. С. Балабанова) [12].

Материалы и методы

Для методологического обоснования анализа мотивации выбрана типология трудовой мотивации по В. И. Герчикову. Он выделяет пять типов трудовой мотивации. Из них 4 типа относятся к мотивации достижения (инструментальный, профессиональный, патриотический, хозяйский) и один тип – к мотивации избегания (избегательный) [1].

Использованы результаты пилотажных исследований, проведенных кафедрой «Социология и управление персоналом» в 2019–2024 гг., для проверки первичной гипотезы о том, что существуют взаимосвязи между социальными стратегиями мотивации работников организаций и развитием социально-профессиональной структуры персонала. Практические методы исследования – анализ документов организации, анкетный опрос, интервью. Исследование проводилось на предприятиях и в организациях:

– сферы мобильных телекоммуникаций – ООО «Некст Сим», г. Москва, 2019 г., методом интервью опрошено 5 чел. – руководителей подразделений;

– сферы добывающей промышленности – ООО «Иссинский комбинат строительных материалов», р.п. Исса, Пензенская область, 2024 г., метод – анкетный опрос, выборка сплошная, опрошено 111 чел., в том числе 87 специалистов и 12 руководителей;

– сферы жилищно-коммунального хозяйства – Муниципальное эксплуатационное учреждение Бессоновского района, Пензенская область, 2021 г., методом интервью опрошено 6 чел. – руководителей подразделений;

– банковской сферы – ООО «Русфинанс банк» (Пензенский филиал), 2020 г., метод – анкетный опрос, выборка сплошная, опрошено 48 чел.;

– системы дошкольного воспитания – МБДОУ «Детский сад № 8», г. Нижний Ломов, Пензенская область, 2022 г., метод – анкетный опрос, выборка сплошная, опрошено 48 чел. – педагогов детского сада.

Результаты. При анализе мотивации персонала на названных предприятиях на базе типологии трудовой мотивации по В. И. Герчикову были обнаружены следующие типы, с которыми сопоставлены показатели социально-профессиональной структуры персонала данных организаций.

В организации телекоммуникационной сферы (ООО «Некст Сим», 2019 г.) основной вид деятельности – оптовая поставка радио-, теле- и видеоаппаратуры и аппаратуры для цифровых видеодисков (dvd). Это требует компетенций и навыков не только в отношении оборудования для информационно-коммуникационных технологий, но и в том, что связано со сбытом продукции (маркетинг, логистика). Необходимое профессиональное образование для персонала – среднее, а для руководителей – высшее (возможно, на уровне бакалавриата).

Обнаружено, что для эффективного управления мотивацией персонала для руководителей нужны точные правила выплаты и критерии формирования зарплаты; заинтересованность персонала в работе в организации; предупреждение конфликтов по поводу заработной платы. Для персонала необходимы регламентированный размер выплат, информация о нем. Это, скорее, инструментальный тип мотивации у основного персонала и у руководителей – хозяйский тип мотивации.

В трудовом коллективе компании Муниципального эксплуатационного учреждения Бессоновского района (жилищно-коммунальное хозяйство) в основном преобладают мужчины, они составляют 69 % (75 чел.) от общей численности персонала, что связано со спецификой деятельности учреждения, специализирующейся на предоставлении жилищно-коммунальных услуг населению. 31 % (34 чел.) составляют женщины. Основными целями деятельности Муниципального эксплуатационного учреждения Бессоновского района Пензенской области являются бесперебойное теплоснабжение, водоснабжение, энергоснабжение, безаварийная работа инженерных систем и оборудования. По ответам ведущего экономиста, размеры и условия стимулирующих выплат устанавливаются трудовыми договорами и локально-нормативными актами. Это выплаты за старшинство в период отопительного сезона в размере 10 % от должностного оклада; выплаты за выслугу лет в за-

висимости от стажа. Нематериальные формы мотивации включают: моральное поощрение; отметка результатов работы на собраниях; конкурсы на звание «Лучший по профессии» с оглашением результатов на корпоративных мероприятиях и с награждением победителей ценными подарками и грамотами. В организации жилищно-коммунального хозяйства прослеживается сочетание инструментального типа мотивации с избегательным у работников, чему способствуют системы и формы оплаты труда. У руководителей возможна инструментальная мотивация в сочетании с хозяйской.

В организации, представляющей обрабатывающую промышленность (производство стройматериалов – ООО «Иссинский Комбинат строительных материалов», Пензенская область), основные направления деятельности – производство и продажа минеральных стройматериалов. Среднесписочная численность персонала увеличивалась от 53 чел. в 2020 г. до 139 чел. в 2022 г., из них 111 чел. – специалисты и руководители.

Анкетный опрос персонала позволил выделить факторы трудовой мотивации на данном предприятии. По уровням уменьшения доли ответов (проценты к общему количеству ответов) факторы распределились следующим образом: заработная плата, взаимоотношения в коллективе, условия работы, карьерный рост (105 и более ответов). Далее по уровню уменьшения от 9 % и ниже – график работы, престижность, безопасность, призвание к работе, ответственность.

Оценка респондентами своей заработной платы показала, что 64 % работников не согласны с уровнем оплаты труда и считают свой труд недооцененным, 27 % согласны с оплатой труда и 9 % воздержались от ответа. 54 % респондентов считают, что получаемое ими признание справедливо по отношению к результатам проделанного труда. Но 31 % респондентов дали отрицательный ответ на этот вопрос (в основном так ответила группа рабочих). При оценке своих трудовых усилий оказалось, что 51 % опрошенных считают высокими свои затраченные усилия на выполнение работы. 33 % респондентов считают их невысокими (в основном это подсобные рабочие). Возможно, в этой организации преобладающий тип мотивации – инструментальный. Труд рабочего персонала жестко регламентирован и не подразумевает возможности инициативы.

Для сравнения представлены результаты исследования системы мотивации сотрудников банковской сферы. Большинство сотрудников организации имели высшее образование (более 60 %) на протяжении 2016–2018 гг. Это свидетельствует о том, что при отборе персонала сотрудникам с высшим образованием отдается предпочтение. Значительная доля сотрудников (16,67 % в 2018 г.) имеют незаконченное высшее образование, т.е. данные сотрудники являются студентами вузов и получают высшее образование, т.е. стремятся к повышению своей квалификации и уровня интеллектуального капитала. После окончания вуза данные сотрудники смогут претендовать на более высокие должностные позиции, тем более в организации имеются хорошие возможности для продвижения сотрудников.

В ходе интервью руководителя Пензенского подразделения ООО «Русфинанс Банк» был задан вопрос о формах мотивации труда в данной организации. По мнению руководителя, в организации используют все средства материального и нематериального стимулирования для мотивации персонала. И основная часть персонала удовлетворена своим трудом в данной организации, о чем говорят лояльность и минимальная текучесть кадров. Наибольшее значение среди факторов мотивации имеют заработная плата (55,6 % респондентов) и возможность карьерного роста (44,4 % респондентов). Но 40 % респондентов пока не видят перспектив своего карьерного роста, 20 % считают возможности карьерного роста подходящими, а остальные респонденты затруднились оценить перспективы карьерного роста. В организациях банковской сферы, вероятно, прослеживается профессиональная мотивация персонала, основанная на уровнях квалификации работников в зависимости от выполняемых ими функций. Преобладающие типы мотивации – профессиональный и, возможно, патриотический.

Система дошкольного воспитания имеет свои особенности, связанные с содержанием труда. В структуре персонала детсада основной персонал занимает 42 %, вспомогательный – 50 % и административный – 8 %. Почти 53 % сотрудников имеют стаж работы свыше 20 лет. Все имеют достаточный уровень образования для занимаемой должности. 52,6 % имеют высшее образование и 43,8 % – среднее и среднее специальное. Были опрошены 36 чел. (педагоги детсада) по методике К. Замфир «Мотивация профессиональной деятельности». По мнению опрошенных, в большой и очень большой степени факторами трудовой мотивации являются оплата труда (65 %), возможности профессионального роста (45 %), стремление избежать возможных негативных санкций (61 %), возможность самореализации в данной сфере труда (72 %), удовлетворение результатами и процессом труда (69 %).

В организации дошкольного воспитания (детсад), вероятно, в основном проявляется инструментальный тип мотивации в сочетании с элементами патриотической. В системе дошкольного воспитания преобладающим типом мотивации может быть инструментальный в сочетании с элементами патриотической.

Обсуждение

При анализе мотивации персонала на названных предприятиях мы обнаружили соответствие с тенденциями, выявленными и другими авторами, на базе типологии трудовой мотивации по В. И. Герчикову. Как выявил А. Д. Блинов, достижение эффективно влияет на результаты труда в тех сферах деятельности, где в содержании труда имеются элементы творчества, созидания (активные продажи, реклама). Но и избегание эффективно влияет на результаты труда, если в его содержании имеются экономические и информационные риски и строгие правила (бухгалтерия, администрирование, компьютерная безопасность) [13].

Характер и содержание труда влияют на предпочтение определенного вида мотивации, и это проявляется в трудовом поведении работника и при выборе социальных стратегий. На предприятиях, где в основном имеет место физический труд с помощью машин и механизмов, преобладает инструментальный тип мотивации, а у руководителей часто встречается хозяйский тип. У отдельных представителей персонала возможно сочетание инструментального типа мотивации с избегательным. В организациях, деятельность которых связана с умственным трудом, где требуется достаточно высокая квалификация, чаще встречается профессиональный тип. В организации дошкольного воспитания (детсад), вероятно, в основном проявляется инструментальный тип мотивации в сочетании с элементами патриотического.

В обрабатывающей промышленности и в жилищно-коммунальном хозяйстве к наиболее значимым факторам мотивации относятся: заработная плата, отношения в коллективе, благоприятные условия работы, карьерный рост. К менее значимым факторам относятся обеспечение безопасности на производстве и ответственность. Согласно теории справедливости, можно заметить, что часть опрошенного персонала ожидает более высокой оценки и вознаграждения за свой труд и затраченные усилия, но не получает ожидаемого. Это подтверждается и мнением респондентов о справедливости вознаграждения своего труда.

В организациях банковской сферы у работников могут быть высокие карьерные стремления, а также стремление к обучению как к основе для профессионального продвижения и довольно высокая трудовая дисциплина.

Заключение

Социальные стратегии работников определяют социальное поведение и через него влияют на развитие социально-профессиональной структуры организации. Развитие социально-профессиональной структуры определяет социальные стратегии мотивации работников организаций через социально-трудовые отношения. Разработка и проверка следующих гипотез требует новых исследований в данном направлении.

Наибольшее значение на мотивацию персонала оказывают изменения в организациях, где успешно внедряются цифровые технологии, требующие новых профессиональных компетенций персонала и элементов творчества. Это IT-сфера и банковская сфера. В зависимости от преобладающего типа мотивации персонала этих организаций полезно ввести меры в системе материального стимулирования: выплата заработной платы на рыночном уровне; введение системы доплат и надбавок, стимулирующей повышение квалификации и позволяющей представить будущие результаты своей деятельности. В банковской сфере для мотивации персонала следует сохранять созданные условия труда и содействие администрации повышению профессионального уровня персонала.

В обрабатывающей промышленности (производство стройматериалов) для регулирования системы мотивации персонала полезно ввести систему

КРІ (Ключевые показатели эффективности) с трехступенчатой структурой, а также коучинг, включающий обучение менеджеров и индивидуальные сессии с руководством.

В системе дошкольного воспитания важные факторы мотивации – потребность в достижении социального престижа, денежный заработок, удовлетворение от результатов работы и возможность самореализации. Для регулирования мотивации следует чаще использовать меры материального стимулирования, в том числе неденежные, и применять меры морального стимулирования (профессиональные конкурсы с поощрением победителей).

Эти меры будут способствовать не только совершенствованию системы мотивации персонала, но и дальнейшему развитию его социально-профессиональной структуры, поскольку будут определять выбор социальных стратегий персонала.

Список литературы

1. Герчиков В. И. Типологическая концепция трудовой мотивации // Мотивация и оплата труда. 2005. № 2, Ч. 1. С. 53–62.
2. Ребров А. В. Влияние мотивационной структуры на результативность труда работников различных профессий // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 74–84.
3. Хандус М. Ю. Применение концепции В. И. Герчикова в системе мотивации персонала // Вестник магистратуры. 2017. № 2 (65). С. 144–146.
4. Никифорова О. А. Проблема мотивации труда в управлении современной организацией: Социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2009. 22 с.
5. Волковицкая Г. А. Построение системы стимулирования персонала: социологический аспект // Философия права. 2012. № 1 (50). С. 35–39.
6. Трякина В. А., Чеджемов Г. А. Социологическая проблематика мотивации труда // Российская наука: актуальные исследования и разработки : сб. науч. ст. VII Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. (г. Самара, 7 марта 2019 г.). Самара : Изд-во СамГЭУ, 2019. Т. 1. С. 289.
7. Купцова И. Г. Сущность и специфика социологического изучения мотивации труда // Итоги научных исследований ученых Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова : материалы науч.-метод. конф. (г. Могилев, 27 января – 11 февраля 2022 г.). Могилев : Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, 2022. С. 192–193.
8. Пономарева О. Я., Шкурин Д. В. Особенности взаимосвязи социальной структуры персонала и удовлетворенности трудом на предприятиях крупного бизнеса // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2023. № 2 (65). С. 54–64.
9. Социальная мотивация сотрудников: эффективные методы // Skypro Медиа. URL: <https://sky.pro/media/soczialnaya-motivacziya-sotrudnikov-effektivnye-metody/?ysclid=m9n2my0k2753006456/>
10. Забродина В. Ю., Шленская Н. М., Лагутцева-Ногина Т. А. Ключевые факторы мотивации персонала: исследование на примере современных организаций // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11, № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/32PSMN423.pdf>

11. Тесленко И. Б., Губернаторов А. М., Коваленко С. Ю. [и др.]. Управление персоналом : учеб.-метод. пособие / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2015. 80 с.
12. Эфендиев А. Г., Гоголева А. С., Балабанова Е. С. О влиянии компьютеризации на социальные аспекты трудовой деятельности специалистов // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 114–121.
13. Блинов А. Д. Мотивация персонала корпоративных структур // Маркетинг. 2017. № 1. С. 88–101.

References

1. Gerchikov V.I. Typological concept of work motivation. *Motivatsiya i oplata truda = Motivation and remuneration*. 2005;(2):53–62. (In Russ.)
2. Rebrov A.V. The influence of motivational structure on the performance of workers in various professions. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 2008;(5):74–84. (In Russ.)
3. Khandus M.Yu. Application of V.I. Gerchikov's concept in the personnel motivation system. *Vestnik magistratury = Bulletin of the Magistracy*. 2017;(2):144–146. (In Russ.)
4. Nikiforova O.A. *The issue of labor motivation in the management of a modern organization: a sociological analysis: PhD abstract*. Saint Petersburg, 2009:22. (In Russ.)
5. Volkovitskaya G.A. Building a personnel incentive system: a sociological aspect. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2012;(1):35–39. (In Russ.)
6. Tryaskina V.A., Chedzhemov G.A. Sociological issues of labor motivation. *Rossiyskaya nauka: aktual'nye issledovaniya i razrabotki: sb. nauch. st. VII Vseros. nauch.-prakt. konf.: v 2 t. (g. Samara, 7 marta 2019 g.) = Russian science: current research and development: proceedings of the 7th All-Russian scientific and practical conference: in 2 volumes (Samara, March 7, 2019)*. Samara: Izd-vo SamGEU, 2019;1:289. (In Russ.)
7. Kuptsova I.G. The essence and specificity of the sociological study of labor motivation. *Itogi nauchnykh issledovaniy uchenykh Mogilevskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.A. Kuleshova: materialy nauch.-metod. konf. (g. Mogilev, 27 yanvarya – 11 fevralya 2022 g.) = Results of scientific research by scientists from A.A. Kuleshov Mogilev State University: proceedings of scientific and methodological conference (Mogilev, January 27 – February 11, 2022)*. Mogilev: Mogilevskiy gosudarstvennyy universitet im. A.A. Kuleshova, 2022:192–193. (In Russ.)
8. Ponomareva O.Ya., Shkurin D.V. Peculiarities of the relationship between the social structure of personnel and job satisfaction in large businesses. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii = Human Resources and Intellectual Resource Management in Russia*. 2023;(2):54–64. (In Russ.)
9. Social motivation of employees: effective methods. *Skypro Media*. (In Russ.). Available at: <https://sky.pro/media/soczialnaya-motivacziya-sotrudnikov-effektivnye-metody/?ysclid=m9n2my0k2753006456/>
10. Zabrodina V.Yu., Shlenskaya N.M., Laguttseva-Nogina T.A. Key factors of staff motivation: a study using the example of modern organizations. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = The world of science. Pedagogy and psychology*. 2023;11(4). (In Russ.). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/32PSMN423.pdf>
11. Teslenko I.B., Gubernatorov A.M., Kovalenko S.Yu. [et al.]. *Upravlenie personalom: ucheb.-metod. posobie = Personnel management: textbook*. Vladimir: Izd-vo VIGU, 2015:80. (In Russ.)

12. Efendiev A.G., Gogoleva A.S., Balabanova E.S. On the impact of computerization on the social aspects of the work activities of specialists. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological researches*. 2020;(9):114–121. (In Russ.)
13. Blinov A.D. Motivation of personnel of corporate structures. *Marketing = Marketing*. 2017;(1):88–101. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Людмила Ивановна Найденова

доктор социологических наук,
профессор кафедры менеджмента
и государственного управления,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: linajdenova@yandex.ru

Liudmila I. Naidenova

Doctor of sociological sciences, professor
of the sub-department of management
and public administration,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Елена Александровна Данилова

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента
и государственного управления,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: danilovaea31@gmail.com

Elena A. Danilova

Candidate of sociological sciences,
associate professor, associate professor
of the sub-department of management
and public administration,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Шахрутдин Гаджиалиевич Сеидов

доктор педагогических наук, профессор
кафедры государственно-правовых
дисциплин, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: tabaris@mail.ru

Shakhrutdin G. Seidov

Doctor of pedagogical sciences, professor
of the sub-department of state and law
disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 14.10.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 24.03.2025

Принята к публикации / Accepted 15.05.2025

УДК 316

doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-4

Цифровые компетенции современной студенческой молодежи**Н. В. Корж¹, В. Н. Супиков²**^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия¹natalya.korzh@mail.ru, ²supikov.vadim@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В настоящее время процесс цифровизации побуждает трудоспособное население овладевать цифровыми технологиями для успешного трудоустройства. Молодежь как активный участник рынка труда отслеживает сложившиеся тенденции в трудовой сфере. Молодые люди уже на этапе своего профессионального обучения формируют необходимые им в будущем умения и навыки для занятости. Целью исследования является анализ мнений студенческой молодежи о значении цифровых компетенций, формируемых в вузе для будущей профессиональной деятельности. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной цели были проанализированы результаты проведенных фокус-групповых дискуссий среди студенческой молодежи в 2024–2025 гг. Кроме того, были использованы данные официальной статистики (Росстат) и общероссийских опросов, представленных Всероссийским центром изучения общественного мнения, Национальным агентством финансовых исследований. *Результаты.* Была выявлена роль цифровых навыков в повседневной жизни молодежи, а также их значение в будущем при трудоустройстве и в профессиональной деятельности. *Выводы.* Проведенное исследование позволило выявить, что молодые люди достаточно высоко оценивают у себя наличие цифровых навыков. Молодежь уверена в том, что полученные ими цифровые навыки помогут им в будущей работе, независимо от того, будут ли они трудоустроены по специальности или нет. Кроме того, опрошенные отмечают, что изменения в профессиональной среде, в том числе и в информационно-коммуникационных технологиях происходят очень быстро, что потребует от них дополнительного обучения в будущем.

Ключевые слова: город, студенческая молодежь, городская среда, возможности, комфортность

Для цитирования: Корж Н. В., Супиков В. Н. Цифровые компетенции современной студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2. С. 47–58. doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-4

Digital technologies of modern student youth**N.V. Korzh¹, V.N. Supikov²**^{1,2}Penza State University, Penza, Russia¹natalya.korzh@mail.ru, ²supikov.vadim@mail.ru

Abstract. *Background.* Currently, the digitalization process encourages the working population to master digital technologies for successful employment. Young people as an active participant in the labor market monitor the current trends in the labor sphere. Young people

already at the stage of their professional training form the skills and abilities they will need in the future for employment. The purpose of this study is to analyze student youth on the importance of digital competencies formed at the university for future professional activity. *Materials and methods.* To achieve this goal, the results of focus group discussions among student youth in 2024–2025 were analyzed. In addition, data from official statistics (Rosstat) and all-Russian surveys presented by VCIOM, NAFR were used. *Results.* Based on the results of focus group discussions, the role of digital skills in the everyday life of young people was revealed, as well as their importance in the future in employment and professional activity. *Conclusions.* The conducted research revealed that young people rate their digital skills quite highly. Young people are confident that the digital skills they have acquired will help them in their future work, regardless of whether they are employed in their specialty or not. In addition, respondents note that changes in the professional environment, including in ICT, are happening very quickly, which will require additional training from them in the future.

Keywords: city, student youth, urban environment, opportunities, comfort

For citation: Korzh N.V., Supikov V.N. Digital technologies of modern student youth. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(2):47–58. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-4

Введение

В последние десятилетия мир осуществляет переход от традиционной экономики к цифровой. Эта трансформация затрагивает все аспекты жизни, включая такие ключевые области, как промышленность, здравоохранение, образование и государственное управление. В условиях стремительного развития технологий и глобальной цифровизации подготовка высококвалифицированных кадров становится критически важной задачей для всех стран мира.

В январе 2025 г. в Швейцарии прошел Всемирный экономический форум, тематикой которого стало сотрудничество в интеллектуальной эпохе. По итогам Всемирного экономического форума 2025 г. был опубликован доклад, в котором отмечается изменение мирового рынка труда под влиянием цифровых технологий. Как отмечают работодатели, к 2030 г. наиболее востребованными станут вакансии в областях, связанных с технологическими разработками, искусственным интеллектом и робототехникой. Такие выводы были сделаны на основе проведенного исследования среди работодателей из разных стран мира. Под воздействием цифровизации происходит изменение условий рабочего места, содержание функционала сотрудника, что требует дополнительного обучения или даже переквалификации. Большинство владельцев компаний, принявших участие в опросе, отмечают готовность к инвестированию в обучение своих сотрудников (77 %) [1, p. 39], для того чтобы их компетенции позволяли работать с цифровыми технологиями.

В российском обществе повышение цифровой грамотности стало задачей государственного уровня. С 2018 по 2024 г. в РФ был реализован Федеральный проект «Кадры для цифровой экономики», согласно которому уровень цифровой грамотности населения страны должен был увеличиться почти вдвое [2]. В рамках данного проекта уже реализован широкий спектр

мероприятий, направленных на подготовку и обучение профессионалов, способных эффективно развивать и применять новые цифровые технологии. Созданы образовательные программы и курсы, а также осуществлена модернизация образовательных учреждений [3, с. 38]. Этот Федеральный проект не только создал основу для подготовки специалистов, отвечающих современным требованиям, но и обеспечил формирование цифровой культуры в российском обществе. Согласно исследованию Всероссийского центра изучения общественного мнения, 81 % россиян постоянно используют такие цифровые инструменты, как электронные ресурсы. Причем такой же процент опрошенных (81 %) отметили, что за счет появления электронных услуг их жизнь стала комфортнее [4].

С 1 января 2025 г. стартовал национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», который предполагает целый комплекс мероприятий по обеспечению населению доступа к сети Интернет, созданию IT-инфраструктуры, подготовке специалистов в сфере IT-технологий, в том числе по работе с искусственным интеллектом, внедрению информационных технологий в образовательный процесс и т.д. [5].

В настоящее время проблема освоения населением цифровых компетенций наиболее отчетливо проявляется в трудовой сфере, однако большинство людей в своей повседневной жизни также сталкиваются с цифровыми технологиями и ресурсами, что требует от них навыков использования данных цифровых ресурсов. Именно поэтому большинство исследователей при определении понятия «цифровые компетенции» характеризуют их как совокупность знаний и навыков, которые применяются для решения различного рода задач с помощью информационно-коммуникационных технологий [6, 7].

В последние годы влияние «цифровой революции» на личность и ее жизнедеятельность только усиливается, в связи с этим происходит пересмотр характеристик и роли цифровых компетенций. Как отмечают Е. И. Салганова, Л. Б. Осипова, цифровые компетенции – это не только технические навыки, но и «навыки, сфокусированные на когнитивных, социальных и эмоциональных аспектах работы и жизни в цифровой среде» [8, с. 231]. Сегодня все существующие профессиональные области охвачены внедрением цифровых инструментов; соответственно, трудовые ресурсы должны иметь навыки работы с ними. В зависимости от уровня владения информационно-коммуникационными технологиями цифровые навыки можно разделить на базовые и специальные [6, с. 941]. Как правило, базовые компетенции формируются на протяжении жизни человека и применяют их достаточно широко, не ограничиваясь профессиональной областью, в свою очередь специальные цифровые компетенции требуют профессионального образования и специальной подготовки для их формирования.

Современная социально-экономическая среда постоянно усложняется за счет внедрения цифровых технологий, в связи с этим каждый индивид должен приспосабливаться к этим новшествам. Особо данная проблема проявляется среди молодых людей, которые, используя достижения научно-

технического прогресса, активно пользуются цифровыми инструментами как в личной жизни, так и в трудовом процессе. Так, например, для того чтобы записаться в медицинское учреждение, необходимо иметь специальное приложение или воспользоваться официальным сайтом данной организации, выбрать необходимую услугу, специалиста, дату, время и т.д. Все перечисленные действия возможны при наличии у индивида базовых навыков пользования информационно-коммуникационных технологий. Именно поэтому молодые люди считают, что сформированные базовые навыки пользования цифровыми инструментами позволят быстрее освоить специальные цифровые навыки, необходимые в той или иной профессии.

В связи с этим исследовательский интерес представляет самооценка студенческой молодежи о том, насколько сформированы у них цифровые навыки и как в дальнейшем они смогут пригодиться им в их трудовой деятельности.

Материалы и методы

Значение цифровых навыков для будущей профессии анализировалось с помощью пяти фокус-групповых дискуссий, проведенных среди студентов Пензенского государственного университета (2024–2025 г., число участников в каждой – 9). Кроме того, были использованы данные официальной статистики, представленные Росстатом, – «Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей» (2022 г.), а также результаты общероссийских исследований (Всероссийского центра изучения общественного мнения: «Трудоустройство молодежи» (2023 г.), «Жизнь в цифровую эпоху» (2023 г.), Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) «Индекс цифровой грамотности – 2024»).

Результаты

В современном мире цифровые компетенции оказывают большое влияние на профессиональные траектории выпускников профессиональных заведений. Так, молодые специалисты, обладающие высоким уровнем цифровых компетенций, существенно повышают свои шансы на успешное трудоустройство и продвижение по карьерной лестнице.

Понятие «траектория индивида» в различных сферах его жизнедеятельности нашло отражение в социологических исследованиях. Профессиональные и образовательные траектории молодежи достаточно подробно анализируются в работах Г. А. Чередниченко. В своих работах социолог отмечает, что в среде современной молодежи наблюдается «переплетение» профессиональных и образовательных траекторий [9, с. 69–70]. Д. Л. Константиновский, Е. С. Попова также отмечают в современных условиях наличия «нелинейности» в формировании образовательных и профессиональных траекторий молодежи, что «требует... более творческого отношения к построению собственного жизненного пути» [10, с. 392]. В настоящее время

молодые люди уже на этапе обучения выходят на рынок труда, закладывая фундамент для своей будущей карьеры. Всероссийский онлайн-опрос студентов показал, что 69 % обучающихся имеют работу или временную подработку, а большинство не имеющих работу хотели бы ее найти (85 %) [11].

Закончив профессиональное обучение, специалист для поддержания своей конкурентоспособности периодически возвращается к обучению, повышению квалификации и даже переподготовке. Соответственно, развитие современных технологий усиливает потребность в постоянном обучении на протяжении всего трудового пути. Таким образом, формирование цифровых навыков происходит в рамках построения как образовательной траектории, так и профессиональной (рис. 1).

Рис. 1. Формирование цифровых компетенций в образовательных и профессиональных траекториях молодежи (составлен автором)

В настоящее время освоение цифровых компетенций охватывает широкий спектр навыков: от базовой компьютерной грамотности до способности использовать сложные аналитические инструменты. В связи с этим современные работодатели ожидают, что молодые специалисты не только будут знакомы с этими инструментами, но и смогут их эффективно применять для решения профессиональных задач.

Для того чтобы профессиональное образование соответствовало запросам работодателей, особое внимание уделяется внедрению инновационных подходов в образовательный процесс, чтобы молодое поколение могло успешно адаптироваться к изменениям и требованиям рынка труда [12]. В условиях конкуренции современные организации используют различные цифровые технологии и ресурсы в своей деятельности, соответственно, к соискателям они предъявляют требования по обладанию цифровыми компетенциями и цифровым мышлением. Под влиянием этой тенденции происходит

трансформация образовательного процесса в профессиональных учебных заведениях.

Сегодня в каждом учебном заведении используется информационно-образовательная среда, которая позволяет реализовывать учебный процесс на основе информационно-коммуникационных технологий. Онлайн-курсы, виртуальные лаборатории, симуляции и платформы искусственного интеллекта открывают новые горизонты для образования, делая его более доступным и интерактивным. Эти инструменты не только расширяют возможности для обучения, но и позволяют адаптировать образовательный процесс под требования будущей профессии. В результате выпускники профессиональных учебных заведений в процессе своего обучения должны не только освоить профессиональные компетенции, но и получить цифровые навыки, такие как коммуникация в цифровой среде и работа с информацией, работа с программным обеспечением, цифровым оборудованием и др.

Несмотря на положительные сдвиги в образовательном процессе, уровень цифровой грамотности и сформированности у населения остается невысоким, что оказывает негативное влияние на внедрение цифровых технологий в различные общественные сферы.

В связи с этим на федеральном уровне регулярно предпринимаются меры по формированию и совершенствованию цифровых навыков среди населения и контролю за их освоением. Так, 1 апреля 2025 г. Президент РФ В. В. Путин поручил провести оценку эффективности проводимых мероприятий по повышению цифровой грамотности среди населения, в том числе среди граждан младшего и старшего возраста [13].

Аналитический центр НАФИ с 2018 г. проводит оценку цифровой грамотности населения России с помощью цифровой платформы «Цифровой гражданин», в которой принимают участие респонденты из 85 регионов РФ в возрасте от 18 и старше. Согласно исследованию, последние три года индекс цифровой грамотности населения составляет 71 % и не изменяется (табл. 1) [14].

Таблица 1

Динамика цифровой грамотности населения
(проценты от числа опрошенных, $n = 10\,013$)

Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Индекс цифровой грамотности населения	52	52	58	64	71	71	71

По данным исследования, среди компонентов цифровой грамотности у населения лучше всего развиты навыки работы с информацией (75 %). Эти навыки предполагают поиск необходимой информации в сети Интернет, использование социальных сетей, различных сервисов и т.д. Необходимо отме-

тить, что в российском обществе, по мнению респондентов, хуже всего развит навык цифровой безопасности (69 %) [14].

В настоящее время в качестве пользователей цифровых технологий выступают все возрастные группы населения. Однако молодежь наиболее активно применяет все преимущества цифровизации в образовании, работе, досуге и др. Молодые люди во все времена отличались инновационным потенциалом, быстро адаптируясь к происходящим изменениям, а также сами изменяли свои привычные практики. В настоящее время молодое поколение социализируется в условиях бурного развития и распространения информационно-коммуникативных технологий. Именно поэтому молодым людям проще осваивать цифровые технологии как в образовательной, так и в профессиональной сфере.

По результатам, представленным Институтом статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», на основе данных Росстата был сделан вывод, что лучше всего развиты цифровые компетенции у молодых людей в возрасте от 20 до 24 лет (18 %) [15]. Согласно официальной статистике молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет формируют такие навыки работы с информационными технологиями, которые помогают им обучаться в образовательном учреждении (табл. 2).

Таблица 2

Навыки работы с информационными технологиями среди молодежи, % [16]

Навык работы с информационными технологиями	Возрастные группы	
	15–19 лет	20–24 года
Отправка сообщений любым способом (в том числе с прикрепленным файлом)	81,7	81,7
Работа с текстовым редактором	78,3	66,7
Копирование и перемещение файла	74,2	66
Работа с электронными таблицами	55,4	49,4
Использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов	51,6	47,2

Данные официальной статистики подтверждаются результатами проведенных фокус-групп, в рамках которых студенческая молодежь отмечает сформированные у нее такие навыки, как поиск большого количества информационных источников и работа с ними, умение пользоваться текстовым редактором, создавать презентации и т.д. Некоторые молодые люди отметили, что изучают возможности искусственного интеллекта для того, чтобы применять его в образовательной сфере.

Муж., 20 лет: «Я считаю, что в настоящее время среди цифровых навыков, которые мы получаем, можно выделить навык скорости поиска и обработки информации. Кроме того, в образовательном процессе осваиваем работу с мультимедиа».

Жен., 19 лет: «Я бы отметила, что в целом у молодежи присутствует высокая степень адаптации к информационным технологиям. Я считаю, что в будущем данная способность поможет нам как в профессиональной, так и личной жизни».

Жен., 20 лет: «Я бы выделила навык работы с информацией, которой очень много, и ее приходится систематизировать и обрабатывать. Сейчас в этом помогает нейросеть, которая помогает собрать информацию, найти ответ на вопрос и т.д.».

В настоящее время в образовательный процесс, начиная со школы и заканчивая вузом, внедряются и постоянно обновляются цифровые инструменты, с которыми молодым людям приходится работать. Такая тенденция приводит к тому, что цифровые навыки начинают приобретать роль «универсальных» компетенций. Так, например, результаты исследований показывают, что большинство населения овладели навыком работы с текстовыми редакторами, поскольку этот навык в настоящее время необходим не только обучающемуся, но и работающему. В быстроменяющихся условиях набор компетенций для овладения определенным родом деятельности постоянно изменяется, так как происходит не только смена функционала определенной специальности, но и изменения в социально-профессиональной структуре. В связи с этим возрастает роль компетенций, которые позволят молодым специалистам работать в различных сферах деятельности [17, с. 69].

Сегодня бизнес испытывает потребность не только в специалистах по информационно-коммуникационным технологиям, но и в сотрудниках с цифровыми компетенциями. По результатам мониторинга цифровой трансформации бизнеса – 2023, 62,3 % работодателей обращают внимание на цифровые компетенции сотрудника при принятии кадровых решений [18]. Кроме того, проведенный анализ показал, что около половины всего персонала, независимо от размера организации, не обладают достаточным уровнем цифровых компетенций для внедрения цифровых технологий (44 %). Данные тенденции на современном рынке труда определяют взаимосвязь цифровых навыков и развития в профессиональной сфере.

Результаты фокус-групповых дискуссий показали, что независимо от того, будут ли студенты работать по выбранной специальности или нет, все они убеждены, что формируемые сегодня цифровые навыки помогут им в будущем в профессиональной деятельности.

Муж., 21 год: «Обладая навыками работы с цифровыми технологиями, специалист будет востребован в любой сфере. Так, к примеру, если работник умеет работать с ИИ, то он сможет часть рутинных функций передать ему».

Муж., 19 лет: «Я уверен на сто процентов, что, приобретая сейчас уверенные навыки работы с различным программным обеспечением, это поможет мне в будущем независимо от того, где я буду работать».

Таким образом, профессиональная сфера требует от специалиста набор компетенций, позволяющих ему внедрять и использовать цифровые технологии. Данный процесс не возможен без обучения и выработки цифровых

навыков, соответственно, в современном мире процессы обучения и труда становятся неотъемлемыми составляющими профессионального развития.

Заключение

В условиях быстроменяющейся социально-экономической среды изменяются подходы молодого поколения к построению своих образовательных и профессиональных траекторий. В настоящее время эти траектории настолько тесно взаимосвязаны, что не возможно отделить, где заканчивается одна и начинается другая. Сегодня молодежь начинает выходить на рынок труда, совмещая обучение с трудовой деятельностью. Активное внедрение цифровых технологий в трудовой процесс привело к изменениям и в образовательном процессе. Однако, несмотря на внедрение в учебный процесс цифровых инструментов, цифровизация рабочих мест и функционала сотрудника происходит намного быстрее, чем изменяется институциональная среда учебных заведений. В связи с этим молодые люди на этапе получения профессии начинают формировать базовые цифровые навыки, которые смогут пригодиться им в будущем, а специальные профессиональные навыки будут формироваться уже на этапе трудового процесса. Процессы глобализации, цифровизации, роботизации оказывают сильное влияние на целые отрасли в экономике, изменяя требования как рабочих мест, так и профессии в целом. В современном обществе большинство специальностей требуют наличия не только базовых цифровых навыков, но и узкоспециализированных специальных компетенций. Именно поэтому в современных условиях процесс обучения специалиста не заканчивается, а длится на всем его профессиональном пути.

Список литературы

1. The Future of Jobs Report. Insight report. 2025. January. URL: https://asociacion-centro.org/wp-content/uploads/2025/01/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf
2. Национальный проект «Кадры для цифровой экономики». URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/tsifrovaya-ekonomika/> (дата обращения: 16.04.2025).
3. Королева Е. Е., Атифи С. С. Федеральный проект «Кадры для цифровой экономики»: обновленная версия // Covidio ergo zoom: трансформация и цифровизация общества в современных реалиях : материалы межвуз. студ. науч.-практ. конф. М. : Московский педагогический государственный университет, 2021. С. 38–43.
4. Абрамов К. Жизнь в цифровую эпоху // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2023. 22–24 июля. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/zhizn-v-cifrovuyu-ehpokhu>
5. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Правительство России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/> (дата обращения: 16.04.2025).
6. Симарова И. С., Алексеевичева Ю. В., Жигин Д. В. Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 2. С. 935–948. doi: 10.18334/vines. 12.2.114823

7. Константинова Д. С., Кудашева М. М. Цифровые компетенции как основа трансформации профессионального образования // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 11. С. 1055–1072. doi: 10.18334/et.7.11.111073
8. Салганова Е. И., Осипова Л. Б. Цифровая грамотность студентов: компетентностный подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, № 1. С. 227–240. doi: 10.15838/esc.2023.1.85.12
9. Чередниченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 53–74. doi: <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.3.420>
10. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Новый характер образовательных и профессиональных траекторий молодежи // Россия реформирующаяся. 2022. № 20. С. 379–399.
11. Ермолаев Д. Трудоустройство молодежи // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/trudoustroistvo-molodezhi>
12. Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» // Правительство Пензенской области. URL: <https://pnzreg.ru/upload/iblock/e12/e12e7bf5a48c3959df0c180ec5b9c0b7.pdf> (дата обращения: 16.04.2025).
13. Путин поручил оценить эффективность мероприятий по цифровой грамотности // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250402/putin-2008904226.html> (дата обращения: 26.04.2025).
14. Индекс цифровой грамотности-2024: цифровая грамотность россиян не растет третий год подряд // Аналитический центр НАФИ. 2025. 29 января. URL: <https://nafi.ru/analytics/indeks-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretyy-god-podryad-#:~:text=%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%20%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%20%D0%B8%20%D0%BC%D1%83%D0%B6%D1%87%D0%B8%D0%BD,%E2%80%93%D0%B5%D0%B3%D0%BE%20%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%8E%D1%82%2074%25%20%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%BA> (дата обращения: 26.04.2025).
15. Попов Е. В. Цифровые навыки россиян // Институт статистических исследований и экономики знаний. URL: <https://issek.hse.ru/news/1038822258.html> (дата обращения: 29.04.2025).
16. Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html (дата обращения: 01.05.2025).
17. Кузьмин С. В. Цифровые компетенции студентов и молодых специалистов // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022. № 1. С. 68–73.
18. Обеспеченность кадрами для цифровой трансформации: оценки бизнеса. Мониторинг цифровой трансформации бизнеса. Вып. 4. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/906330180.pdf> (дата обращения: 01.05.2025).

References

1. *The Future of Jobs Report. Insight report*. 2025;January. Available at: https://asociacion-centro.org/wp-content/uploads/2025/01/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf
2. *Natsional'nyy proekt «Kadry dlya tsifrovoy ekonomiki» = National project “Personnel for the Digital Economy”*. (In Russ.). Available at: <https://xn--80aapampemc-chfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/tsifrovaya-ekonomika/> (accessed 16.04.2025).
3. Koroleva E.E., Atifi S.S. Federal Project “Personnel for the Digital Economy”: Updated Version. *Covido ergo zoom: transformatsiya i tsifrovizatsiya obshchestva v sovremennyykh realiyakh: materialy mezhvuz. stud. nauch.-prakt. konf. = Covido ergo zoom: transformation and digitalization of society in modern realities: proceeding of interuniversity student scientific and practical conference*. Moscow: Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet, 2021:38–43. (In Russ.)
4. Abramov K. Life in the digital age. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = VCIOM*. 2023;July 22–24. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/zhizn-v-cifrovuyu-ehpokhu>
5. National project “Data Economy and Digital Transformation of the State”. *Pravitel'stvo Rossii = Government of Russia*. (In Russ.). Available at: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/> (accessed 16.04.2025).
6. Simarova I.S., Alekseevicheva Yu.V., Zhigin D.V. Digital competencies: concept, types, assessment and development. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki = Issues of innovative economy*. 2022;12(2):935–948. (In Russ.). doi: 10.18334/vinec.12.2.114823
7. Konstantinova D.S., Kudaeva M.M. Digital competencies as the basis for the transformation of professional education. *Ekonomika truda = Labor economics*. 2020;7(11):1055–1072. (In Russ.). doi: 10.18334/et.7.11.111073
8. Salganova E.I., Osipova L.B. Digital literacy of students: a competency-based approach. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2023;16(1):227–240. (In Russ.). doi: 10.15838/esc.2023.1.85.12
9. Cherednichenko G.A. Educational and professional trajectories of young people: research concepts. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological journal*. 2013;(3):53–74. (In Russ.). doi: 10.19181/socjour.2013.3.420
10. Konstantinovskiy D.L., Popova E.S. New nature of educational and professional trajectories of young people. *Rossiya reformiruyushchayasya = Russia is reforming*. 2022;20:379–399. (In Russ.)
11. Ermolaev D. Youth employment. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya = VCIOM*. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/trudoustroistvo-molodezhi>
12. Passport of the federal project “Personnel for the Digital Economy”. *Pravitel'stvo Penzenskoy oblasti = Government of Penza region*. (In Russ.). Available at: <https://pnzreg.ru/upload/iblock/e12/e12e7bf5a48c3959df0c180ec5b9c0b7.pdf> (accessed 16.04.2025).
13. Putin ordered an assessment of the effectiveness of digital literacy measures. *RIA Novosti = RIA news*. (In Russ.). Available at: <https://ria.ru/20250402/putin-2008904226.html> (accessed 26.04.2025).
14. Digital Literacy Index 2024: Russians' digital literacy has not improved for the third year in a row. *Analiticheskii tsentr NAFI = NAFR Analytical Center*. 2025; January 29. (In Russ.). Available at: <https://nafi.ru/analytics/indeks-tsifrovoy-gramotnosti-2024-tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-ne-rastet-tretyy-god-podryad-/#:~:text=%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%20%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20>

D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%20%D0%B8%20%D0%BC%D1%83%D0%B6%D1%87%D0%B8%D0%BD,%E2%80%93%D0%B5%D0%B3%D0%BE%20%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%8E%D1%82%2074%25%20%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%BA (accessed 26.04.2025).

15. Popov E.V. Digital skills of Russians. *Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy* = *Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge*. (In Russ.). Available at: <https://issek.hse.ru/news/1038822258.html> (accessed 29.04.2025).
16. Selective federal statistical observation on the use of information technologies and information and telecommunication networks by the population. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* = *Federal State Statistics Service*. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html (accessed 01.05.2025).
17. Kuz'min S.V. Digital competencies of students and young professionals. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya* = *Journal of the Belarussian State University. Philosophy. Psychology*. 2022;(1):68–73. (In Russ.)
18. *Obespechennost' kadrami dlya tsifrovoy transformatsii: otsenki biznesa. Monitoring tsifrovoy transformatsii biznesa. Vyp. 4* = *Staffing for digital transformation: business assessments. Monitoring digital business transformation. Issue 4*. (In Russ.). Available at: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/906330180.pdf> (accessed 01.05.2025).

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Владимировна Корж

кандидат социологических наук,
доцент, доцент кафедры социологии,
экономической теории
и международных процессов,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: natalya.korzh@mail.ru

Natalya V. Korzh

Candidate of sociological sciences,
associate professor, associate professor
of the sub-department of sociology,
economic theory and international
processes, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Вадим Николаевич Супиков

доктор социологических наук,
профессор, профессор кафедры
менеджмента и государственного
управления, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: supikov.vadim@mail.ru

Vadim N. Supikov

Doctor of sociological sciences, professor,
professor of the sub-department
of management and public administration,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 16.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.05.2025

Принята к публикации / Accepted 04.06.2025

УДК 342.4

doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-5

Прямое действие Конституции Российской Федерации

В. В. Гошуляк

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Vvgoshulyak@rambler.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность проблемы исследования объясняется имеющимися проблемами в реализации принципа прямого действия Конституции РФ и недостаточностью исследования этого принципа в юридической литературе. Автор ставит своей целью рассмотрение прямого действия Конституции РФ в увязке с ее высшей юридической силой. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа двух основных форм прямого действия Конституции РФ – непосредственной и опосредованной (через законы). Автором использовались следующие методы исследования: диалектический подход, логический, институциональный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы. *Результаты.* Доказывается, что прямое действия Конституции РФ превращает ее из политической декларации в работающий и применяемый непосредственно правоприменителем нормативный правовой акт, имеющий высшую юридическую силу. Выявляются особенности непосредственного и опосредованного применения Конституции РФ. Утверждается, что поправками в Конституцию РФ 2020 г. существенным образом ограничены права граждан по обращениям в Конституционный Суд. *Выводы.* Прямое действие Конституции РФ нельзя оценивать вне связи с ее высшей юридической силой, а высшая юридическая сила не может быть реализована без прямого действия Конституции РФ. Оно находит свое выражение в двух основных формах – непосредственной и опосредованной (через законы). При этом опосредованное действие конституционных норм не означает отрицания прямого действия таких норм. Здесь прямое действие Конституции выражается в непосредственном применении конституционных норм в текущем законодательстве путем их конкретизации.

Ключевые слова: Конституция РФ, Конституционный Суд РФ, прямое действие, юридическая сила, непосредственное и опосредованное действие Конституции РФ

Для цитирования: Гошуляк В. В. Прямое действие Конституции Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2. С. 59–68. doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-5

Direct effect of the Constitution of the Russian Federation

V.V. Goshulyak

Penza State University, Penza, Russia

Vvgoshulyak@rambler.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the research problem is explained by the existing problems in the implementation of the principle of direct action of the Constitution of the Russian Federation and the lack of research on this principle in the legal literature. The purpose of the study to examine the direct effect of the Constitution of the Russian Federation in conjunction with its supreme legal force. *Materials and methods.* The implementation of the research objectives was achieved based on the analysis of two main forms of direct action of the Constitution of the Russian Federation – direct and indirect (through laws). The author used the following research methods: dialectical approach, logical, institutional, formal legal, comparative legal methods. *Results.* The article proves that the direct effect of the Constitution of the Russian Federation transforms it from a political declaration into a normative legal act that works and is applied directly by a law enforcement officer, having the highest legal force. The features of the direct and indirect application of the Constitution of the Russian Federation are revealed. It is argued that the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 significantly limited the rights of citizens to appeal to the Constitutional Court. *Conclusions.* The direct effect of the Constitution of the Russian Federation cannot be assessed without reference to its highest legal force, and the highest legal force cannot be implemented without the direct effect of the Constitution of the Russian Federation. It finds its expression in two main forms – direct and indirect (through laws). At the same time, the indirect effect of constitutional norms does not mean the negation of the direct effect of such norms. Here, the direct effect of the Constitution is expressed in the direct application of constitutional norms in current legislation by specifying them.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, direct effect, legal force, direct and indirect effect of the Constitution of the Russian Federation

For citation: Goshulyak V.V. Direct effect of the Constitution of the Russian Federation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(2):59–68. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-5

Статья 15 Конституции Российской Федерации провозгласила ее высшую юридическую силу и прямое действие. И хотя эти два свойства Конституции РФ применяются одновременно, современная юридическая наука уделяет им неравномерное внимание, акцентируя свои выводы на ее высшей юридической силе в ущерб прямому действию. При этом для любого юриста совершенно понятно, что прямое действие Конституции РФ нельзя оценивать вне связи с ее высшей юридической силой, а высшая юридическая сила не может быть реализована без прямого действия Конституции РФ.

Первые попытки монографического исследования прямого действия Конституции РФ были предприняты Б. С. Эбзеевым и В. О. Лучиным.

Б. С. Эбзеев исходил из того неопровержимого факта, что Конституция, являясь неотъемлемой составной частью правовой системы России и всего отечественного законодательства, должна быть не торжественной деклараци-

ей, а работающим политико-юридическим документом и применяться в качестве акта прямого действия [1, с. 40].

В. О. Лучин считал, что в Конституции не может быть положений, которые не действовали бы непосредственно, независимо от того, конкретизированы ли они в текущем законодательстве или нет. Конституция закрепляет главные принципиальные положения, которые, действуя непосредственно, конкретизируются в текущем законодательстве. И то и другое – свидетельства прямого действия Конституции [2, с. 64].

Следовательно, принцип прямого действия Конституции превращает ее из сугубо политического документа, учреждающего российскую государственность, в политико-правовой юридический документ. И, как отмечается в научной литературе, прямое действие Конституции составляет основу всей государственной системы правоприменения, а конституционные нормы являются фундаментом для всей системы права и всех отраслей законодательства, которые, исходя из высшей юридической силы Конституции, не должны вступать с ними в противоречия [3, с. 18; 4, с. 33].

В юридической науке считается устоявшейся точка зрения, согласно которой прямое действие Конституции воспринимается как возможность непосредственной реализации ее правовых норм [5, с. 18]. При этом «конституционные нормы способны к применению, исполнению, использованию независимо от их конкретизации в отраслевом законодательстве» [6, с. 1511]. Вместе с тем следует признать, что непосредственное применение конституционных норм может вызывать определенные сложности, связанные с тем, что многие из них имеют высокую степень обобщенности, требующей конкретизации в текущем законодательстве разных отраслей права [7, с. 5].

Отсюда возникает вопрос о том, является ли конкретизация конституционных норм в законодательстве прямым действием Конституции? В этом случае следует обратиться к проблеме непосредственного и опосредованного (через законодательство) действия Конституции. Нам представляется, что конституционные нормы нельзя делить на нормы непосредственного и нормы опосредованного действия и связывать с прямым действием Конституции только нормы непосредственного действия, в то время когда Конституция как основной закон государства имеет прямое действие в целом, а не в ее части. Одновременно с этим мы не должны отрицать возможности конкретизации конституционных норм, тем более что сама Конституция предусматривает такую возможность и указывает на необходимость принятия тех или иных федеральных конституционных или федеральных законов. Поэтому опосредованное действие конституционных норм не означает отрицания прямого действия таких норм. Здесь прямое действие Конституции выражается в непосредственном применении конституционных норм в текущем законодательстве путем их конкретизации.

Следовательно, и непосредственное, и опосредованное действие конституционных норм можно считать формами прямого действия Конституции. Эти две формы прямого действия вполне правомерно различаются и в совре-

менной теории конституционализма [8, с. 282]. Они являются одними из наиболее важных концептуально значимых его проблем [9, с. 52].

Реализация прямого действия Конституции может столкнуться с определенными проблемами, связанными с высокой степенью обобщенности правовых норм. Многие конституционные нормы носят концептуальный характер. Эти нормы, как правило, являются нормами-принципами. Они могут быть как конкретизированными в текущем законодательстве, так и не конкретизированы. Независимо от этого правоприменитель должен их применять.

При установлении факта коллизии конституционной нормы с нормами иных нормативно-правовых актов также применяется Конституция РФ. Это правило распространяется и на случаи, при которых отсутствует решение Конституционного Суда РФ. Это связано с высшей юридической силой Конституции РФ и ее прямым действием.

Непосредственное применение Конституции РФ в различных видах судопроизводства было конкретизировано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»¹.

В первоначальной редакции указанного Постановления отмечалось, что суд применяет Конституцию непосредственно в следующих случаях:

«а) когда закрепленные нормой Конституции положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения;

б) когда суд придет к выводу, что федеральный закон, действовавший на территории Российской Федерации до вступления в силу Конституции Российской Федерации, противоречит ей;

в) когда суд придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции Российской Федерации, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции;

г) когда закон либо иной нормативный правовой акт, принятый субъектом Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, противоречит Конституции Российской Федерации, а федеральный закон, который должен регулировать рассматриваемые судом правоотношения, отсутствует»².

Анализируя этот первоначальный текст Постановления, можно сделать вывод о том, что данными положениями суды общей юрисдикции становились толкователями Конституции РФ и оценщиками конституционности или неконституционности тех или иных положений законодательных актов. Последнее, как известно, находится в компетенции Конституционного Суда РФ.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

² Там же.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ не могло остаться без внимания Конституционного Суда РФ, который в своем Постановлении от 16 июня 1998 г. по делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции РФ установил, что разрешение дел о соответствии Конституции нормативных правовых актов относится к компетенции только Конституционного Суда РФ. Все остальные суды, придя к выводу об их несоответствии Конституции РФ, не должны применять их в конкретном деле и обязаны обратиться в Конституционный Суд РФ [10, с. 21].

После выхода этого Постановления суды были поставлены в затруднительное положение. Сравнительно долгий период продолжали действовать два постановления. Ориентируясь на Постановление Верховного Суда РФ, суды выносили свои решения с аргументацией, что они применяют в конкретном деле тот нормативный акт, который обладает самой высокой юридической силой. При таком подходе непосредственное применение Конституции позволяло считать ее не декларацией, а нормативно-правовым актом прямого действия. В то же время расширилась практика непосредственного обращения судов в Конституционный Суд РФ с приостановкой рассмотрения дела до вынесения решения этого суда. Здесь необходимо иметь в виду, что юридическая сила постановлений Конституционного Суда РФ по делам о толковании Конституции РФ равна юридической силе самой Конституции.

Правовая неопределенность, связанная с анализируемыми постановлениями высших судов РФ, была преодолена внесением изменений в Постановление Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 г. Пункты «в» и «г», наделяющие суды общей юрисдикции правом оценки конституционности того или иного закона, были исключены из данного Постановления, а пункт «б» сформулирован в следующей редакции: Суд применяет Конституцию непосредственно в случае, «когда Конституционным Судом Российской Федерации выявлен пробел в правовом регулировании либо когда пробел образовался в связи с признанием не соответствующими Конституции нормативного правового акта или его отдельных положений с учетом порядка, сроков и особенностей исполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации, если они в нем указаны»¹.

Следовательно, полномочия судов общей юрисдикции по непосредственному применению Конституции в конкретном деле были существенным образом ограничены. Однако это не означает, что прямое действие Конституции РФ также было ограничено. Решение Конституционного Суда РФ никак не умалило прямое действие Конституции. Оно только четко разграничило полномочия судов в оценке конституционности нормативных актов. Непосредственное действие Конституции теперь осуществляется с учетом данного Постановления Конституционного Суда РФ.

В этой связи свою значимость имеют обращения судов и иных лиц в Конституционный Суд РФ с запросами и заявлениями о проверке консти-

¹ Российская газета. 2013. 23 апреля.

туционности того или иного нормативно-правового акта в соответствии с компетенцией данного суда.

В первоначальном тексте ст. 125 Конституции РФ определялись должностные лица и органы государственной власти Российской Федерации и субъектов РФ как субъекты права обращения в Конституционный Суд РФ по делам о соответствии Конституции законов и иных нормативных актов федерального уровня, учредительных актов субъектов РФ, договоров между органами государственной власти РФ и субъектов РФ, не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации, по делам о толковании Конституции РФ, по разрешению споров о компетенции между органами государственной власти различного уровня. Относительно права граждан и судов закреплялось положение о том, что Конституционный Суд РФ по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод граждан и запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле в соответствии с федеральным законом.

Эти положения Конституции РФ нашли свое отражение в федеральном конституционном законе от 24 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹. Впоследствии федеральным конституционным законом от 3 ноября 2010 г. в указанный федеральный конституционный закон были внесены изменения, исключающие обжалование закона, подлежащего применению в конкретном деле². Этим были сокращены возможности обращения граждан в Конституционный Суд РФ, да и сама указанная поправка выглядела сомнительно в плане ее соответствия Конституции РФ.

Поправками к Конституции РФ 2020 г. норма о праве граждан на обращения в Конституционный Суд РФ существенным образом была изменена. Она также была ограничена проверкой конституционности закона, примененного в конкретном деле, но с оговоркой, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты. Это означает, что гражданин должен пройти все судебные инстанции при рассмотрении его дела, включая апелляционную, кассационную, надзорную. В результате уровень защиты конституционных прав граждан понизился, а порядок применения принципа прямого действия Конституции усложнился.

На этот факт уже обращалось внимание в научной литературе. В. М. Жуйков по этому поводу писал, что граждане лишены возможности «предотвратить нарушение своих прав и свобод путем обжалования в Конституционный Суд РФ федерального закона, противоречащего Конституции РФ, который подлежит применению в их деле» [11, с. 84]. С этим выводом следует согласиться.

Усложнение принципа прямого действия Конституции в связи с жалобами граждан не единственная его проблема. Непосредственное действие Конституции прослеживается и в решениях Конституционного Суда РФ с точки зрения их исполнимости. И хотя положение дел с исполнимостью

¹ Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 1994. № 13. Ст. 1447.

² СЗ РФ. 2010. № 45. Ст. 5742.

решений Конституционного Суда РФ в последние годы стабильно улучшается, законодатель не торопится вносить соответствующие изменения в текущее законодательство. Так, в отчете Секретариата Конституционного Суда за 2023 г. содержится информация о том, что в этот период было принято 60 постановлений Конституционного Суда. Из них по состоянию на 25 апреля 2024 г. было исполнено 12. Остальные находятся в стадии исполнения. При этом остаются не исполненными 10 постановлений Конституционного Суда, принятых еще до 2019 г. [12].

Следует отметить, что в принимаемых решениях Конституционного Суда РФ в полной мере воплощается принцип прямого действия Конституции РФ. Признанные Судом неконституционными правовые акты утрачивают силу. При этом юридическую силу утрачивают даже те акты, которые не являлись предметом проверки Конституционного Суда, но основывались на проверяемом акте. Конституционный Суд также дает казуальное толкование Конституции. Этим он корректирует правоприменительную практику, направляя ее в конституционное русло. Наконец, решения Конституционного Суда являются новым обстоятельством для пересмотра дела в судах общей юрисдикции и арбитражных судах.

Большое значение в обеспечении прямого действия Конституции РФ имеют правовые позиции Конституционного Суда как его нормативно-интерпретационные установления, являющиеся результатами судебного конституционного толкования и служащие правовыми основаниями для вынесения итогового решения Суда. Они имеют общий и обязательный характер, поскольку разрешают спорную конституционно-правовую проблему [13, с. 62]. Законодатель в своем последующем правотворчестве ориентируется на разработанные Конституционным Судом правовые позиции. В них находит свое выражение принцип прямого действия Конституции РФ.

Правовые позиции и основанные на них решения Конституционного Суда РФ в юридической науке принято считать «живой Конституцией». Это означает, что Конституция имеет динамическое содержание и толкуется в соответствии со сложившимися в обществе и государстве социально-экономическими и политическими реалиями [14, с. 15]. Толкование конституционных норм в связи с изменившимися условиями способствует реализации принципа прямого действия Конституции.

Проблемой в обеспечении прямого действия Конституции РФ может стать ее непосредственное действие через федеральные законы. Прямое действие Конституции не исключает, а предполагает принятие федеральных законов. Кроме того, ряд статей Конституции РФ предусматривает принятие федеральных конституционных и федеральных законов, конкретизирующих конституционные нормы. Проблема только в том, что конкретизирующий конституционную норму закон не должен противоречить Конституции и выходить за пределы установленных ею формулировок. Другими словами, полномочия законодателя ограничиваются прямым действием Конституции [15, с. 36].

Включение конституционной нормы в текст федерального закона не означает ее конкретизацию. Конкретизацией конституционной нормы являются нормы закона, выражающие ее суть и не выходящие за ее пределы. Такие нормы закона должны соответствовать и не противоречить Конституции, ее смыслу и духу. При этом конституционные принципы могут реализовываться в законодательстве по-разному в связи с их общим характером, но при этом сам принцип не должен быть нарушен. В качестве примера можно привести принцип разделения властей, реализуемый в законодательстве разных стран. В одних странах президент возглавляет исполнительную власть, в других выведен за ветви власти. В одних субъектах РФ глава субъекта федерации возглавляет правительство, в других он, возглавляя исполнительную власть, не является главой правительства. Во всех этих случаях находит свое выражение конституционный принцип разделения властей.

Таким образом, прямое действие Конституции РФ нельзя оценивать вне связи с ее высшей юридической силой, а высшая юридическая сила не может быть реализована без прямого действия Конституции РФ. Этими свойствами Конституция превращается из сугубо политического документа, учреждающего российскую государственность, в политико-правовой юридический документ.

Непосредственное применение конституционных норм может вызывать определенные сложности, связанные с тем, что многие из них имеют высокую степень обобщенности, требующую конкретизации в текущем законодательстве разных отраслей права.

Прямое действие Конституции находит свое выражение в двух основных формах – непосредственной и опосредованной (через законы). При этом опосредованное действие конституционных норм не означает отрицания прямого действия таких норм. Здесь прямое действие Конституции выражается в непосредственном применении конституционных норм в текущем законодательстве путем их конкретизации.

Особую роль в обеспечении прямого действия Конституции имеют решения Конституционного Суда РФ, которые, в свою очередь, являются актами прямого действия Конституции РФ. Однако поправками в Конституцию РФ были существенным образом ограничены права граждан по обращениям в Конституционный Суд, при которых гражданин перед обращением в этот Суд должен пройти все судебные инстанции при рассмотрении его дела, включая апелляционную, кассационную, надзорную. В результате уровень защиты конституционных прав граждан понизился, а порядок применения принципа прямого действия Конституции усложнился. Это стало проблемой в реализации принципа прямого действия Конституции РФ.

Список литературы

1. Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. М. : Закон и право, 1997. 349 с.
2. Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М. : Юнити-дана, 2002. 687 с.

3. Казначейский В. В. Принцип прямого действия Конституции РФ при рассмотрении уголовных дел // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 1. С. 18–22.
4. Малеев Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М. : Юрид. лит-ра, 1985. 192 с.
5. Авакьян С. А. Проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации 1993 года // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 18–26.
6. Кокотов А. Н. О прямом действии Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1511–1516.
7. Гриценко Е. В. Формирование доктрины прямого действия Конституции в российском конституционном праве // Государство и право. 2015. № 6. С. 5–18.
8. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М. : Норма, 2007. 384 с.
9. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3. С. 52–78.
10. Конституционный суд Российской Федерации. Постановления. Определения. 1997–1998 / авт. предисл. М. В. Баглай ; сост. и отв. ред. Т. Г. Морщакова. М. : Юристъ, 2000. 503 с.
11. Жуйков В. М. Новые проблемы прямого действия Конституции Российской Федерации и доступа к правосудию в целях защиты прав и свобод человека // Закон. 2022. № 7. С. 79–86.
12. Как исполняются решения КС РФ: отчет за 2023 г. // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/news/1719006/>
13. Лазарев В. В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ. М. : Формула права, 2008. 687 с.
14. Антоненко В. М. Прямое действие Конституции и «живая» Конституция: сравнительный анализ концепций // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 8. С. 15–18.
15. Колосова Н. М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 36–47.

References

1. Ebzeev B.S. *Konstitutsiya. Pravovoe gosudarstvo. Konstitutsionnyy sud = Constitution. Rule of law. Constitutional Court*. Moscow: Zakon i pravo, 1997:349. (In Russ.)
2. Luchin V.O. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Problemy realizatsii = Constitution of the Russian Federation. Implementation Issues*. Moscow: Yuniti-dana, 2002:687. (In Russ.)
3. Kaznacheyskiy V.V. The principle of direct application of the Constitution of the Russian Federation in criminal cases. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2024;(1):18–22. (In Russ.)
4. Malein N.S. *Pravonarushenie: ponyatie, prichiny, otvetstvennost' = Offense: concept, causes, responsibility*. Moscow: Yurid. lit-ra, 1985:192. (In Russ.)
5. Avak'yan S.A. Problems of direct action and application of the Constitution of the Russian Federation of 1993. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2018;(12):18–26. (In Russ.)

6. Kokotov A.N. On the direct effect of the Constitution of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Current issues of Russian law*. 2013;(12):1511–1516. (In Russ.)
7. Gritsenko E.V. Formation of the doctrine of direct action of the Constitution in Russian constitutional law. *Gosudarstvo i parvo = State and law*. 2015;(6):5–18. (In Russ.)
8. Ebzeev B.S. *Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost' i konstitutsionnye obyazannosti = Individual and state in Russia: mutual responsibility and constitutional duties*. Moscow: Norma, 2007:384. (In Russ.)
9. Bondar' N.S., Dzhangaryan A.A. Direct action of the Constitution: generation and guarantee of constitutional justice. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*. 2016;(3):52–78. (In Russ.)
10. *Konstitutsionnyy sud Rossiyskoy Federatsii. Postanovleniya. Opredeleniya. 1997–1998 = Constitutional Court of the Russian Federation. Resolutions. Definitions. 1997–1998*. Author's preface by M.V. Baglay; comp. and ed. by T.G. Morshchakov. Moscow: Yurist, 2000:503. (In Russ.)
11. Zhuykov V.M. New issues of direct application of the Constitution of the Russian Federation and access to justice for the protection of human rights and freedoms. *Zakon = Law*. 2022;(7):79–86. (In Russ.)
12. How are decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation enforced: report for 2023. *Garant*. (In Russ.). Available at: <https://www.garant.ru/news/1719006/>
13. Lazarev V.V. *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF = Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation*. Moscow: Formula prava, 2008:687. (In Russ.)
14. Antonenko V.M. Direct action of the constitution and the “living” constitution: a comparative analysis of concepts. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2012;(8):15–18. (In Russ.)
15. Kolosova N.M. Direct application of the Constitution of the Russian Federation and the restriction of constitutional rights and freedoms of man and citizen in the context of judicial practice. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2019;(8):36–47. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Виталий Владимирович Гошуляк
доктор юридических наук, профессор,
директор Юридического института,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Vitaly V. Goshulyak
Doctor of juridical sciences, professor,
director of the Legal institute, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

E-mail: Vvgoshulyak@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 07.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.05.2025

Принята к публикации / Accepted 20.05.2025

УДК 342

doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-6

Публичные слушания как консультативная форма демократии

О. В. Елистратова¹, О. Р. Ганина², Ш. Г. Сеидов³

^{1,2,3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹stulnikova80@yandex.ru, ²olg.ganina2015@yandex.ru, ³tabaris@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования заключается в необходимости совершенствования правового регулирования института публичных слушаний с учетом современной тенденции внедрения информационных технологий в деятельность органов публичной власти, а также региональных особенностей проведения публичных слушаний. Основной целью работы является анализ отличительных признаков публичных слушаний как консультативной формы демократии, выявление правовых и организационных проблем их реализации на практике, определение направлений развития и возможных путей реформирования института публичных слушаний. *Материалы и методы.* Достижение исследовательских задач осуществляется путем использования как общенаучных, так и частнонаучных методов: формально-юридического и сравнительно-правового. *Результаты.* Авторами выявлены характерные черты публичных слушаний как института консультативной демократии. Проведенное исследование позволило сформулировать предложения по совершенствованию российского законодательства, касающиеся формы и механизма слушаний в муниципалитетах. *Выводы.* Успешное проведение публичных слушаний подразумевает учет экономических, географических, социальных, культурных, образовательных и политических факторов, оказывающих значительное влияние на жизнедеятельность муниципального образования. Широкий потенциал совершенствования публичных слушаний требует от законодателя комплексного подхода, способного сделать данный институт одной из наиболее удобных, эффективных, результативных форм взаимодействия органов местного самоуправления и населения для разрешения вопросов местного значения и стать инструментом снижения социальной напряженности.

Ключевые слова: публичные слушания, консультативная демократия, местное самоуправление, вопросы местного значения, формы осуществления местного самоуправления, информационные технологии

Для цитирования: Елистратова О. В., Ганина О. Р., Сеидов Ш. Г. Публичные слушания как консультативная форма демократии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2. С. 69–78. doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-6

The public hearings as an advisory form of democracy

O.V. Elistratova¹, O.R. Ganina², Sh.G. Seidov³

^{1,2,3}Penza State University, Penza, Russia

¹stulnikova80@yandex.ru, ²olg.ganina2015@yandex.ru, ³tabaris@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the research lies in the need to improve the legal regulation of the institute of public hearings, taking into account the current trend of introducing information technologies into the activities of public authorities, as well as regional peculiarities of public hearings. The main purpose of the work is to analyze the distinctive features of public hearings as an advisory form of democracy, identify legal and organizational problems of their implementation in practice, identify areas of development and possible ways to reform the institution of public hearings. *Materials and methods.* The achievement of research objectives is carried out through the use of both general scientific methods and private scientific methods: formal legal and comparative legal. *Results.* The authors have identified the characteristic features of public hearings as an institution of consultative democracy. The conducted research made it possible to formulate proposals for improving Russian legislation concerning the form and mechanism of hearings in municipalities. *Conclusions.* Successful holding of public hearings implies taking into account economic, geographical, social, cultural, educational and political factors that have a significant impact on the life of the municipality. The wide potential for improving public hearings requires a comprehensive approach from the legislator, which can make this institution one of the most convenient, effective, effective forms of interaction between local governments and the population to resolve issues of local importance and become a tool for reducing social tension.

Keywords: the public hearings, consultative democracy, local self-government, issues of local importance, forms of local self-government, information technology

For citation: Elistratova O.V., Ganina O.R., Seidov Sh.G. The public hearings as an advisory form of democracy. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(2):69–78. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-6

Осуществление местного самоуправления в Российской Федерации невозможно без участия жителей муниципального образования. Население принимает решения, а также выражает свое мнение по вопросам местного значения путем различных форм волеизъявления, среди которых широкое распространение получили публичные слушания. Согласно отчету Министерства юстиции Российской Федерации за 2020 г. муниципальные образования организовали проведение более 63 тысяч публичных слушаний [1, с. 31].

В качестве цели публичных слушаний законодатель определяет обсуждение проектов муниципальных актов по вопросам местного значения. В соответствии со ст. 28 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» для обсуждения проектов нормативных актов проводятся публичные слушания, на которые в обязательном порядке выносятся:

– проект устава муниципального образования, а также проект муниципального нормативного правового акта о внесении изменений и дополнений в данный устав;

– проект местного бюджета и отчет о его исполнении;

– проект стратегии социально-экономического развития муниципального образования;

– вопросы о преобразовании муниципального образования, за исключением случаев, если для преобразования муниципального образования требуется получение согласия населения муниципального образования, выраженного путем голосования либо на сходах граждан¹.

Ввиду самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий муниципальные образования вправе проводить публичные слушания и по иным вопросам местного значения, что закрепляется уставом этого муниципального образования или отдельным нормативно-правовым муниципальным актом.

Ключевым элементом успешного проведения публичных слушаний является качественная подготовка. Эта подготовка включает в себя как информирование граждан о предстоящем мероприятии, так и представление необходимых материалов, которые помогут участникам лучше понять обсуждаемые вопросы. Грамотное освещение темы обсуждения, приглашение экспертов, возможность ознакомления с документами заранее – все это влияет на уровень вовлечения населения и качество обсуждения. Прозрачность этого процесса может способствовать доверительным отношениям между жителями и властями.

Важно учитывать, что публичные слушания представляют собой двойственный процесс. С одной стороны, они дают возможность органам власти продемонстрировать свою открытость и готовность вести диалог. С другой стороны, если результаты слушаний не учитываются, а мнения и предложения граждан игнорируются, это может привести к потере доверия со стороны жителей и вызвать протестные настроения. Таким образом, успешные публичные слушания должны не только позволять гражданам выражать свои мнения, но и фактически влиять на принимаемые решения.

Принятое по итогам слушаний заключение содержит в себе все рекомендации и мнения, высказанные и согласованные участниками в ходе их проведения. Оно подлежит опубликованию в сети Интернет и рассмотрению органами местного самоуправления при принятии окончательного решения по поставленным вопросам.

Именно на завершающем этапе проведения публичных слушаний прослеживается их отличительная особенность как формы участия населения в осуществлении самоуправления – консультативный характер.

Вопрос о консультативных формах волеизъявления граждан, а также месте в них публичных слушаний не раз поднимался в юридической науке.

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

Так, С. А. Авакьян под консультативностью понимает такую ситуацию, когда обязанность принятия официального итогового решения по рассматриваемым вопросам возложена на уполномоченный орган государственной власти или местного самоуправления, но с учетом той воли, которую выразило большинство. Среди консультативных институтов непосредственной демократии он выделяет «публичные слушания как форму контакта (диалога) органов публичной власти с населением» [2, с. 391].

С. В. Васильева проводит разграничение между консультативной демократией и демократией соучастия, главным критерием которого служит обязанность привлечения населения к принятию управленческих решений. Особо подчеркивается тот факт, что российский законодатель использует данные дефиниции как синонимы, в результате чего в процессе правоприменения возникают определенные сложности, а сама деятельность граждан может сводиться к чисто формальному участию в публичных слушаниях. Также нельзя не согласиться с ее выводом о том, что консультативный характер публичных слушаний приводит к тому, что они по большому счету становятся лишь гарантией гласности деятельности органов публичной власти [3, с. 4].

Заслуживает внимания исследование, проведенное А. А. Фурсовым, в котором высказывается мнение о существовании двух моделей организации публичных слушаний – *либеральной* и *административной*. Первая подразумевает большую свободу и демократизацию процесса, его осуществление с идеей партнерства органов государственной власти и местного самоуправления и населения, а вторая – наоборот: имеет более императивный характер и направлена на соблюдение формальных требований. При этом они лишь подчеркивают, что публичные слушания следует относить к консультативным формам демократии [4, с. 135].

Консультативность публичных слушаний влечет за собой некоторые проблемы, которые при негативном развитии могут влиять на ход слушаний и их итоговый результат. Основной среди них является незначительное влияние на итоговое решение по рассматриваемым вопросам. Из данной проблемы логично вытекают следующие:

- низкая активность жителей муниципальных образований и игнорирование ими публичных слушаний;
- нерепрезентативность слушаний ввиду недостаточного количества среди участников жителей муниципальных образований;
- частые нарушения установленного законом порядка организации и проведения публичных слушаний и др.

Данные проблемы требуют от законодателя принятия эффективных мер по их разрешению путем совершенствования правового регулирования и повышения статуса публичных слушаний [4, с. 136].

Публичные слушания, будучи важной составляющей местного самоуправления, разнообразятся в зависимости от региона. Каждое муниципаль-

ное образование адаптирует этот механизм к своим историческим, культурным и социальным контекстам. Исследование практики проведения публичных слушаний в разных регионах позволяет выявить как положительные, так и отрицательные аспекты.

На территории России публичные слушания имеют свои особенности в зависимости от федерального округа. Например, в крупных мегаполисах, таких как Москва и Санкт-Петербург, наблюдается высокий уровень вовлеченности граждан в процесс обсуждения городских инициатив. Здесь публичные слушания редко могут быть формальными, инициатива граждан и их активное участие нередко приводят к реальным решениям и изменениям в городском пространстве. Это позволяет создать среду, в которой мнения жителей оказывают прямое влияние на принятие решений [5, с. 134].

Северные регионы, такие как Мурманская область или Республика Карелия, имеют свои уникальные сложности в организации публичных слушаний. Высокая степень удаленности, компактное население, а также особенности местного управления могут препятствовать открытости процессов. Публичные слушания здесь часто сталкиваются с недостатком активности со стороны населения, что в свою очередь может быть связано с ощущением дистанции между решениями властей и реальными заботами граждан. В таких условиях критически важно найти баланс между интересами правительства и потребностями местных сообществ [5, с. 136].

В Сибирском федеральном округе публичные слушания зачастую связаны с вопросами освоения природных ресурсов. Местные сообщества выступают за большее участие в принятии решений, относящихся к экологическим аспектам. Примеры из практики показывают, что успешные публичные слушания в этом регионе требуют активной работы по повышению информированности населения о существующих инициативах, которые могут повлиять на их жизнь. Здесь важно учитывать, что отношение к власти может быть настороженным, так как у граждан есть свой горький опыт взаимодействия с различными проектами, которые оказывали негативное влияние на экологическую ситуацию [5, с. 137].

По сравнению с другими регионами, в европейской части России есть примеры успешной интеграции новых технологий в практику публичных слушаний. Использование онлайн-платформ позволяет не только увеличить количество участников, но и разнообразить формы взаимодействия. Это позволяет интегрировать различные группы населения, включая молодежь и тех, кто физически не может присутствовать на встречах. Тем не менее подобные практики требуют значительных инвестиций в информационные технологии и современное оборудование, что не всегда возможно для местного самоуправления с ограниченными ресурсами.

Таким образом, практика публичных слушаний в разных регионах России разнообразна своими подходами и методами. Каждое муниципальное образование вносит свой вклад в развитие этого инструмента с учетом местных традиций и культуры. Публичные слушания могут быть эффективным сред-

ством демократизации местного самоуправления, обеспечивая связь между властью и населением, но их успешность зависит от готовности обеих сторон вступать в диалог и во взаимодействие. Различные примеры показывают, что проблема не только в формальных подходах, но и в отсутствии должного понимания всей процедуры проведения публичных слушаний и готовности к открытому обсуждению.

Совершенствование механизмов информационной поддержки является необходимым шагом для повышения уровня активности граждан. Как справедливо отмечает А. С. Карпов, огромное значение во взаимодействии органов местного самоуправления и населения в области принятия управленческих решений имеет информирование населения. «Граждане, получившие возможность ознакомиться с полной информацией по проекту, далее сами выбирают форму своего участия» [6, с. 9–12]. Как пример можно предложить введение обязательного предварительного информирования жителей о предстоящих публичных слушаниях как офлайн, так и на онлайн-платформах.

Другим шагом можно назвать разработку образовательных программ для жителей и органов местного самоуправления с целью повышения качества общественных обсуждений и принимаемых решений. Важным для населения является выполнение представительным органом и депутатами рекомендаций, выдвинутых на публичных слушаниях жителями, и введение обязательного отчета о внесении предложений в текст нормативного акта или поправок к нему. Это будет способствовать повышению доверия граждан к власти и готовности дальнейшего участия в публичных слушаниях. Также необходимо разработать показатели по оценке качества и эффективности публичных слушаний, что поможет оценить степень удовлетворенности участников процесса и выявить проблемы и недостатки.

Перспективы развития института публичных слушаний также связаны с активным привлечением студентов, школьников и молодых специалистов к обсуждению законопроектов. Это поможет будущим гражданам сформировать осознанное отношение к участию в принятии решений на уровне местного самоуправления и понять важность своей роли в демократическом процессе.

Публичные слушания как важный элемент местного самоуправления играют ключевую роль в обеспечении демократических процессов на муниципальном уровне. Они представляют собой платформу, на которой граждане могут выразить свои мнения, задать вопросы и внести предложения по вопросам, касающимся их жизни и благосостояния. В ходе исследования было установлено, что публичные слушания не только способствуют повышению прозрачности и открытости в принятии решений, но и укрепляют доверие между местными властями и населением. Это доверие, в свою очередь, является основой для эффективного взаимодействия между гражданами и государственными структурами, что в конечном итоге ведет к более качественному управлению на местах.

Законодательное регулирование публичных слушаний, как указано в ст. 28 Федерального закона от 06.10.2003 № 131 (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», создает правовую основу для их проведения, определяя порядок организации и проведения слушаний, а также права и обязанности участников. Законодательство субъектов Российской Федерации содержит достаточно норм, закрепляющих специфику проведения публичных слушаний в муниципальных образованиях этого субъекта. Такие нормы содержат гарантии, что мнения граждан будут услышаны и учтены при принятии решений. Однако, несмотря на наличие правовой базы, на практике возникают различные проблемы, связанные с недостаточной информированностью граждан о предстоящих слушаниях, а также с ограниченной возможностью их участия в процессе. Эти проблемы подчеркивают необходимость дальнейшего совершенствования законодательства и практики проведения публичных слушаний в субъектах Российской Федерации.

Публичные слушания играют большую роль в формировании активной гражданской позиции. Они позволяют жителям не только высказывать свои мнения, но и участвовать в обсуждении важных для их жизни вопросов. Исследования показывают, что активное участие граждан в публичных слушаниях способствует более обоснованному и взвешенному принятию решений, повышают правовую грамотность населения, что, в свою очередь, ведет к улучшению качества жизни в муниципалитетах. Однако, несмотря на положительные аспекты, существует и критика данного института. Некоторые эксперты указывают на то, что публичные слушания могут быть формальными и неэффективными, если мнения граждан не учитываются или игнорируются местными властями¹.

Социальные эффекты от проведения публичных слушаний также заслуживают внимания. Они могут способствовать формированию общественного мнения, повышению уровня информированности граждан о местных проблемах и инициативах, а также укреплению социальной сплоченности. Публичные слушания могут стать площадкой для диалога между различными группами населения, что способствует более глубокому пониманию потребностей и интересов различных слоев общества. Однако для достижения этих эффектов необходимо, чтобы публичные слушания проводились регулярно и с учетом мнения всех заинтересованных сторон.

Данные проблемы требуют от законодателя принятия эффективных мер по их разрешению путем совершенствования правового регулирования и повышения статуса публичных слушаний [5, с. 136].

При этом не стоит предъявлять к институту публичных слушаний завышенные требования как форме волеизъявления. Следует придерживаться того, что публичные слушания имеют консультативный характер и нацелены

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации № 2-АПА19-13 от 7 ноября 2019 г. // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/apellatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07112019-n-2-apa19-13/>

на «предоставление каждому, кого может затронуть предполагаемое решение, возможности участвовать в его обсуждении и получении общественной оценки правового акта» [7].

Таким образом, публичные слушания являются формой волеизъявления населения, носящей консультативный характер. Они позволяют выявить позицию населения по вопросам местного значения, однако их результат не обязателен для принятия органами местного самоуправления окончательного решения. В этом смысле публичные слушания призваны осуществить достижение основных задач развития консультативной демократии: повышение уровня заинтересованности и активности граждан в решении вопросов местного значения, легитимности решений органов местного самоуправления, гласности местного самоуправления. Однако обязательный характер мнения населения не должен явиться препятствием для деятельности органов местного самоуправления. Необходимым условием придания мнению населения, выявленного с помощью публичных слушаний, обязательного характера является внесение изменений в ст. 28 и 31 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г., указывающих на возможность для регионального законодателя или органов местного самоуправления самостоятельно устанавливать обязательность мнения населения для органов местного самоуправления. Таким образом, использование региональным законодателем закрепления обязательного характера мнения населения, выявленного с помощью публичных слушаний, способно положительным образом сказаться на возможности участия населения в принятии органами местного самоуправления управленческих решений. При этом публичные слушания необходимо рассматривать не иначе как способ (инструмент) согласования общественных интересов в муниципальных образованиях.

В завершение отметим, что институт согласования общественных интересов и учета мнения населения является одним из важнейших демократических институтов реализации местного самоуправления. Только путем согласования интересов населения, органов публичной власти и третьих лиц, участвующих в муниципально-правовых отношениях, можно избежать в будущем конфликтов при принятии и реализации управленческих решений на уровне местного самоуправления и снизить социальную напряженность, свойственную некоторым муниципальным образованиям, вызванную отсутствием поддержки со стороны населения принимаемых органами местного самоуправления управленческих решений.

Список литературы

1. Доклад Министерства юстиции о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/monitoring-msu-202111.docx>
2. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. Т. 1. 864 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2115226> (дата обращения: 06.11.2024).

3. Васильева С. В. Социальная легитимация власти как основа консультативной демократии и демократии соучастия // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 14. С. 2–7.
4. Фурсов А. А. Институт консультативной демократии в механизме местного самоуправления (на примере городских территорий) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 242 с.
5. Акулова Н. А. Публичные слушания: проблемы муниципально-правового регулирования // Инновационная наука. 2021. № 5. С. 134–137.
6. Карпов А. С. Реализация технологии учета мнений заинтересованной общественности в законодательстве // Экологическая безопасность: природа и общество : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 2–3 апреля 2024 г.). СПб. : Нестор-История, 2024. С. 9–12.
7. Козырева Л. Д. Публичные слушания как институт гражданского общества: проблемы организации и проведения // Управленческое консультирование. 2015. № 3. С. 116–122.

References

1. Report of the Ministry of Justice on the results of the annual monitoring of the organization and development of local self-government in the Russian Federation for 2020. *Ministerstvo yustitsii Rossiyskoy Federatsii = Ministry of Justice of the Russian Federation*. (In Russ.). Available at: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/monitoring-msu-202111.docx>
2. Avak'yan S.A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyy kurs: ucheb. posobie: v 2 t. 7-e izd., pererab. i dop. = Constitutional law of Russia. Curriculum: textbook: in 2 volumes. The 2nd edition, revised and supplemented*. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024;1:864. (In Russ.). Available at: <https://znanium.ru/catalog/product/2115226> (accessed 06.11.2024).
3. Vasil'eva S.V. Social legitimation of power as the basis of consultative democracy and participatory democracy. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2009;(14):2–7. (In Russ.)
4. Fursov A. A. *The institute of consultative democracy in the mechanism of local self-government (by the example of urban areas): PhD dissertation*. Moscow, 2022:242. (In Russ.)
5. Akulova N.A. Public hearings: problems of municipal legal regulation. *Innovatsionnaya nauka = Innovative science*. 2021;(5):134–137. (In Russ.)
6. Karpov A.S. Implementation of technology for taking into account the opinions of the interested public in legislation. *Ekologicheskaya bezopasnost': priroda i obshchestvo: tez dokl. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Sankt-Peterburg, 2–3 aprelya 2024 g.) = Environmental safety: nature and society: proceedings of the International scientific and practical conference (Saint Petersburg, April 2–3, 2024)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2024:9–12 (In Russ.)
7. Kozyreva L.D. Public hearings as an institution of civil society: problems of organization and conduct. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*. 2015;(3):116–122. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Васильевна Елистратова

кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: stulnikova80@yandex.ru

Olga V. Elistratova

Candidate of juridical sciences,
associate professor of the sub-department
of state and law disciplines, Penza
State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Ольга Романовна Ганина

аналитик ректората, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: olg.ganina2015@yandex.ru

Olga R. Ganina

Rector's office analyst, Penza
State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Шахрутдин Гаджиалиевич Сеидов

доктор педагогических наук, профессор
кафедры государственно-правовых
дисциплин, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: tabaris@mail.ru

Shakhrutdin G. Seidov

Doctor of pedagogical sciences, professor
of the sub-department of state and law
disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 21.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 03.05.2025

Принята к публикации / Accepted 07.05.2025

УДК 341.36:93/94

doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-7

Значение Второй Гаагской конференции мира в развитии института мирного разрешения международных споров

Б. В. Николаев¹, Н. А. Павлова²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Пензе, Пенза, Россия

¹nikolboris@yandex.ru, ²nataliia.pavlova@inbox.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Отечественная дипломатия и международно-правовая наука сыграли ведущую роль в формировании института мирного разрешения международных споров. Именно Россия стала инициатором двух Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг. Однако данный вопрос не получает достаточного внимания со стороны отечественных и зарубежных исследователей, последние при этом активно исследуют роль США, Великобритании, Франции и других стран в развитии института мирного разрешения международных споров. В этой связи исследование содержания и итогов работы Второй конференции мира в рассматриваемой сфере и ее исторического значения представляется актуальным и научно значимым. *Цель работы* – определить основные направления и достижения работы Гаагской конференции мира 1907 г. в контексте развития института мирного разрешения международных споров. *Материалы и методы.* Поставленные задачи достигаются анализом официальных материалов работы Гаагской конференции мира 1907 г., официальных актов Министерства иностранных дел России, оценок достижений конференции, данных самими ее участниками, международных договоров, научной литературы. *Результаты.* Проанализированы содержание деятельности и итоги форума 1907 г. по развитию института мирного разрешения международных споров. *Выводы.* Исследование позволяет сделать вывод об особой роли российской дипломатии и международно-правовой науки в кодификации института мирного разрешения международных споров и прогрессивного развития международного права в целом.

Ключевые слова: Гаагская конференция мира, международное право, право вооруженных конфликтов, российская дипломатия, мирное разрешение международных споров

Для цитирования: Николаев Б. В., Павлова Н. А. Значение Второй Гаагской конференции мира в развитии института мирного разрешения международных споров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2. С. 79–91. doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-7

The significance of the Second Hague Peace conference in the development of the institution of peaceful settlement of international disputes

B.V. Nikolaev¹, N.A. Pavlova²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹Penza branch of Moscow Witte University, Penza, Russia

¹nikolboris@yandex.ru, ²nataliia.pavlova@inbox.ru

Abstract. *Background.* Domestic diplomacy and international legal science played a leading role in the formation of the institution of peaceful resolution of international disputes. It was Russia that initiated two Hague Peace Conferences in 1899 and 1907. However, this issue has not received sufficient attention from domestic and foreign researchers, the latter, however, actively studied the role of the United States, Great Britain, France and other countries in terms of the development of the institution of peaceful resolution of international disputes. In this regard, the study of the content and results of the Second Peace Conference and its historical significance seems relevant and scientifically significant. The purpose of the work is to identify the main directions and achievements of the Hague Peace Conference of 1907 in the context of the development of the institution of peaceful resolution of international disputes. *Materials and methods.* These objectives are achieved by analyzing the official materials of the 1907 Hague Peace Conference, official acts of the Russian Ministry of Foreign Affairs, assessments of the conference's achievements given by its participants themselves, as well as international treaties and scientific literature. *Results.* The work analyzes the work and results of the 1907 forum from the point of view of the development of the institution of peaceful resolution of international disputes. *Conclusions.* The study allows us to draw a conclusion about the special role of Russian diplomacy and international legal science in the codification of the institution of peaceful resolution of international disputes and the progressive development of international law in general.

Keywords: the Hague Peace Conference, international law, law of armed conflicts, Russian diplomacy, peaceful resolution of international disputes

For citation: The significance of the Second Hague Peace conference in the development of the institution of peaceful settlement of international disputes. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(2):79–91. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-7

Введение

Инициированное Россией Гаагское движение стало важной вехой на пути становления современного международного права. Первая Гаагская конференция 1899 г. обеспечила значительный прогресс в деле кодификации института мирного разрешения международных споров [1, с. 20–29]. Тем не менее многие аспекты так и остались несогласованными, в частности, идея обязательного арбитража весьма активно обсуждалась не только дипломатами и специалистами в области международного права, но и широкой общественностью. Именно институт мирного разрешения международных споров наряду с кодификацией законов и обычаев ведения войны [2] стал ключевым

в работе Второго Гаагского форума. Цель работы – определить основные направления и достижения работы Гаагской конференции мира 1907 г. в контексте выработки правил мирного разрешения международных споров, значение принятых документов и итогов конференции для прогрессивного развития международного права.

Материалы и методы

Поставленные задачи достигаются анализом официальных материалов работы Гаагской конференции мира 1907 г., официальных актов Министерства иностранных дел Российской империи, оценок достижений конференции, данных самими ее участниками, международных договоров (Гаагских конвенций и деклараций 1907 г.), научной литературы.

Результаты

Одним из важнейших направлений деятельности обеих конференций стало обсуждение проблемы мирного решения международных споров и, в частности, урегулирования процедуры международного арбитража и учреждения соответствующих международных институтов, что могло бы стать некоторой «компенсацией» неудачи Гаагского форума в деле ограничения вооружений и отказа от применения силы в международных отношениях.

Арбитраж как средство решения международных конфликтов мирным путем имеет долгую историю [3, р. 188–253]. Его новая история начинается с англо-американского договора 1794 г., по которому США и Англия передавали некоторые спорные вопросы на решение совместных комиссий. В 1831 г. эти державы попросили короля Нидерландов Вильгельма I быть арбитром в споре о границе между штатом Мен и Британской Канадой, заключив предварительно специальное соглашение, обычно называемое компромисс, в котором установили принципы, которым должен следовать арбитр.

Во второй половине XIX в. арбитраж начинает играть все более значимую роль в международной жизни; все же основными его пользователями оставались США и Великобритания. Госсекретарь США Джеймс Блайн добился на Панамериканской конференции 1899 г. арбитражного соглашения, но ни одно правительство его не ратифицировало. Накануне Второй Гаагской конференции в правительственной типографии США была опубликована «История и краткое изложение международных арбитражей, в которых США принимали участие» Дж. Б. Мура в шести томах, обобщившая опыт использования Соединенными Штатами арбитража.

Несмотря на то что в российской программе Первой Гаагской конференции арбитражу посвящался лишь один, последний пункт, он стал, в особенности после неудачи достижения согласия по проблеме вооружений, центральным вопросом собрания [4, с. 136–143]. Россия предложила комплексный проект по регулированию добрых услуг, посредничества, следственных комиссий и арбитража. В дальнейшем российский проект был расширен за счет внесения предложений о международном арбитражном

трибунале и обязательном арбитраже. Хотя Германия, стоявшая во главе оппозиции, добилась исключения всех положений об обязательном арбитраже и существенного исправления предварительного проекта международного суда, значительно снизившего его эффективность, конференция приняла конвенцию о мирном решении международных столкновений, которая была названа «Великой Хартией Международного Права» [5, p. 471].

После окончания Первой Гаагской конференции арбитражная конвенция и постоянный третейский суд были в нескольких случаях использованы различными государствами. Первым делом, переданным на решение Гаагского суда, стал спор между США и Мексикой 1902 г., получивший название «Дело о Благотворительном фонде» (арбитрами были будущие участники собрания 1907 г. Т. Ассер из Голландии, Э. Фрай из Англии и Ф. Ф. Мартенс из России). Наиболее значимым и для предотвращения международного конфликта, и для повышения авторитета Гаагского суда стало Венесуэльское дело, возникшее в результате установления Германией и Великобританией блокады венесуэльских портов с целью защиты денежных и имущественных требований их подданных. Правительство США крайне отрицательно отнеслось к этой акции, прямо нарушающей доктрину Монро, и настояло на передаче этого спора в Гаагский суд.

Арбитрами в этом деле стали русские представители, министр юстиции М. В. Муравьев и профессор Ф. Ф. Мартенс, а также австриец Генрих Ламмаш, участник обеих Гаагских конференций. Решение трибунала от 24 февраля 1904 г. разочаровало всех тех, кто надеялся на действительную беспристрастность суда в проведении принципов мира и справедливости, так как постановление было в пользу государств, прибегших к насильственному способу решения конфликта, и в целом удовлетворило и Германию, и Великобританию. Все же главное значение этого арбитража – первое мирное решение международной организацией спора, который мог стать причиной серьезного вооруженного конфликта. Может быть поэтому за два последующих года в Гаагский суд были переданы два, хотя и менее значительных дела [6, p. 186–189].

Кроме того, важным событием, привлечшим внимание и существенно повысившим престиж арбитража, стало урегулирование так называемого «Гульского инцидента». В ночь с 21 на 22 октября 1904 г. командующий Балтийским флотом России, направляющимся через Северное море на Дальний Восток, приказал открыть огонь по Гульскому рыболовному флоту, приняв его за японские торпедные лодки. В течение некоторого времени многие опасались англо-русской войны, но, по настоянию министра иностранных дел Франции Теофиля Делькассе, Россия и Великобритания согласились передать спор совместной комиссии, составленной в соответствии с конвенцией 1899 г., которая решила в 1905 г. этот спор в пользу Великобритании. К позитивным результатам влияния Первой Гаагской конференции на развитие арбитража следует отнести и заключение в течение 7 лет 33 арбитражных договоров, лидерами здесь являлись Великобритания и США, имевшие к 1907 г. такие соглашения со многими государствами.

Наряду с событиями, доказавшими возможность и способность арбитража в упорядочивании и нормализации международных отношений, в период между двумя конференциями имели место и такие прецеденты, которые привели к размышлениям об ограниченности и неэффективности арбитражных институтов и их процедуры. Наиболее значимые вооруженные конфликты рубежа веков – англо-бурская и русско-японская войны – доказали хрупкость и недейственность новых идей перед лицом многовековой традиции решения межгосударственных разногласий с помощью вооруженной силы.

Рост империалистических, агрессивных тенденций в политике ведущих держав вызвал (в качестве попытки его по крайней мере частичной компенсации) усиление движения за мир и разоружение в Европе и Америке. Причем в начале XX в. многие лидеры этого движения понимали призрачность, если не безосновательность, надежд на проведение в обозримом будущем ведущими державами политики разоружения или ограничения вооружений арбитража и эффективного международного третейского суда, который выполнял бы функции международного контроля и регулирования взаимоотношений всех суверенных государств мира. Арбитражные требования содержались в постановлениях Межпарламентского союза и конгрессов мирных обществ.

Третья Панамериканская конференция, состоявшаяся в Рио-де-Жанейро в 1906 г., приняла следующую резолюцию: «Признать приверженность арбитражу для осуществления этой возвышенной цели, на практике рекомендовать нациям, представленным на настоящей конференции, инструктировать своих делегатов на Второй Гаагской конференции, обеспечить на высшем уровне торжество Генеральной арбитражной конвенции настолько эффективно, чтобы, заслужив одобрение цивилизованного мира, она приняла бы силу закона для каждой страны» [6, р. 133–134].

В циркуляре от 21 октября 1904 г. госсекретаря Дж. Хэя, предлагавшего предварительную программу будущей конференции, содержался пункт о переговорах по заключению арбитражных договоров между представленными государствами [7, р. 185].

Несмотря на требования широких общественных кругов и прогресс, достигнутый в деле реализации принципа мирного урегулирования международных конфликтов, российское правительство попыталось ограничить рамки предстоящей дискуссии по арбитражным вопросам ревизией положений соответствующей конвенции в тех ее частях, которые касаются арбитражного суда и следственных комиссий. Заявляя, что «важнейшее создание первой конференции – международный третейский суд – доказало на деле свою жизненность» и отмечая «благодарное значение международных следственных комиссий для разрешения несогласий между государствами», российское правительство говорило о необходимости пересмотра этой конвенции, поскольку «происходившие третейские разбирательства возбудили некоторые частные вопросы, которые следовало бы разрешить». В циркуляре

отмечалось, что речь в основном шла о процедурной части и «внесении в упомянутую конвенцию необходимых дополнений» [8, с. 2].

Такая умеренность русской программы объясняется как нежеланием самодержавного государя каким-либо образом ограничивать свою власть в международных делах, так и резко отрицательным отношением Германии к обсуждению на конференции вопроса обязательного арбитража. Однако другие правительства, в первую очередь США, Великобритании и Франции, не были удовлетворены такой «бледной» программой по арбитражному пункту. В послании от 7 июня 1906 г. российскому послу в Вашингтоне госсекретарь заявил о желании США внести на рассмотрение конференции вопрос «о соглашении по обязательному арбитражу» и, в частности, обсудить возможность достижения «соглашения о некотором ограничении использования силы при взимании государственных долгов». В ответном письме российский посол Р. Р. Розен заявил, что Россия не против оговоренных американцами вопросов [9, р. 1637].

Трудность заключалась в том, что некоторые державы, в том числе Германия и Австро-Венгрия, уже одобрили предварительную программу, но могли возникнуть трения и сомнения относительно возможности проведения конференции [9, р. 1640]. После оживленной дипломатической переписки, в ходе которой на стороне США выступили Великобритания, Япония, Франция, Италия и Испания, при посредничестве России было принято компромиссное решение: правительства США, Великобритании, Японии и Испании оговорили право представить на конференции интересующие их вопросы, а Германия, Австро-Венгрия и Россия оставили за собой возможность не принимать участия в обсуждении вопросов, которое «не приведет, по их мнению, к практическим результатам». Примечательно, что уже на этой ранней стадии переговоров по арбитражным вопросам Франция приняла роль стороннего наблюдателя и примирителя различающихся интересов, линию, которой она постарается постоянно держаться в ходе работы конференции. Интересно также, что союзник Германии по Тройственному союзу Италия еще до начала конференции выразительно поддержала точку зрения англоязычных держав [9, р. 1108].

Все же позиции ведущих держав в этом вопросе давали повод надеяться на достижение значительного прогресса в этой области на предстоящей конференции. Инструкции, данные делегатам Великобритании, уделяли особое внимание учреждению международного суда для решения призовых споров и в целом настраивали делегатов на позитивную работу в означенных вопросах [7, р. 244]. Госсекретарь США Э. Рут подчеркивал значимость принципа обязательного арбитража и его частного применения к спорам, возникающим по государственным договорным долгам.

Делегаты Франции, которая не была расположена обсуждать на конференции проблему вооружений, заявили накануне ассамблеи, что их правительство считает развитие арбитража наиболее важной задачей предстоящего форума. Французский министр иностранных дел С. Пишон официально под-

твердил эту точку зрения [7, р. 199]. О заинтересованности России в этой связи сказал в беседе с министром иностранных дел Великобритании Ф. Ф. Мартенс, посетивший в январе – феврале 1907 г. столицы ведущих европейских государств. Италия обещала поддержку арбитражных предложений англоязычных держав, а Австро-Венгрия заявила о возможности их обсуждения при условии предварительного ознакомления с конкретными проектами до принятия окончательного решения. Позиция Германии, несмотря на негативную реакцию в отношении предложений, не вошедших в первоначальную русскую программу, впоследствии стала более умеренной. Кроме того, выступая 23 июня в арбитражной комиссии, первый делегат Германии Маршалл заявил об изменении точки зрения его правительства и о принятии им принципа обязательного арбитража [3, р. 339–340].

Обсуждение конференцией рассматриваемого предмета шло по пяти основным линиям:

- 1) ревизия конвенции 1899 г. (арбитражная процедура и международные следственные комиссии);
- 2) учреждение международного высшего трибунала;
- 3) заключение общей конвенции по обязательному арбитражу;
- 4) учреждение международного призового суда;
- 5) ограничение применения силы при взыскании по договорным государственным долгам.

Дебаты конференции в этой области показательны с точки зрения выявления всех основных линий сотрудничества и противоборства различных государств, определения их позиций.

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных арбитражных проектов, представляется полезным для последующей характеристики хода и результатов обсуждения очертить предполагаемое их авторами максимально достижимое устройство и действие механизма международного арбитража. Прежде всего представленные на конференции страны должны были заключить общий арбитражный договор, по которому они согласились бы передавать определенные категории споров на обязательный арбитраж, осуществляемый Международным Высшим Арбитражным Трибуналом, постоянно действующим и в любое время готовым осуществить делопроизводство. Затем конференция должна была учредить Международный Апелляционный Суд, в который государства могли бы направлять с взаимного согласия апелляции по постановлениям национальных призовых судов.

Наряду с обязательным арбитражем сохранялась и его добровольная форма – Постоянный Третейский Суд, который с взаимного согласия сторон должен был решать споры более сложного характера. Насколько же была выполнена делегатами эта максимальная программа?

Изменения и дополнения к конвенции 1899 г., предложенные российской (процедура и следственные комиссии) и французской (сокращенное арбитражное производство) делегациями прошли довольно гладко ввиду общепризнанности предлагаемых предложений и нежелания делегатов идти на

конфликт по менее спорным вопросам в преддверии дебатов по обязательно-му арбитражу и международному суду. Все же в одном случае предложения Ф. Ф. Мартенса, предполагавшего введение элемента обязательности в действия следственных комиссий, вызвали резкую оппозицию представителей Великобритании, Германии, Австро-Венгрии и были отозваны [5, p. 289–291].

Прения по учреждению Международного Высшего Трибунала наиболее ярко проявили существенное противоречие позиций представителей великих и малых государств. Было предложено два проекта: российский, предполагавший тесную связь нового органа с судом 1899 г., и американский, обусловивший совершенно самостоятельное образование с широкими полномочиями. С существенными поправками выступила германская делегация, поддержанная Австро-Венгрией. В результате название «Международный Высший Трибунал», которое, по словам австрийца Ламмаша, «могло привести кого-нибудь к идее Соединенных Штатов Мира» [6, p. 269], было заменено нейтральным – «Международный Юридический Арбитражный Суд». Было также оговорено, по предложению Маршалла, что представители сторон будут участвовать в качестве консультантов в судебном производстве.

После внесения германских поправок и включения российских предложений на основе первоначального американского плана был выработан совместный проект Великобритании, США и Германии, представленный подкомиссии. Наиболее сложным вопросом стал способ назначения судей. Делегатами великих держав было предложено несколько проектов, основанных на системе ротации в зависимости от населения, развития промышленности и торговли, согласно которым судебные представители восьми великих держав должны были служить в течение полного 12-летнего срока, остальные страны распределялись на четыре категории с представительством в 10 лет (Испания, Нидерланды и Турция), 4, 2 года и 1 год. Наиболее резко против этого плана возражал бразилец Рун Барбоза, выступивший за абсолютно равное представительство всех суверенных государств, его поддержали представители многих малых стран Европы, Азии и Америки.

После того как стало ясно, что достигнуть единогласия по этому вопросу конференция не сможет, председатель арбитражной комиссии француз Буржуа сформулировал вошедшее в Заключительный акт пожелание: «Конференция рекомендует подписавшим настоящий акт Державам принятие приложенного к сему проекту конвенции об учреждении Судебной Третьей Палаты и приведение ее в исполнение, как только состоится соглашение относительно выбора судей и состава палаты» [10, p. 327].

Важно, на наш взгляд, отметить, что впервые на международной конференции такого ранга были серьезно заявлены притязания малых, особенно латиноамериканских, государств, отличные от интересов и взглядов той или иной великой державы на политическое устройство мира и взаимоотношения составляющих его частей.

Пожалуй, наиболее горячим желанием общественного движения кануна конференции 1907 г. было заключение общего обязательного арбитража-

ного договора. На Первой Гаагской конференции по требованию Германии из конвенции о мирном решении международных конфликтов были исключены все ссылки, упоминающие об обязательности арбитража. Однако многое позволяло надеяться, что работа Второй конференции в этом направлении будет успешной. В 1899 г. Германия аргументировала свою позицию тем, что арбитраж не приведет к существенному прогрессу и не будет принят, если его интерпретировать как обязательное средство решения международных споров. После 1899 г. было заключено 33 арбитражных договора, 2 из которых подписала Германия с Великобританией и США, накануне конференции она заявляла о признании принципа обязательного арбитража. Все это, казалось, позволяло надеяться на хороший исход дебатов по данному вопросу, лишь позже стало ясно, что за прошедшие семь лет позиция Германии существенно не изменилась.

На наш взгляд, необходимо кратко изложить суть расхождений различных арбитражных проектов [3, р. 334–343; 5, р. 311, 349]. Против самого принципа обязательного арбитража никто не возражал, но и ни одна делегация не поддержала предложение доминиканского представителя, предполагавшее действительно всеобщий неограниченный обязательный арбитраж. Принцип обязательности мог быть реализован или в форме общего международного договора, или в отдельных двусторонних соглашениях (позиция Германии). В общий арбитражный договор могли быть включены:

а) все споры юридического характера или вытекающие из интерпретации договоров, если они не затрагивают честь, независимость или жизненные интересы спорящих, а также интересы третьих сторон (предложение США);

б) отдельные категории споров, согласованные державами в особом списке, которые нации обязаны передавать в арбитраж без оговорок (Португальский план, основанный на российском проекте 1899 г.).

После напряженных переговоров между дипломатами Великобритании и Португалии был выработан совместный англо-американский проект, который поддержали представители Франции, России, Италии и многих малых стран.

Голосование по многочисленным пунктам этого проекта показало оппозиционность Германии (поддержанной лишь Австро-Венгрией, Швейцарией, Бельгией и Румынией) любым арбитражным предложениям. Когда стало ясно, что позиция Германии останется неизменной, делегаты Франции, России и Италии заявили о невозможности соглашения при отсутствии согласия между великими державами. Ф. Ф. Мартенс, пытаясь спасти проект, предложил делегациям заключить уже на этой конференции обсуждавшийся договор, оставив его открытым для присоединения стран, еще не принявших окончательного решения.

После неудачи достижения данного компромисса представитель Австро-Венгрии Мэрей предложил следующую резолюцию: «Конференция убеждена, что некоторые строго определенные вопросы могут передаваться на обязательный арбитраж без какого-либо ограничения, но конференция

не смогла вынести решение по этим вопросам из-за их технического характера и собственного недостатка специальных знаний и опыта; решила пригласить правительства подвергнуть глубокому изучению указанные вопросы и информировать друг друга о том, какие из них они готовы сделать объектами обязательного арбитражного дела».

Против данной резолюции выступил глава британской делегации Э. Фрай, поскольку голосование показало готовность большинства правительств заключить такой договор уже сейчас. Представитель Соединенных Штатов Америки Джозеф Х. Чоат выразил определенное неудовольствие тем, что незначительное меньшинство препятствует значительному большинству добиться желаемого результата в значимом аспекте работы конференции.

Наконец, итальянский представитель Торниелли, поддержанный А. И. Нелидовым и главой французской делегации Л. Буржуа, представил резолюцию [6, р. 269], вошедшую в Заключительный акт: «Конференция единогласно:

- 1) признает начало обязательного арбитража;
- 2) объявляет, что некоторые споры, а именно которые касаются истолкования и применения международных договоров, способны составлять предмет обязательного арбитража без всяких оговорок;
- 3) провозглашает, что если не было дано заключить конвенцию в этом смысле, различия мнений не должны выходить за пределы юридического спора, и что все державы мира, научившись ближе понимать друг друга, сумели бы вынести из этого продолжительного сотрудничества всеобъемлющее осознание идеи общего блага для всего человечества» [10, р. 332]. При голосовании по этой резолюции делегация США воздержалась.

После неудачной попытки конференции заключить общее арбитражное соглашение предложение США, представленное генералом Портером [11], ограничить применение силы при взыскании договорных государственных долгов прошло достаточно легко и легло в основу Второй Гаагской конвенции 1907 г. Примечательно и несколько иронично, что наиболее серьезные возражения последовали со стороны представителей латиноамериканских стран, для защиты интересов которых, по мнению США, и была предложена эта конвенция.

Суть расхождений между предложением генерала Портера и «Доктриной Драго» 1902 г. изложил автор доктрины аргентинский представитель Луис Драго: предложение Портера не ограничивает арбитраж договорных долгов только теми случаями, когда кредиторы обратились к государству-должнику и получили отказ; не исключает абсолютно военную агрессию или оккупацию территории американских стран. Главную причину оппозиции предлагаемой конвенции установил уругваец Кастро: «Европейские государства не должны применять к Америке правила поведения, отличные от положений международного права, регулирующих взаимоотношения этих государств. Америка имеет полное право на такое же отношение, поскольку она полностью цивилизована» [5, р. 359]. В итоге пять делегаций воздержались

от голосования, девять проголосовали положительно, сделав существенные оговорки относительно интерпретации и применения принятой конвенции [10, р. 330–332].

Наконец, конференция разработала (на основе проектов Великобритании к Германии) и приняла конвенцию об учреждении Международного Призового Суда, которая впоследствии, однако, не вступила в силу в связи с отсутствием ратификаций.

Заключение

Результаты конференции не могли вызвать большого воодушевления у ее участников, не говоря о пацифистских лидерах. В целом конференция не смогла решить свои задачи: по наиболее важным вопросам – ограничения вооружений, неприкосновенности частной собственности на море, блокады, контрабанды, общей арбитражной конвенции и международного третейского суда – были приняты ни к чему не обязывающие «пожелания», а их решение отложено на неопределенное время; принятая конвенция об учреждении международного призового суда так и не была ратифицирована; конвенция об ограничении силы при взыскании по договорным долгам сопровождалась такими оговорками, что не могла выполнить поставленную в ее названии задачу; пересмотр арбитражной и военной конвенции 1899 г. свелся к незначительным исправлениям технического характера; конференция не смогла выработать и единый кодекс морского права.

Все же, говоря об отрицательных результатах конференции, нельзя не сказать о ее позитивном значении. Третьей конференции мира не суждено было состояться, однако Гаагские достижения не прекратили своего существования. Гаагские конвенции и декларации остаются до настоящего времени важной частью международного права. Кроме того, именно из Гаагских форумов развились впоследствии очень важные для человечества идеи (сокращение вооружений, равноправие всех суверенных государств, мирное решение международных споров арбитражными средствами) и институты (постоянная международная организация, международный суд). Многие проблемы, обсуждавшиеся в 1907 г., имеют большое значение и сегодня. Выявление причин неудачи конференции позволит, на наш взгляд, подойти к более глубокому пониманию проблем современного мира.

Список литературы

1. Николаев Б. В., Павлова Н. А. Содержание и итоги работы Первой Гаагской конференции мира 1899 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 20–29. doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-2
2. Николаев Б. В., Павлова Н. А. Значение Второй Гаагской конференции мира в деле кодификации законов и обычаев ведения войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 30–39.
3. Scott J. Br. The Hague Peace Conferences, 1899 and 1907 : in 2 vols. Baltimore : Johns Hopkins' Press, 1909. Vol. I. 887 p.

4. Данилин А. И. Проблема международного арбитража и позиции США и Германии на I-й Гаагской конференции мира // Европейские государства и США в международных отношениях первой половины XX века (история и историография) : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. К. Фураев. М. : АСТ-Пресс, 1983. С. 136–143.
5. Hull W. I. *The Two Hague Conferences and Their Contributions to International Law*. Boston : Ginn and Co, 1908. 516 p.
6. Davis C. B. *The United States and the Second Peace Conference*. Durham : Duke University Press, 1975. 398 p.
7. *British Documents on the Origins of the War 1898–1914* / ed. by G. P. Gooch, D. Litt, H. Temperley. New York ; London : Johnson repr. corp., 1967. 880 p.
8. Вторая Гаагская конференция мира. 1907. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1908. 372 с.
9. U.S. Department of State. *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1904–1907*. Washington : G.P.O., 1906. 1666 p.
10. *The Proceedings of the Hague Peace Conference. Translation of official texts. The Conference of 1907*. New York : Oxford University Press, 1920. 883 p.
11. *American Addresses at the Second Hague Peace Conference* / ed. by J. H. Choate. Boston : World Peace Foundation, 1916. 279 p.

References

1. Nikolaev B.V., Pavlova N.A. Contents and results of the First Hague Peace Conference of 1899. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(4):20–29. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-4-2
2. Nikolaev B.V., Pavlova N.A. The importance of the Second Hague Peace Conference in the codification of the laws and customs of war. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):30–39. (In Russ.)
3. Scott J.Br. *The Hague Peace Conferences, 1899 and 1907: in 2 vols*. Baltimore: Johns Hopkins' Press, 1909;I:887.
4. Danilin A.I. The problem of international arbitration and the positions of the United States and Germany at the Second Hague Peace Conference. *Evropeyskie gosudarstva i SShA v mezhdunarodnykh otnosheniyakh pervoy poloviny XX veka (istoriya i istoriografiya): mezhvuz. sb. nauch. tr.* = *European states and the United States in international relations of the first half of the twentieth century (history and historiography): interuniversity collected articles*. Moscow: AST-Press, 1983:136–143. (In Russ.)
5. Hull W.I. *The Two Hague Conferences and Their Contributions to International Law*. Boston: Ginn and Co, 1908:516.
6. Davis C.B. *The United States and the Second Peace Conference*. Durham: Duke University Press, 1975:398.
7. Gooch G.P., Litt D., Temperley H. (eds.). *British Documents on the Origins of the War 1898–1914*. New York; London: Johnson repr. corp., 1967:880.
8. *Vtoraya Gaagskaya konferentsiya mira. 1907 = Second Hague Peace Conference. 1907*. Saint Petersburg: Tip. V.F. Kirshbauma, 1908:372. (In Russ.)
9. U.S. Department of State. *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States 1904–1907*. Washington: G.P.O., 1906:1666.

10. The Proceedings of the Hague Peace Conference. Translation of official texts. *The Conference of 1907*. New York: Oxford University Press, 1920:883.
11. Choate J.H. (ed.). *American Addresses at the Second Hague Peace Conference*. Boston: World Peace Foundation, 1916:279.

Информация об авторах / Information about the authors

Борис Викторович Николаев

кандидат исторических наук, доцент
кафедры уголовного права, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40);
заведующий кафедрой юриспруденции,
филиал Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Пензе
(Россия, г. Пенза, ул. Вяземского, 25Б)

Boris V. Nikolaev

Candidate of historical sciences, associate
professor of the sub-department of criminal
law, Penza State University (40 Krasnaya
street, Penza, Russia);
head of the sub-department
of jurisprudence, Penza branch of Moscow
Witte University (25B Vyazemskogo street,
Penza, Russia)

E-mail: nikolboris@yandex.ru

Наталья Анатольевна Павлова

кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой иностранных
языков, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Natalia A. Pavlova

Candidate of pedagogical sciences,
head of the sub-department of foreign
languages, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

E-mail: nataliia.pavlova@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 01.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.05.2025

Принята к публикации / Accepted 24.05.2025

УДК 342.1

doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-8

Особенности федеративной интеграции Средней Азии, 1918–1925 гг.

Р. Р. Акжигитов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

makwwin@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Вопросы конструирования и поддержания в рабочем состоянии федеративного государства со временем не теряют своей актуальности, а в условиях международной турбулентности становятся только значимее. Это особенно верно, когда речь идет о постимперском, мультиэтничном федерализме, уровень управляемости которого должен быть значительно выше, чем у обычного буржуазного федерализма. Автор ставит перед собой цель показать особенности федеративного строительства на дальних рубежах в условиях пересечения конкурирующих национальных амбиций, которые молодая советская власть пыталась усмирить с помощью проведения оптимального национально-территориального размежевания. *Материалы и методы.* Работа подготовлена на основе монографий и статей о развитии Средней Азии со второй половины XIX в. до середины 1920-х гг. включительно. Использован статический материал и сравнительно-государствоведческий метод. *Результаты.* Регион Средней Азии оказался наиболее поздним в плане его включения в состав Российской империи. Территориально-административной его основой стал Туркестанский край и два протектората – Бухарский эмират и Хивинское ханство. Местная российская администрация не форсировала переселение крестьян из Центральной России – оно происходило естественным путем из-за голода и малоземелья на обжитых территориях империи. Падение самодержавия и Временного правительства способствовало националистическому брожению, которое частично удалось нейтрализовать с ликвидацией Кокандской автономии в феврале 1918 г., но ключевую победу советская власть одерживает только с ликвидацией блокады в январе 1919 г. В то же время серьезным дестабилизирующим фактором являлось басмачество. В 1920 г. удастся добиться свержения мусульманских авторитарных монархий в Хиве и Бухаре их преобразованием в народные, а затем социалистические республики в составе РСФСР. Образование в 1922 г. побуждает перейти к оптимизации национально-территориальной структуры в 1924–1925 гг. по линиям, намеченным В. И. Лениным еще в июле 1920 г. При этом приходилось справляться с преодолением местных национал-коммунистов. Одним из наиболее активных среди них являлся Т. Рыскулов, мечтавший о создании в Туркестане чисто тюркской компартии и армии. *Выводы.* Национально-территориальное размежевание, проводившееся в 1924–1925 гг., предусматривало прежде всего упразднение Туркестанской АССР, Бухары и Хивы как псевдогосударственных образований и организацию двух новых союзных республик – Туркменской ССР и Узбекской ССР – с целью преодоления опасности пантюркизма и пансиализма. Статус других республик до уровня союзных (Таджикской АССР, Кара-Киргизской АО) большевики поднимать не спешили, что было совершенно справедливо с учетом существовавшей социально-экономической и культурной отсталости, националистическими предрассудками.

© Акжигитов Р. Р., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: образование СССР, Туркестанский край, Туркестанская АССР, советизация Бухарского эмирата, советизация Хивы, образование Туркменской ССР, образование Узбекской ССР, национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924–1925 гг.

Для цитирования: Акжигитов Р. Р. Особенности федеративной интеграции Средней Азии, 1918–1925 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2. С. 92–106. doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-8

Features of the federative integration of Central Asia, 1918–1925

R.R. Akzhigitov

Penza State University, Penza, Russia

makwwwina@yandex.ru

Abstract. *Background.* The issues of constructing and maintaining a federal state remain relevant over time, and in conditions of international turbulence, they only become more significant. This is especially true when it comes to post-imperial, multi-ethnic federalism, the level of governance of which must be significantly higher than that of ordinary bourgeois federalism. The author aims to demonstrate the peculiarities of federal construction on distant borders in the context of the intersection of competing national ambitions, which the young Soviet government attempted to pacify by implementing an optimal national-territorial demarcation. *Materials and methods.* The article was prepared on the basis of monographs and articles on the development of Central Asia from the second half of the 19th century to the mid-1920s inclusive. Statistical material and comparative political science method were used. *Results.* The Central Asian region was the latest to be included into the Russian Empire. Its territorial and administrative basis was the Turkestan region and two protectorates – the Bukhara Emirate and the Khiva Khanate. The local Russian administration did not force the resettlement of peasants from Central Russia; it occurred naturally due to famine and land shortages in the inhabited territories of the empire. The fall of the autocracy and the Provisional Government contributed to nationalist unrest, which was partially neutralized with the liquidation of the Kokand autonomy in February 1918, but the Soviet government achieved a key victory only with the lifting of the blockade in January 1919. At the same time, the Basmachi movement was a serious destabilizing factor. In 1920, the Muslim authoritarian monarchies in Khiva and Bukhara were successfully overthrown, transforming them into people's republics and then socialist republics within the RSFSR. The formation of the Basmachi in 1922 prompted a shift to streamlining the national-territorial structure in 1924–1925 along the lines outlined by V.I. Lenin as early as July 1920. At the same time, they had to overcome the local national communists. One of the most active among them was T. Ryskulov, who dreamed of creating a purely Turkic communist party and army in Turkestan. *Conclusions.* The national-territorial demarcation carried out in 1924–1925 primarily envisaged the abolition of the Turkestan ASSR, Bukhara and Khiva as pseudo-state entities and the organization of two new union republics – the Turkmen SSR and the Uzbek SSR – with the purpose of overcoming the danger of pan-Turkism and pan-Sylvanism. The Bolsheviks were in no hurry to raise the status of other republics to the level of union republics (the Tajik ASSR, the Kara-Kirghiz Autonomous Region), which was completely fair given the existing socio-economic and cultural backwardness and nationalistic prejudices.

Keywords: formation of the USSR, Turkestan region, Turkestan ASSR, Sovietization of the Bukhara Emirate, Sovietization of Khiva, formation of the Turkmen SSR, formation of the Uzbek SSR, national-territorial demarcation in Central Asia in 1924–1925

For citation: Akzhigitov R.R. Features of the federative integration of Central Asia, 1918–1925. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(2):92–106. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-8

Регион Средней Азии оказался наиболее поздним в плане его включения в состав Российской империи. Образованное в 1867 г. Туркестанское генерал-губернаторство первоначально включало в себя две области – Сырдарьинскую с центром в Ташкенте и Семиречинскую со столицей в г. Верном, однако в дальнейшем к нему также присоединились Самаркандская, Ферганская и Закаспийская области.

Управление краем находилось под непосредственным началом Главного штаба, а не Министерства внутренних дел, как в остальных российских губерниях. Правда, здесь были сохранены традиционные учреждения, существовавшие у коренного населения, а власть генерал-губернатора была несколько ограничена – органы государственного контроля и суда были ему неподконтрольны [1].

Под фактическим российским контролем с 1873 г. находились формально автономные Бухарский эмират и Хивинское ханство. Территория русского Туркестана граничила с севера и северо-востока с областью и Степным краем (с 1881 г.), в который была передана Семиреченская область и в который входили Уральская, Тургайская, Акмолинская области, находившиеся на территории современного Казахстана, а также России и Кыргызстана [2].

Местная российская администрация, как правило, не форсировала переселение крестьян из Центральной России – оно происходило преимущественно самовольно из-за голода и малоземелья, так что согласно переписи 1897 г. русские составляли 700 тыс. человек из 8 млн общего населения (без учета Уральской области и Букеевской орды).

Этнический состав коренных жителей оказался особо сильно фрагментирован. По крайней мере считают нужным говорить об этнических группах кипчаков, карлуков, каракитаев, локайцев, галча, калмыков, арабов, уйгуров, «припамирских народностей» [3, с. 7, 13].

После октябрьских событий 1917 г. в Петрограде советская власть начала свое распространение с Ташкента, где местный Совет одержал победу над сторонниками Временного правительства в конце октября 1917 г. Однако территориально-административная институционализация Советского Туркестана в составе РСФСР происходит 30 апреля 1918 г., а в октябре 1918 г. принимается Конституция. До этого местным большевистским силам с санкций и с помощью Москвы пришлось подавить в феврале 1918 г. весьма опасное, но не окрепшее государственное образование – Кокандскую автономию, созданную 27 ноября 1917 г. мусульманскими традиционалистами и реформаторами.

Она отказывалась признавать верховенство Москвы, на роль выразителя интересов всех местных народов – узбеков, казахов, киргизов, таджиков, русских – отводя в будущем парламенте для депутатов немусульман треть мест [4].

Молодая партийная организация, практически не включавшая в себя представителей местного мусульманского населения, не была готова признать право мусульманского большинства на самоуправление [5]. При этом в партийную организацию кроме местных русских рабочих-железнодорожников входили явно чуждые элементы – «коммунист-батюшка, русский полицейский и семиреченский кулак, который еще до сих пор держит десятки батраков, имеет сотни голов скота и охотится на киргизов, как на дичь» [6, с. 226].

Отрезанный от Европейской России фронтами Гражданской войны (вплоть до 7 января 1919 г.), Советский Туркестан был в известной мере предоставлен сам себе. Его руководство долгое время исходило из догматического предположения, что «включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых ориентаций...» [7].

Однако Москва, первоначально исходя из сложного внутривнутриполитического положения, в 1918 г. была склонна проводить промусульманскую политику, а сама «Советская автономия Туркестана стала первым национальным административным образованием РСФСР». Она сильно отличалась от созданных позднее автономных республик по характеру своих отношений с центральной властью. «Это был такой вид федерации, который являлся промежуточной стадией между федерацией, основанной на советской областной автономии, и федерацией, основанной на договорных отношениях с независимыми республиками». При этом в Туркестане «отсутствовала абсолютная однородность национального состава населения; не было и компактного большинства населения одной национальности» [8, с. 46].

Закономерно, что по мере развертывания Гражданской войны среди советского руководства Туркестана со временем укрепляли позиции и национал-коммунисты типа Турара Рыскулова (1894–1938) – председателя Мусульманского бюро Туркестанской компартии (1919), председателя ЦИК Туркестанской АССР (1920), заместитель наркомнаца РСФСР (1921–1922), председатель СНК Туркестанской АССР (октябрь 1922–1924).

Рыскулов – фактический сторонник единства тюркских народов – выдвинул явно немарксистскую концепцию о главном противоречии на Востоке между местным населением и европейским капиталом. По его мнению, колониальная эксплуатация осуществлялась по национальному, а не классовому признаку. На практике это означало ограничение прав российских переселенцев, что и было продемонстрировано на Пятом съезде Компартии Туркестана, когда Туркестан был провозглашен национальной республикой коренного населения [9].

До поры до времени у большевиков не было сил, чтобы ликвидировать два протектората, доставшихся от царского режима, – Хиванское ханство и Бухарский эмират, ставшие после октября 1917 г. формально независимыми. В отличие от призрачной, не успевшей обзавестись своим государственным аппаратом Кокандской автономии, завершившей свой трехмесячный путь 22 февраля 1918 г., у бывших двух протекторатов была необходимая легитимность и свои вооруженные силы. Авантюристичность псевдореволюционного наскока показал провалившийся поход председателя Совнаркома Советского Туркестана Ф. И. Колесова в марте 19018 г., когда против плоховооруженного отряда выступили в своей массе все жители Бухары, а не только войска эмира [10].

Хивинский и Бухарский походы, не обошедшиеся без многочисленных жертв и мародерства, во многом спровоцировали басмаческое движение [11, с. 89–91]. Оно возникает с конца 1918 г. с центром в Ферганской долине, максимально социально пригодной для антисоветских выступлений по причине богатства и высокой плотности местных эксплуататоров. Впрочем, следует понимать, что в басмаческом движении принимали участие не столько старые элиты, сколько новые местные лидеры, вставшие во главе масс, возмущенных пренебрежительным отношением советской власти к местным обычаям, религии, налоговыми тяготами и насильственными изъятиями продуктов и материальных средств. «На смену влиятельным муфтиям и политикам пришли предводители низовых движений... В свою очередь представители местной буржуазии и прочих “эксплуататорских классов”, ранее выступившие на стороне Российской империи, превратились в защитников Советской власти» [12, с. 113].

Советская власть с лета 1918 г. испытала болезненное поражение и в Туркменистане. В ходе Асхабадского восстания 11–12 мая 1918 г., спровоцированного мобилизационными мероприятиями большевиков, против них выступают местные зажиточные рабочие – железнодорожники, ориентированные на правых эсеров и меньшевиков. К восстанию также примкнули кадеты, дашнаки, туркменские племенные лидеры, офицеры туркменских конных частей [13]. Вскоре, 19 августа 1918 г., временное правительство заключило соглашение с главой военной миссии в Мешхеде (Ирана) генерал-майором У. Маллесоном, отдав за военную помощь англичан богатства и коммуникации местного края (английские «доброжелатели» вывозили нефть, хлопок, шерсть, ковры, продовольствие, заводское оборудование, пользовались Каспийским флотом, Красноводским портом, Закаспийской железной дорогой). Планировалось концентрическое наступление на Советский Туркестан с разных сторон – белых казахов со стороны Актюбинска, Джунаид-Хана из Хивы, войск бухарского эмира, белоказачков Семиречья, басмачей Ферганы, что должно было быть дополнено местными мятежами [14]. Однако антисоветским планам не суждено было сбыться: английские войска покинули Туркменистан к 1 апреля 1919 г. (порт Красноводска – в августе 1919 г.). Асхабад был освобожден Красной армией 9 июля 1919 г., а Красноводск – 6 февраля 1920 г. (карта 1).

Карта 1. Территория Закаспийской области, контролировавшаяся
Временным Закаспийским правительством

Коренной перелом в Средней Азии, как и во всей стране, наступил в 1920 г. И именно в это время советская власть решилась на ликвидацию двух инородных структур внутри своих границ – Хивинского ханства и Бухарского эмирата. При этом следовало учитывать малочисленность обеих местных компартий: 600 человек в Хиве и 900 человек в Бухаре. В результате военного вмешательства хивинский хан 2 февраля 1920 г. отрекся от престола, а 26 апреля 1920 г. была провозглашена Хорезмская Народная Советская Республика в составе РСФСР. Бухарскому эмиру ультиматум (введение в оборот советских денег, размещение советских войск, поддержание в рабочем состоянии стратегически важной железной дороги) был предъявлен 30 марта 1920 г., а 2 сентября 1920 г. ввиду отказа эмира от сотрудничества Бухара была занята Красной армией и 6 октября 1920 г. была провозглашена Бухарская Народная Советская Республика.

Параллельно с этим Москва прилагала усилия по оптимизации управления Туркестаном. Еще в октябре 1919 г. была создана Комиссия по делам Туркестана в составе Ш. З. Элиавы (председатель), В. В. Куйбышева, Я. Э. Рудзуртака, М. В. Фрунзе, Ф. И. Голощекина, Г. И. Боккого, которая приехала в Ташкент в ноябре 1919 г. Однако здесь она обнаружила разброд и шатания. «Коммунистическая партия Туркестана (КПТ) включала в себя три структуры, слабо взаимодействующие друг с другом: Крайком РКП(б), крайком иностранных коммунистов и краевое бюро мусульманских партийных

организаций (Мусбюро)». Причем последняя структура, в которой лидировал национал-коммунист Т. Рыскулов, выступала с агрессивной критикой первой с неизменным рефреном: «Нам необходимо создать единую коммунистическую партию, состоящую в большинстве из местного населения» [15, с. 44].

Рыскулов в своих националистических планах (включая присвоение единой организации местных коммунистов наименования Коммунистической партии тюркских народов Туркестана, комплектования Красной армии только из местного населения) получил поддержку членов Туркомиссии Ш. Элиавы и В. В. Куйбышева, но вызвал отпор со стороны других членов комиссии, в первую очередь М. В. Фрунзе – председателя Реввоенсовета Туркфронта. Поездка в Москву Рыскулова и его коллег и встреча с В. И. Лениным 25 мая 1920 г. мало что дала. Рыскулов благоразумно снял предложение об указании на тюркскую идентичность местной реформируемой компартии, но упорствовал в идее формирования национальных армейских частей. Его требование «направить в Туркестан сформированные из татар и башкир части Красной Армии, а также мусульманских военных и политических работников свидетельствовало о стремлении Рыскулова организовать власть в республике на национальной основе» [15, с. 46]. В конце концов на заседании Политбюро ЦК РКП(б) был принят формальный компромисс. Для преодоления трений между пришлым европейским и местным населением предлагалось осуществить передел земли и оставить русским переселенцам участки только в размере трудового надела, а также «откомандировать в распоряжение ЦК всех туркестанских коммунистов, зараженных колонизаторством и великорусским национализмом» [16, с. 433].

Для обеспечения реинтеграции страны, находившейся в состоянии хаоса в годы Гражданской войны, IX съезд большевистской партии принимает решение о создании областных бюро там, где существуют областные хозяйственные органы (экономсоветы и т.д.), или в районах, значительно удаленных от центра [17]. В соответствии с ним организуются Кавказское, Киргизское (Казахское), Юго-Восточное, Туркестанское бюро-предшественник Среднеазиатского бюро. Вместе с тем, в отличие от других бюро (за исключением Киргизского), «сфера руководства Туркбюро ограничивалась одной республикой – Туркестанской АССР и, соответственно, одной партийной организацией – Компартией Туркестана, имевшей свой Центральный Комитет» [18, с. 10].

В начале 1922 г. компартии Бухары и Хорезма были приняты в состав РКП(б) на правах областных организаций, но с сохранением своих уставов, в отдельных чертах отличавшихся от Устава РКП(б). А 1 февраля 1922 г. Туркбюро было реорганизовано в Среднеазиатское бюро – в его состав были введены по одному представителю от компартий Бухары и Хорезма [18, с. 12–13]. В свою очередь **преобразование двух народных республик – Хорезмской в 1923 г. и Бухарской в 1924 г.** – в социалистические открыли путь к территориальному размежеванию в Средней Азии. Иными словами,

стояла задача переформатировать границы, а возможно и статус четырех субъектов, входящих в РСФСР.

В. И. Ленин поставил задачу размежевания еще в июле 1920 г., предложив составить этнографическую карту и продумав вопрос о выделении Узбекии, Киргизии и Туркмении. 31 января 1924 г. Оргбюро ЦК РКП(б) поручило председателю Средбюро Я. Э. Рудзутаку изучить вопрос во время его поездки в Ташкент. В январе-феврале ЦК Бухарской компартии разработал тезисы о размежевании и создании Узбекской республики. Затем этот же вопрос был рассмотрен на партийном совещании в Туркестане в марте 1924 г. Карклин признавался: «Мы нарочно этот вопрос не ставили в Среднеазиатском бюро, не обсуждали его раньше, чем он будет решен в соответствующих республиках...» [19, с. 96]. Между тем в партийных кругах были и противники размежевания: его не поддержали С. Ходжанов и С. Асфендиаров, а также К. Атабаев, которые предлагали создать Туркестанскую федерацию в составе РСФСР. «Среднеазиатское государственное образование должно состоять из трех или пяти национальных автономных областей по количеству основных этносов края» [20].

Было и несогласие с конкретными способами разграничения. Например, выходец из армяно-польской семьи архитектора, известный критик «колониаторской политики царизма в Средней Азии», издававшийся над ее русскими жителями, член Туркбюро Г. И. Сафаров полагал, что изъятие в пользу Киргизской АССР (т.е. Казахской АССР) Сыр-Дарьинской и Семиречинской областей – это серьезная экономическая ошибка [21].

На определенном этапе вопрос о Хорезме оказался под сомнением – Средазбюро отказалось включать его в схему размежевания. С 28 апреля по 11 мая работала специальная комиссия, и ее предложения были обсуждены на Средазбюро. Была образована специальная комиссия, а само историческое Постановление ЦК РКП(б) «О национальном размежевании республик Средней Азии» вышло 12 июня 1924 г.

Следует согласиться с тем, что национально-территориальное размежевание было проведено руководством большевиков по двум причинам. Во-первых, во имя борьбы с пантюркизмом и исламизмом, что было особенно актуально в свете вопиющего по степени своего вероломства поступка бывшего военного министра младотурецкого правительства Энвер-Паши. Он прибыл в Бухару осенью 1921 г. по приглашению В. И. Ленина, чтобы содействовать переходу бухарской мусульманской элиты на сторону советской власти, но в конечном счете возглавил силы басмачей. Причем тогда предателями стали и несколько министров советского правительства Бухары. Во-вторых, размежевание было призвано теснее интегрировать в состав СССР бывшее Хиванское ханство и Бухарский эмират, окончательно упразднив их [22].

Сложнейший вопрос территориально-административного строительства был решен прежде всего путем создания двух новых союзных республик – **Туркменской ССР** и **Узбекской ССР** (карта 2). Туркмены еще в 1921 г. ста-

ли обращаться с петициями о создании национального образования, и 7 августа 1921 г. Закаспийская область была переименована в Туркменскую область Туркестанской АССР в составе 4 уездов (население примерно 4000 тыс. человек). 27 октября 1924 г. была образована Туркменская Социалистическая Советская Республика из Туркменской области и небольших частей бывшей Бухарской НСР и Хорезмской ССР (преемницы Хорезмской Народной Советской Республики).

Карта 2. Национально-государственное разграничение республик Средней Азии (1924–1925)

Однако центральным событием в размежевании оказалось образование Узбекской ССР, что стало компромиссом между большевиками и местной элитой, джадидами [23]. «Узбекистан для бывших джадидов представлял собой возможность реализовывать проект, близкий к “Тюркской республике”, своего рода “Малый Тюркестан”... большевикам же в свою очередь было важно решить задачу ухода общетюркских мотивов на второй план» [24, с. 208].

В состав Узбекской Советской Социалистической Республики вошли большая часть Бухарской ССР, Хорезмской ССР, а также Самаркандская область, большая часть Ферганской области и Ташкентский уезд Сырдарьинской области (все это до размежевания относилось к Туркестанской АССР). К Узбекской АССР 2 января 1925 г. был присоединен высокогорный Бадахшанский округ Ферганской области в качестве Автономной области Горного Бадахшана.

Наконец, использовалась и мечта киргизской (кара-киргизской) интеллигенции о формировании собственной национальной территориальной единицы. Еще в марте 1922 г. Юсуп Аббрахманов, Эшенали Арабаев иницииро-

вали предложение выделить уезды с киргизским населением в Горную Киргизскую область. Соответствующие решения состоялись в секретариате ЦК Компартии Туркестана и в малом Президиуме ЦК Туркестанской АССР, но дальше ввиду начавшихся родоплеменных разногласий Москва в декабре 1922 г. аннулировала все принятые документы, обвинив начинателей дела в буржуазном национализме [25]. Впрочем, в пакетном решении октября 1924 г. Кара-Киргизская автономная область в составе РСФСР была создана (с 25 мая 1925 г. она стала называться Киргизской автономной областью), а 15 апреля 1927 г. она повысила свой территориально-административный статус и стала называться Киргизской АССР. Таким образом, она как бы встала на один уровень с соседней и более крупной Казахской АССР.

Современные авторы, прежде всего из Средней Азии, обвиняют большевиков в сознательных и бессознательных ошибках при проведении размежевания. А. Дашев, например, считает, что это была политика «разделяй и властвуй» [26, с. 77]. К. А. Адымбеков предполагает, что это были ошибки [27, с. 111]. М. Е. Шушкова обвиняет большевиков в экспериментаторстве, от которого якобы больше всех пострадали таджики [28, с. 515]. Р. Масов также бросает упрек советским лидерам в некомпетентности [29, с. 3]. На самом деле, принимая во внимание сложившуюся внутривнутриполитическую и внешнеполитическую обстановку, следует признать, что большевистское руководство пошло к размежеванию со всей тщательностью и масштабностью.

Всесоюзная перепись 1926 г. в целом показала оптимальность проведенных преобразований. «С возникновением в 1924 г. Узбекской ССР подавляющее большинство узбеков оказалось сконцентрированным в ее пределах» – «из 3904 тыс. узбеков в Узбекской ССР (вместе с Таджикской АССР) проживало 3475 тыс. Значительная масса узбеков жила в тех районах Туркестана и Хорезме, которые затем вошли в состав Казахстана (213 тыс.), Киргизии (109 тыс.), Каракалпакии (84 тыс.), Туркменистана (около 105 тыс.)». Та же самая ситуация была и с туркменами: подавляющее их число – 719 тыс. – обитало в пределах Туркменской ССР. Их также можно было найти в Узбекской ССР (25 тыс.), Каракалпакской автономии (10 тыс.).

«Киргизы в 1920–1921 гг. были сосредоточены почти исключительно в рамках Туркестанской АССР. <...> Киргизская автономия, возникшая в 1924 г., объединила в своих пределах подавляющее большинство киргизов – 661 тыс. из 751 тыс. по переписи 1926 г. В Узбекистане и Таджикистане в 1926 г. было 90 тыс. киргизов». То же самое можно сказать и о таджиках. «После создания в 1924 г. Таджикской АССР основная масса (617 тыс.) таджиков оказалась в составе своей автономии. Около 3000 тыс. таджиков жило в пределах собственно Узбекистана, включая Хадженский округ...» [30, с. 179–181].

Подведем итоги. Национальное размежевание в Средней Азии проходило с учетом многоэтнической структуры огромного региона, где предшествующее развитие не выявило безусловного лидера среди этносов. Более

того, сами этносы еще не достигли должной зрелости в своем развитии, что позволило большевикам с известной уверенностью перестроить эти этносы (например, сарты были поглощены узбеками). В то же время существовала реальная опасность пантюркизма и панисламизма, т.е. объединения в рамках «великой тюркской идеи» и ислама.

Поэтому, во-первых, большевики совершенно справедливо отказались от идеи региональной федерализации, как это имело место в Закавказье. Отказались они и от сплошного повышения статуса местных территориально-административных единиц до союзных республик. Во-вторых, большевики, видимо, не торопились резко усложнять территориальную архитектуру СССР (т.е. значительно увеличивать число их субъектов). В-третьих, этот высокий статус еще и надо было заслужить. Туркестан мог рассматриваться как огромный пустынный, стратегически важный пограничный регион. Узбекистан занимал ключевое положение среди всех среднеазиатских территорий, помогая упразднить Бухарскую и Хивинскую «полугосударственности». Другие территории должны были доказать свою функциональную полезность, на что требовалось время.

Список литературы

1. Система административного управления Туркестана // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Система_административного_управления_Туркестаном (дата обращения: 14.02.2025).
2. Степное генерал-губернаторство // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Степное_генерал-губернаторство (дата обращения: 14.02.2025).
3. Абашин С. Национализмы в Средней Азии в поисках идентичности : монография / Российская академия наук ; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. СПб. : Алетей, 2007. 302 с.
4. Туркестанская автономия // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Туркестанская_Автономная_Социалистическая_Советская_Республика (дата обращения: 17.02.2025).
5. Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М. : Звенья, 2007. 446 с.
6. Карр Э. История Советской России : в 14 т. Т. 1–2. Большевицкая революция. 1917–1923. М. : Прогресс, 1990. 763 с.
7. Бочкарева И. Б. Вопрос о власти в Туркестане накануне и после Октябрьской революции // Социальные, культурные исследования и безопасность. 2019. № 3. С. 193–202.
8. Размахов К. Е. Создание Советской автономии в Туркестане в 1917–1918 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 9. С. 42–46.
9. Рыскулов Турар Рыскулович // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рыскулов,_Турар_Рыскулович (дата обращения: 16.02.2025).
10. Колесовский поход // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Колесовский_поход (дата обращения: 15.02.2025).
11. Бармин В. А. О некоторых причинах возникновения басмаческого движения в Туркестане в 1918–1923 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 88–92.

12. Бляхер Л. Е., Ярушин И. Ф. Кто такие басмачи? Советское мифотворчество и стигматизация Гражданской войны в Средней Азии // Полития. 2026. № 2. С. 109–123.
13. Асхабадское восстание (1918) // Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Асхабадское_восстание_\(1918\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Асхабадское_восстание_(1918)) (дата обращения: 17.02.2025).
14. Британская интервенция в Средней Азии // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Британская_интервенция_в_Средней_Азии (дата обращения: 15.02.2025).
15. Бочкарева И. Б. Туркестанская комиссия ВЦИК и национальный вопрос в ТуркАССР (1920 г.) // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3. С. 43–47.
16. Ленин В. И. Замечания на проекте решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 41. Май – ноябрь 1920. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1981. С. 433–436.
17. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988) : в 15 т. Т. 1: 1898–1917 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., испр. и доп. М. : Политиздат, 1983. 638 с.
18. Андерсон М. Ф. Из истории партийного строительства в Средней Азии. Душанбе : Ирфон, 1966. 222 с.
19. Назаров С. А. Из истории деятельности Средазбюро ЦК РКП(б) (1922–1924 гг.). Ташкент : Узбекистан, 1965. 118 с.
20. Алибек С. С. «Вторая революция в Средней Азии»: присоединение Сыр-Дарьинской и Семиречинской областей к Казахской АССР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 1. С. 106–108.
21. Сафаров Г. К. К вопросу о присоединении Сыр-Дарьинской и Семиречинской областей к Киргизской Республике // Жизнь национальностей. 1922. 19 мая.
22. Бочкарева И. Б. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г.: причины и влияние на этнополитические процессы в регионе // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2019. № 2. С. 22–26.
23. Абашин С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности : монография / Российская акад. наук ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. СПб. : Алетей, 2007. 302 с.
24. Абашин С. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии («проблема сартов» в XXI в.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07. М., 2008. 355 с.
25. Киргизская автономная область // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Киргизская_автономная_область (дата обращения: 18.02.2025).
26. Дашев А. Национально-территориальное разграничение в советской Средней Азии // Туран-нале. 2021. № 1. URL: https://www.academia.edu/49681985/TURAN_NAME_T%D0%A3%D0%A0%D0%90%D0%9D_%D0%9D%D0%90%D0%9C%D0%95_%D0%A2%D3%AE%D0%A0%D0%9E%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%9C%D0%90_1_2021
27. Адымбеков К. Национально-территориальное размежевание среднеазиатских республик: проблемы и специфика (1920–1924 гг.) // Вестник Исык-Кульского университета. 2002. № 7. С. 107–112.
28. Шушкова М. Е. Национально-территориальное размежевание Средней Азии: взгляд историков Таджикистана на проблему // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы

и механизмы реализации : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 515–521.

29. Масов Р. М. История топорного разделения. Душанбе : Ирфон, 1911. 189 с.

30. Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население / АН СССР, Отд-ние истории ; Ин-т истории СССР. М. : Наука, 1986. 270 с.

References

1. The administrative system of Turkestan. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Sistema_administrativnogo_upravleniya_Turkestanom (accessed 14.02.2025).
2. Steppe Governorate-General. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Stepnoe_general-gubernatorstvo (accessed 14.02.2025).
3. Abashin S. *Natsionalizmy v Sredney Azii v poiskakh identichnosti: monografiya = Nationalism in Central Asia in Search of Identity: A Monograph*. Saint Petersburg: Al-eteya, 2007:302. (In Russ.)
4. Turkestan Autonomy. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Turkestanskaya_Avtonomnaya_Sotsialisticheskaya_Sovetskaya_Respublika (accessed 17.02.2025).
5. Buttino M. *Revolutsiya naoborot. Srednyaya Aziya mezhdurazdnyimi tsarskoy imperii i obrazovaniem SSSR = Revolution in reverse: Central Asia between the fall of the Tsarist Empire and the formation of the USSR*. Moscow: Zven'ya, 2007:446. (In Russ.)
6. Karr E. *Istoriya Sovetskoy Rossii: v 14 t. T. 1–2. Bol'shevistskaya revolyutsiya. 1917–1923 = History of Soviet Russia: in 14 volumes. Volume 1–2. Bolshevik Revolution. 1917–1923*. Moscow: Progress, 1990:763. (In Russ.)
7. Bochkareva I.B. The question of power in Turkestan before and after the October Revolution. *Sotsial'nye, kul'turnye issledovaniya i bezopasnost' = Social, cultural studies and security*. 2019;(3):193–202. (In Russ.)
8. Razmakhov K.E. Creation of Soviet autonomy in Turkestan in 1917–1918. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;(9):42–46. (In Russ.)
9. Ryskulov Turar Ryskulovich. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ryskulov,_Turar_Ryskulovich (accessed 16.02.2025).
10. Kolesov's campaign. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Kolesovskiy_pokhod (accessed 15.02.2025).
11. Barmin V.A. On some reasons for the emergence of the Basmachi movement in Turkestan in 1918–1923. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Bulletin of Tomsk State University. History*. 2018;(53):88–92. (In Russ.)
12. Blyakher L.E., Yarushin I.F. Who were the Basmachi? Soviet Mythmaking and Stigmatization of the Civil War in Central Asia. *Politiya = Police*. 2026;(2):109–123. (In Russ.)
13. Askhabad Uprising (1918). *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Askhabadskoe_vosstanie_\(1918\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Askhabadskoe_vosstanie_(1918)) (accessed 17.02.2025).
14. British intervention in Central Asia. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Britanskaya_interventsiya_v_Sredney_Azii (accessed 15.02.2025).
15. Bochkareva I.B. The Turkestan Commission of the All-Russian Central Executive Committee and the national question in the TurkASSR (1920). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Altay State University*. 2016;(3):43–47. (In Russ.)

16. Lenin V.I. Comments on the draft resolution of the Central Committee on the tasks of the RCP(V) in Turkestan. *Polnoe sobranie sochineniy*: v 55 t. T. 41. May – noyabr' 1920. 5-e izd. = *Complete set of works: in 55 volumes. Volume 41. May – November 1920. The 5th edition*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1981:433–436. (In Russ.)
17. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1988)*: v 15 t. T. 1: 1898–1917 = *The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee (1898–1988): in 15 volumes. Volume 1: 1898–1917*. 9th edition, revised and expanded. Moscow: Politizdat, 1983:638. (In Russ.)
18. Anderson M.F. *Iz istorii partiynogo stroitel'stva v Sredney Azii* = *From the history of party building in Central Asia*. Dushanbe: Irfon, 1966:222. (In Russ.)
19. Nazarov S.A. *Iz istorii deyatel'nosti Sredazbyuro TsK RKP(b) (1922–1924 gg.)* = *From the history of the activities of the Central Asian Bureau of the Central Committee of the RCP(V) (1922–1924)*. Tashkent: Uzbekistan, 1965:118. (In Russ.)
20. Alibek S.S. The Second Revolution in Central Asia: the annexation of the Syr Darya and Semirechye regions to the Kazakh ASSR. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* = *Bulletin of RUDN. Series: Russian history*. 2008;(1):106–108. (In Russ.)
21. Safarov G.K. On the issue of annexing the Syr Darya and Semirechye regions to the Kirov Republic. *Zhizn' natsional'nostey* = *Life of nationalities*. 1922;May 19. (In Russ.)
22. Bochkareva I.B. National-territorial demarcation in Central Asia in 1924: causes and impact on ethno-political processes in the region. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya*. = *Proceedings of Altay State University. Historical sciences and archeology*. 2019;(2):22–26. (In Russ.)
23. Abashin S. *Natsionalizmy v Sredney Azii: v poiskakh identichnosti: monografiya* = *Nationalism in Central Asia: In Search of Identity: A Monograph*. Saint Petersburg: Al-eteya, 2007:302. (In Russ.)
24. Abashin S. *Ethnographic knowledge and nation-building in Central Asia (the “Sart problem” in the 21st century)*: DSc dissertation. Moscow, 2008:355. (In Russ.)
25. Kyrgyz Autonomous Region. *Wikipedia*. (In Russ.). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Kirgizskaya_avtonomnaya_oblast' (accessed 18.02.2025).
26. Dashev A. National-territorial demarcation in Soviet Central Asia. *Turan-nale*. 2021;(1). (In Russ.). Available at: https://www.academia.edu/49681985/TURAN_NAME_T%D0%A3%D0%A0%D0%90%D0%9D_%D0%9D%D0%90%D0%9C%D0%95_%D0%A2%D3%AE%D0%A0%D0%9E%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%9C%D0%90_1_2021
27. Adymbekov K. National-territorial delimitation of the Central Asian republics: problems and specifics (1920–1924). *Vestnik Issyk-Kul'skogo universiteta* = *Bulletin of Issyk-Kul University*. 2002;(7):107–112. (In Russ.)
28. Shushkova M.E. National-territorial delimitation of Central Asia: the view of Tajik historians on the problem. *Sovetskiy proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii: sb. nauch. tr.* = *The Soviet project. 1917–1930ss: stages and implementation mechanisms: collected papers*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018:515–521. (In Russ.)
29. Masov R.M. *Istoriya topornogo razdeleniya* = *The history of a clumsy division*. Dushanbe: Irfon, 1911:189. (In Russ.)

30. Polyakov Yu.A. *Sovetskaya strana posle okonchaniya grazhdanskoy voyny: territoriya i naselenie* = *The Soviet Union after the end of the civil war: territory and population*. Moscow: Nauka, 1986:270. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ринат Рязиитович Акжигитов

аспирант, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: makwwwin@yandex.ru

Rinat R. Akzhigitov

Postgraduate student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 27.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.03.2025

Принята к публикации / Accepted 27.04.2025

УДК 343.97

doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-9

Особенности механизма преступного поведения при совершении незаконной рубки лесных насаждений

А. В. Яшин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Пензе, Пенза, Россия

andrej.yaschin@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Ответственность за незаконную рубку лесных насаждений предусмотрена ст. 260 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данные общественно опасные деяния занимают существенное место в структуре экологической преступности и подрывают основы природопользования в Российской Федерации. В связи с этим исследование механизма преступного поведения при совершении незаконной рубки лесных насаждений актуально как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Цель работы – провести анализ этапов возникновения и развития преступной деятельности лиц, совершающих рассматриваемые преступления. *Материалы и методы.* Использовались научные труды по исследуемым вопросам, материалы судебной практики и данные официальной статистики. Методологической основой послужил всеобщий диалектический метод познания. Кроме того, были реализованы методы: системно-структурный, анализа и синтеза, дедукции и индукции, статистического анализа, обобщения судебной практики и экспертных оценок. *Результаты.* Установлено, что механизм преступного поведения при совершении незаконной рубки лесных насаждений имеет свои особенности на всех его этапах: мотивации, принятия решения и планирования, совершения преступления и постпреступного поведения. *Выводы.* Правоохранительным органам необходимо учитывать обстоятельства подготовки к совершению незаконной рубки лесных насаждений и специфики реализации преступных намерений в целях разработки эффективных мер противодействия данным общественно опасным деяниям.

Ключевые слова: механизм преступного поведения, незаконная рубка лесных насаждений, личность преступника, конкретная жизненная ситуация, мотивация преступного поведения, принятие решения, совершение преступления, постпреступное поведение, служебное положение, соучастник преступления

Для цитирования: Яшин А. В. Особенности механизма преступного поведения при совершении незаконной рубки лесных насаждений // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2. С. 107–116. doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-9

Features of the mechanism of criminal behavior when committing illegal logging of forest stands

A.V. Yashin

Penza State University, Penza, Russia

Penza branch of Moscow Witte University, Penza, Russia

andrej.yaschin@yandex.ru

Abstract. *Background.* Responsibility for illegal logging of forest plantations is provided for by Article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation. These socially dangerous acts occupy a significant place in the structure of environmental crime and undermine the foundations of nature management in the Russian Federation. In this regard, the study of the mechanism of criminal behavior when committing illegal logging of forest plantations is relevant in both theoretical and applied aspects. The purpose of the work is to analyze the stages of the emergence and development of criminal activity of persons committing the crimes in question. *Materials and methods.* The article used scientific works on the issues under study, materials of judicial practice and official statistics data. The methodological basis was the general dialectical method of cognition. In addition, the following methods were implemented: system-structural, analysis and synthesis, deduction and induction, statistical analysis, generalization of judicial practice and expert assessments. *Results.* The study found that the mechanism of criminal behavior in the commission of illegal logging of forest stands has its own characteristics at all its stages: motivation, decision-making and planning, commission of the crime and post-criminal behavior. *Conclusion.* It is concluded that law enforcement agencies need to take into account the circumstances of preparation for the illegal logging of forest stands and the specifics of the implementation of criminal intent in order to develop effective measures to counter these socially dangerous acts.

Keywords: mechanism of criminal behavior, illegal logging, personality of the criminal, specific life situation, motivation of criminal behavior, decision-making, commission of a crime, post-criminal behavior, official position, accomplice to a crime

For citation: Yashin A.V. Features of the mechanism of criminal behavior when committing illegal logging of forest stands. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(2):107–116. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-9

Ответственность за преступления, связанные с рубкой лесных насаждений, предусмотрена ст. 260 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Указанные общественно опасные деяния занимают значительное место в структуре современной преступности.

Так, в 2020 г. в России было зарегистрировано 12 260 преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, их удельный вес в массиве экологических преступлений составил 54,1 %. В 2021 г. эти показатели составили соответственно 10 616 деяний (52,3 %), в 2022 г. – 9767 посягательств (51,2 %), в 2023 г. – 7864 (48,5 %) [1]. Таким образом, практически половину из всех зарегистрированных в стране экологических преступлений составляют деяния, связанные с рубкой лесных насаждений. Поэтому можно с уверенностью

говорить о том, что их статистические показатели во многом определяют состояние и уровень всей экологической преступности.

Обоснованную тревогу вызывает и тот факт, что во многих случаях такие общественно опасные деяния остаются нераскрытыми. В 2020 г. за их совершение правоохранительными органами было привлечено всего 4701 лицо, что составило 38,3 % от количества зарегистрированных преступлений. В 2021 г. число лиц, привлеченных за незаконную рубку лесных насаждений, составило 4472 (42,1 %), в 2022 г. – 4276 (43,8 %), в 2023 г. – 3463 (44,0 %) [1]. Следовательно, более половины лиц, совершающих преступления рассматриваемого вида, остаются безнаказанными, что повышает вероятность совершения ими повторных деяний.

Поскольку сущность данных преступлений заключается в неконтролируемом уничтожении деревьев и кустарников, такие деяния, бесспорно, подрывают экологическую безопасность Российской Федерации и причиняют существенный вред окружающей среде и экологии в целом. По этой причине исследование вопросов формирования механизма преступного поведения при совершении рассматриваемых противоправных посягательств представляется актуальным и практически значимым.

Незаконная рубка лесных насаждений характеризуется разнообразными способами противоправной заготовки и реализации древесины. Многие авторы к ним причисляют вырубку леса на особо охраняемых территориях, без специального разрешения (лицензии), сверх разрешенного размера и т.п. [2, с. 13]. Механизм такой преступной деятельности запускается особенностями личности, совершающей незаконную рубку лесных насаждений. Это объясняется тем, что свойства личности служат основой любого поведения, в том числе и противозаконного.

Как верно замечают А. Ф. Бунина и А. А. Хизриев, многим преступникам свойственны ригидное поведение во многих жизненных ситуациях и проблемы с самоконтролем [3, с. 195]. Данные факторы обуславливают и совершение преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений. С точки зрения большинства исследователей, личность преступника, совершающего незаконную рубку лесных насаждений, отличается низким уровнем экологической культуры, пренебрежением к окружающей среде, неуважительным отношением к обществу [4, с. 85].

Нельзя не отметить, что лица при заготовке древесины могут избрать вполне законные действия. Но, когда появляется возможность при этом нарушить закон, у отдельных индивидов возникает решимость осуществить свою деятельность противоправно. В такой ситуации личностью могут руководить различные мотивы, которые формируют первый этап механизма преступного поведения – противоправную мотивацию.

Справедливым видится мнение Б. Б. Бидовой и М. К. Алиева, которые полагают, что противоправное поведение, как правило, детерминируется не одним, а несколькими мотивами [5, с. 103]. Действительно, мотивация – это довольно сложный, глубокий и многосторонний процесс, включающий

в себя как внутренние (субъективные), так и внешние (объективные) факторы. При этом субъективные факторы обусловлены особенностями личности преступника, а объективные – конкретной жизненной ситуацией, в которой совершается общественно опасное деяние.

Представляется, что в качестве доминирующего внутреннего свойства личности, определяющего мотивацию преступного поведения при совершении незаконной рубки лесных насаждений, выступают корыстные побуждения. Это подтверждается примерами из судебной практики, где в обвинительных приговорах суды указывают на цель извлечения виновными материальной выгоды от рассматриваемых преступлений, которая как раз и достигается реализацией корыстных мотивов.

Так, 7 октября 2024 г. Пензенским районным судом Пензенской области за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ, к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком в 1 год 6 месяцев осужден гр-н А. В ходе судебного заседания установлено, что подсудимый А. 7 декабря 2023 г. с целью извлечения материальной выгоды попросил неосведомленных о его незаконной деятельности лиц спилить 15 сосен, произрастающих в лесозащитной полосе на участке местности вдоль автомобильной дороги Пензенского района Пензенской области, причинив тем самым учреждению, на балансе которых находились данные деревья, ущерб на общую сумму 53 363 руб.¹

С одной стороны, виновные, совершая незаконную рубку лесных насаждений, экономят свои личные денежные средства, которые они могли бы потратить на приобретение древесины. С другой стороны, они противоправно добывают лесоматериалы с последующей их реализацией в целях обогащения. И в том и в другом случаях преступниками движут корыстные мотивы, под которыми в юридической литературе понимается осознанное побуждение, направленное как на получение материальной выгоды, так и извлечение от материальных затрат [6, с. 168].

При незаконной рубке лесных насаждений виновные руководствуются и другими внутренними побуждениями. В качестве одного из распространенных мотивов могут выступать и земельные споры, которые заключаются в том, что лица, пытаясь доказать свои права на земельные участки, расположенные в лесной зоне, вырубая произрастающие на них деревья, не задумываясь об общественно опасных последствиях. Благоустройство участков, расположенных в лесных зонах, заключающееся в вырубке «лишних», с точки зрения собственников, деревьев, также побуждает виновных к совершению рассматриваемых преступлений.

Деяния, связанные с незаконной рубкой лесных насаждений, нередко мотивируются и отсутствием юридических знаний, поскольку не все лица

¹ Обвинительный приговор по уголовному делу № 1-128/2024 от 7 октября 2024 года // Официальный сайт Пензенского районного суда Пензенской области. URL: https://penzensky--pnz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=173138609&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.02.2025).

могут осознавать, что, вырубая деревья, произрастающие на тех или иных местностях, поступают незаконно. Особенно это касается тех лиц, которые выросли в среде, где подобная практика является нормой. В данном случае мотивация преступного поведения обусловлена не только субъективными факторами, но и объективными обстоятельствами в виде конкретной жизненной ситуации, в которой совершается общественно опасное деяние.

При совершении незаконной рубки лесных насаждений указанные мотивы могут суммироваться и взаимно укрепляться, что ускоряет процессы формирования противоправной мотивации и приводит к зарождению второго звена механизма преступного поведения – принятию решения о совершении преступления и его планированию.

Принимая решение о незаконной рубке лесных насаждений, виновные нередко просчитывают финансовую выгоду от своих деяний, одновременно оценивая альтернативу в виде оформления документов для легального заготовления древесины. Так, для осуществления законной деятельности по рубке лесных насаждений зачастую необходимо получение лицензии. Кроме того, требуется разработать и согласовать проекты заготовки древесины, получить на это согласие от органов управления лесным фондом, обеспечить соблюдение экологических норм и т.п.

Как справедливо отмечают Е. З. Сидорова и Е. Г. Усов, несмотря на то что заготовка древесины для собственных нужд требует меньшего количества разрешительных документов, чем ее масштабная заготовка специализированными предприятиями и организациями, для оформления документации все же необходимы определенные материальные и временные затраты [7, с. 138]. Пытаясь избежать этих процедур, отдельные лица принимают решение о вырубке деревьев и иных насаждений, указанных в диспозиции ст. 260 УК РФ, с нарушением действующего законодательства.

После того как виновный принял решение о совершении преступления, наступает время его планирования. На данном этапе лицо определяет цели, которые он желает достичь. Чаще всего в качестве преступного намерения выступает получение материальной выгоды от незаконной рубки лесных насаждений. Вследствие этого виновный собирает информацию о местности, где наиболее безопасно, с его точки зрения, производить вырубку, о беспрепятственной реализации древесины, приискивает необходимые материалы и инструменты для совершения преступления, заранее предусматривает возможность скрыться с места преступления и уничтожить следы своей деятельности. Нередко на стадии планирования происходит подбор соучастников преступления. При этом организатор незаконной рубки лесных насаждений, как правило, обладает управленческими способностями, позволяющими ему найти таких лиц, которые способны выполнять его незаконные поручения, и мотивировать их на совершение преступления [8, с. 436].

Следующим звеном механизма преступного поведения после принятия решения о совершении преступления и его планирования является совершение самого преступления. При этом следует отметить, что планирование деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ, относящегося к категории тяжких

преступлений, представляет собой приготовление к его совершению и уже само по себе является уголовно наказуемым.

К незаконной рубке многие авторы относят вырубку лесных насаждений, в частности, без оформления договоров аренды или купли-продажи лесных насаждений, решений о предоставлении лесных участков, проектов освоения лесов, получивших положительное заключение государственной или муниципальной экспертизы. Кроме того, данные деяния могут заключаться в заготовке древесины в объемах, превышающих отраженные в соответствующих договорах, либо с нарушением породного или возрастного состава и других противоправных действиях [9, с. 161]. Стоит подчеркнуть, что действия, квалифицируемые как незаконная рубка лесных насаждений, могут заключаться не только в осуществлении вырубки в ее буквальном значении, но иных деяниях, например в сжигании деревьев, кустарников и лиан, применении химических веществ, повреждении стволов растений тяжелой техникой и т.п. Это следует из диспозиции ч. 1 ст. 260 УК РФ, поскольку уголовная ответственность за данные преступления предусмотрена в том числе и за повреждение до степени прекращения роста вышеуказанных объектов.

В последние годы стали нередкими случаи совершения рубки лесных насаждений должностными лицами с использованием своего служебного положения. При этом виновные реализуют различные его формы, к наиболее распространенным из них можно отнести: использование своих полномочий для получения разрешений на рубку, которые на самом деле не должны быть выданы; использование подложных документов на рубку лесных насаждений; фальсификация отчетов о состоянии фонда лесных насаждений и др. Кроме того, должностные лица, используя свое служебное положение, могут давать поручения своим подчиненным на незаконную рубку деревьев и кустарников, уверяя их, что последние будут действовать в соответствии с законом.

К примеру, 16 февраля 2017 г. Кузнецким районным судом Пензенской области за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ, к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком в 2 года осужден гр-н К. В ходе судебного заседания установлено, что подсудимый К., являясь директором ООО «Чибирлейский леспромхоз», введя в заблуждение относительно своих преступных действий заместителя директора и рабочего данного учреждения, дал им указания осуществить рубку фактически незадекларированных 102 кубических метров деревьев породы «Сосна хвойная», обосновав свое указание наличием лесной декларации, разрешающей заготовить дополнительный объем древесины. Вследствие преступных действий подсудимого К. Государственному казенному учреждению Пензенской области «Кузнецкое лесничество» был причинен ущерб в особо крупном размере¹.

¹ Обвинительный приговор по уголовному делу № 1-36/17 от 16 февраля 2017 года // Официальный сайт Кузнецкого районного суда Пензенской области. URL: https://kuznetsky-pnz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20195385&dello_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.02.2025).

Следует также согласиться с мнением Е. Р. Наумовой, отмечающей, что должностные лица, использующие свое служебное положение, могут давать указания подчиненным о рубке лесных насаждений с учетом того, что последние осознают незаконность данных действий, но в силу влияния и авторитета своего руководителя не могут от них отказаться [10, с. 17]. Незаконная рубка лесных насаждений с участием лиц, использующих свое служебное положение, обладает повышенной степенью общественной опасности, поскольку такие деяния посягают не только на экологическую безопасность Российской Федерации, но и на отношения в сфере государственного контроля за лесной отраслью [11, с. 28].

На стадии постпреступного поведения лица, совершившие незаконную рубку лесных насаждений, как правило, скрываются с места происшествия и пытаются уничтожить следы своей преступной деятельности. Однако это не всегда удается, поскольку полностью укрыть следовую картину не представляется возможным в силу специфичности совершаемого общественно опасного деяния. Так, на месте рубки всегда остаются следы от орудий преступления на пнях и других фрагментах деревьев, нередко обнаруживаются следы транспортных средств, на которых перевозилась добытая древесина [12, с. 142].

Тем не менее лица, задержанные за совершение незаконной рубки лесных насаждений, раскаиваются в своей деятельности, признают вину, сотрудничают со следственными и судебными органами, оказывают помощь в представлении доказательств. Это подтверждается не только проведенными исследованиями, согласно которым в большинстве случаев в деянии лиц, совершивших незаконные рубки лесных насаждений, наличествуют указанные смягчающие обстоятельства [13, с. 41], но и многочисленными материалами судебной практики.

В частности, 15 декабря 2021 г. Zubovo-Полянским районным судом Республики Мордовия за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ, к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком в 1 год осужден гр-н К. В ходе судебного заседания установлено, что подсудимый К. 8 октября 2021 г. на принадлежащем ему автомобиле ГАЗ-53 прибыл в лесной массив Ширингушского участкового лесничества Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Зубовское территориальное лесничество», где привезенной с собой бензопилой спилил 10 сырорастущих деревьев породы «Осина», причинив лесничеству крупный ущерб на сумму 62 757 руб. Подсудимый К. вину в совершении преступления признал полностью, в содеянном раскаивается¹.

На основании изложенного следует констатировать, что механизм преступного поведения при совершении незаконной рубки лесных насаждений имеет свои особенности. Так, при доминировании корыстных побуждений

¹ Обвинительный приговор по уголовному делу № 1-163/2021 от 15 декабря 2021 г. // Официальный сайт Zubovo-Полянского районного суда Республики Мордовия. URL: https://zubovo-polyansky-mor.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=92964393&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.02.2025).

мотивация лиц, осуществляющих противоправные намерения, нередко обусловлена иными мотивами, в частности желанием облагородить земельные участки, кадастровыми спорами, пренебрежительным отношением к природопользованию. Этап принятия решения и планирования незаконной рубки лесных насаждений зачастую растянут по времени, поскольку лицам необходимо тщательно подготовиться к совершению данного деяния, собрать информацию о предполагаемом месте вырубki, приискать средства и орудия преступления, подобрать соучастников, предусмотреть возможность по сокрытию следов преступления. Осуществление преступного намерения нередко происходит с участием должностных лиц, использующих свое служебное положение, причем последние при этом дают поручения своим подчиненным на заготовку древесины, уверяя их, что последние будут действовать в соответствии с законом. Постпреступное поведение лиц, совершивших незаконную рубку лесных насаждений, носит негативный характер, поскольку виновные стремятся избежать уголовной ответственности и уничтожают следы преступной деятельности. Данные обстоятельства, безусловно, необходимо учитывать сотрудникам правоохранительных органов при разработке мер противодействия незаконной рубке лесных насаждений.

Список литературы

1. Статистика преступности // Официальный сайт Российской криминологической ассоциации имени Азалии Ивановны Долговой. URL: https://crimas.ru/?page_id=5050 (дата обращения: 10.02.2025).
2. Далгалы Т. А., Гостькова Д. Ж. Незаконная рубка лесных насаждений: криминологический анализ правоприменительной практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 21, № 1. С. 13–17.
3. Бунина А. Ф., Хизриев А. А. Личность преступника в контексте учения об индивидуальном преступном поведении // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9. С. 194–196.
4. Криворучкина Е. А. Сведения о личности вероятного преступника, совершающего незаконную рубку лесных насаждений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 2. С. 81–93.
5. Бидова Б. Б., Алиев М. К. Криминологические и уголовно-правовые аспекты анализа личности преступника // Право и государство: теория и практика. 2022. № 6. С. 101–104.
6. Попова М. А. Понятие и уголовно-правовое значение корыстного мотива преступления // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 164–170.
7. Сидорова Е. З., Усов Е. Г. О некоторых особенностях незаконной рубки лесных насаждений как вида уголовно наказуемого деяния // Вестник Пермского института ФСИН России. 2023. № 4. С. 133–139.
8. Бельков В. А. Личность организатора как составная часть криминалистической характеристики незаконной рубки лесных насаждений // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 1–2. С. 431–440.
9. Васильева Н. Ю. Отдельные аспекты незаконной рубки лесных насаждений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7. С. 160–162.

10. Наумова Е. Р. Особенности квалификации незаконной рубки лесных насаждений, совершенной лицом с использованием своего служебного положения // *Exlegis: правовые исследования*. 2024. № 3. С. 15–18.
11. Вишневский Д. О. Отдельные аспекты раскрытия и расследования преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2023. № 2. С. 26–34.
12. Гончарова С. В. Комплекс мер по раскрытию и расследованию незаконной рубки лесных насаждений на первоначальном этапе // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2020. Т. 1, № 3. С. 136–144.
13. Травина И. Г. Юридические (уголовно-правовые) признаки личности осужденного за совершение незаконной рубки лесных насаждений // *Право и общество*. 2020. № 1. С. 40–41.

References

1. Crime statistics. *Ofitsial'nyy sayt Rossiyskoy kriminologicheskoy assotsiatsii imeni Azalii Ivanovny Dolgovoy* = *Official website of the Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova*. (In Russ.). Available at: https://crimas.ru/?page_id=5050 (accessed 10.02.2025).
2. Dalgaly T.A., Gost'kova D.Zh. Illegal logging of forest stands: a criminological analysis of law enforcement practice. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* = *Bulletin of South Ural State University. Series: Law*. 2021;21(1):13–17. (In Russ.)
3. Bunina A.F., Khizriev A.A. The personality of the criminal in the context of the doctrine of individual criminal behavior. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = *Law and state: theory and practice*. 2020;(9):194–196. (In Russ.)
4. Krivoruchkina E.A. Information about the identity of the probable criminal committing illegal logging of forest stands. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra* = *Forensics: yesterday, today, tomorrow*. 2022;(2):81–93. (In Russ.)
5. Bidova B.B., Aliev M.K. Criminological and criminal-legal aspects of the analysis of the personality of a criminal. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = *Law and state: theory and practice*. 2022;(6):101–104. (In Russ.)
6. Popova M.A. The concept and criminal-legal significance of the mercenary motive of a crime. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii* = *Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*. 2022;(3):164–170. (In Russ.)
7. Sidorova E.Z., Usov E.G. On some features of illegal logging as a type of criminal offense. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii* = *Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*. 2023;(4):133–139. (In Russ.)
8. Bel'kov V.A. The identity of the organizer as an integral part of the forensic characteristics of illegal logging. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* = *Issues of Russian and international law*. 2020;10(1–2):431–440. (In Russ.)
9. Vasil'eva N.Yu. Certain aspects of illegal logging. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* = *Law and state: theory and practice*. 2024;(7):160–162. (In Russ.)
10. Naumova E.R. Peculiarities of the qualification of illegal logging of forest stands committed by a person using his official position. *Exlegis: pravovye issledovaniya* = *Exlegis: legal research*. 2024;(3):15–18. (In Russ.)
11. Vishnevskiy D.O. Certain aspects of the disclosure and investigation of the crime under Article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation “Illegal logging of forest

stands". *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow*. 2023;(2):26–34. (In Russ.)

12. Goncharova S.V. A set of measures to detect and investigate illegal logging of forest stands at the initial stage. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev*. 2020;1(3):136–144. (In Russ.)
13. Travina I.G. Legal (criminal-legal) characteristics of the personality of a person convicted of illegal logging. *Pravo i obshchestvo = Law and society*. 2020;(1):40–41. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Андрей Владимирович Яшин

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры правоохранительной
деятельности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40);
профессор кафедры юриспруденции,
филиал Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Пензе
(Россия, г. Пенза, ул. Вяземского, 25Б)

E-mail: andrej.yaschin@yandex.ru

Andrei V. Yashin

Doctor of juridical sciences, associate
professor, professor of the sub-department
of law enforcement, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia);
professor of the sub-department
of jurisprudence, Penza branch of Moscow
Witte University (25B Vyazemskogo street,
Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 12.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 04.04.2025

Принята к публикации / Accepted 23.04.2025

УДК 34

doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-10

**Использование информационных трансформаций
как одно из направлений совершенствования
прокурорского надзора за соблюдением прав лиц
с ограниченными возможностями здоровья**

Ю. В. Лаврова

Прокуратура Железнодорожного района г. Пензы, Пенза, Россия
Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

iulia.ilyuschina@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Информационная трансформация в условиях современных реалий является одним из средств прогрессивного развития общества и государства в целом. Учитывая, что большая часть реализации прав граждан, в том числе лиц с ограниченными возможностями здоровья, связана с выделением, использованием и освоением бюджетных средств, осуществляемых через проведение уполномоченными органами закупочных процедур, непосредственные отчисления выплат, развитие информационной составляющей и ее активное внедрение и использование в надзорной деятельности органов прокуратуры является одной из предпосылок оперативного выявления фактов ущемлений и нарушений прав социально незащищенных слоев населения и принятия актов прокурорского реагирования. Цель работы – выявить и раскрыть преимущества использования информационных систем и ресурсов в деятельности прокуроров, определить механизм, тактику и методику работы с ними при осуществлении надзора за соблюдением прав лиц с ограниченными возможностями здоровья. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач достигнута путем анализа преимуществ имеющихся информационных систем и механизмов работы с ними при осуществлении прокурором своей деятельности. В работе использовались общенаучные, специальные и частнонаучные методы получения научных знаний: логический, функциональный, социологический, статистический, формально-юридический, а также другие методы и приемы, способствовавшие достижению цели и решению задач исследования. *Результаты.* Изучены тенденции развития информационной трансформации и ее постепенного внедрения в работу органов прокуратуры, проанализированы основные современные информационные системы и информационные ресурсы и определены преимущества использования таких систем в надзорной деятельности прокурора, приведен основной механизм работы с данными системами при осуществлении надзора за соблюдением прав лиц с ограниченными возможностями здоровья. *Выводы.* Использование современных информационных систем является одним из основных и актуальных направлений прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод лиц с ограниченными возможностями здоровья. Данное направление деятельности позволит максимально оперативно осуществить мониторинг состояния законности в указанной сфере, в режиме онлайн выявить факты нарушения прав лиц с ограниченными возможностями здоровья, допущенные уполномоченными органами, либо принять превентивные меры. В этой связи внедрение данных механизмов является необходимым и обязательным при осуществлении прокурором надзорной деятельности.

Ключевые слова: прокурорский надзор, лица с ограниченными возможностями здоровья, инвалид, средства реабилитации, информационные системы, цифровизация

Для цитирования: Лаврова Ю. В. Использование информационных трансформаций как одно из направлений совершенствования прокурорского надзора за соблюдением прав лиц с ограниченными возможностями здоровья // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2. С. 117–126. doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-10

Using the information transformations as one of the directions for improving the prosecutor's supervision over the observance of the rights of persons with disabilities

Yu.V. Lavrova

Prosecutor's Office of the Zheleznodorozhny district of Penza, Penza, Russia

Penza State University, Penza, Russia

iulia.ilyuschina@yandex.ru

Abstract. *Background.* Information transformation in the conditions of modern realities is one of the means of progressive development of society and the state as a whole. Considering that most of the realization of the rights of citizens, including persons with disabilities, is associated with the allocation, use and development of budgetary funds carried out through procurement procedures by authorized bodies, the development of the information component and its active implementation and use in the supervisory activities of the prosecutor's office is one of the prerequisites for the prompt identification of violations and violations the rights of socially vulnerable segments of the population and the adoption of acts of prosecutorial response. The purpose of the work is to identify and disclosure the advantages of using information digitalization in the activities of the prosecutor's office, to determine the tactics and methodology of the prosecutor's work with information systems when overseeing the observance of the rights of persons with disabilities. *Materials and methods.* The realization of research tasks was achieved by analyzing the advantages of existing information systems and mechanisms for working with them when the prosecutor carries out his activities. The work used general scientific, special and private scientific methods of obtaining scientific knowledge: logical, functional, sociological, statistical, formal legal, as well as other methods and techniques that contributed to achieving the goals and solving the tasks of the study. *Results.* The author has studied the stages of development of information transformation and its gradual introduction into the work of the prosecutor's office, investigated the main internal and external information systems and analyzed the advantages of using such systems in the supervisory activities of the prosecutor, provides the main mechanism for working with these systems in the supervision of the rights of persons with disabilities. *Conclusions.* The use of modern external and internal information systems is one of the directions for improving the prosecutor's supervision over the observance of the rights of persons with disabilities. This line of activity will make it possible to monitor the state of legality in this area as quickly as possible, to identify online facts of violations of the rights of persons with disabilities committed by authorized bodies, or to prevent possible violations of rights. In this regard, the introduction of these mechanisms is necessary and mandatory when carrying out supervisory activities by the prosecutor.

Keywords: prosecutor's supervision, persons with disabilities, disabled, means of rehabilitation, information systems, digitalization

For citation: Lavrova Yu.V. Using the information transformations as one of the directions for improving the prosecutor's supervision over the observance of the rights of persons with disabilities. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(2):117–126. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-10

Современная жизнь не стоит на месте. С каждым годом создаются новые высокотехнологичные программные продукты, позволяющие существенно упрощать и ускорять работу, в том числе надзорных органов, по выявлению правонарушений, взаимодействию между гражданами, совершенствованию информационного обмена и др. Органы прокуратуры не являются исключением.

В этой связи большое значение для совершенствования работы органов прокуратуры имеет активное внедрение в практику современных форм цифровизации. Информационные технологии, электронные системы, искусственный интеллект позволяют одновременно облегчить работу, повысить ее эффективность. От правильной организации информационно-аналитической работы зависят результаты прокурорской деятельности и укрепление законности и правопорядка в стране.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в послании Федеральному собранию Российской Федерации от 01.03.2024 отметил, что для развития технологического прогресса необходимо активно использовать и развивать искусственный интеллект, на что будут выделены бюджетные средства в большом объеме [1].

Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 цифровая трансформация обозначена в числе приоритетных национальных целей развития Российской Федерации¹.

В 2004 г. Правительство Российской Федерации своим распоряжением от 27.09.2004 № 1244-р² утвердило Концепцию использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти, в которой были определены основные направления использования и внедрения в практику единой государственной политики в сфере использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти. Основной целью использования информационных технологий федеральными органами государственной власти является повышение эффективности механизмов государственного управления на основе создания общей информационно-технологической инфраструктуры, включающей государственные информационные системы и ресурсы, а также сред-

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента Российской Федерации № 474 от 21.07.2020 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>.

² Об утверждении Концепции использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года и плана мероприятий по ее реализации : распоряжение Правительства РФ № 1244-р от 27.09.2004 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/187388/>

ства, обеспечивающие их функционирование, взаимодействие между собой, населением и организациями в рамках предоставления государственных услуг.

Цифровая трансформация органов и организаций прокуратуры Российской Федерации осуществляется в рамках создания необходимых условий для развития цифровой экономики страны.

Стоит привести точку зрения Э. Б. Хатова о том, что «в условиях больших нагрузок на прокурорских работников, обязанных в том числе выполнять работу по сбору и обработке сведений, характеризующих состояние законности, а также с учетом немалого числа организационно-распорядительных документов, требующих регулярного представления различного рода аналитической информации, постоянно нарастает потребность в качественных результатах информационно-аналитической деятельности, которые достижимы в настоящее время лишь при автоматизированном выявлении и учете закономерностей, выявлении тенденций в структуре и динамике нарушений законности» [2, с. 143].

В 2018 г. Генеральным прокурором Российской Федерации разработана и принята Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 г.¹, целью которой являлась максимальная оптимизация и сокращение бумажного документооборота, снижение нагрузки, обеспечение возможности реагирования прокуроров на нарушения закона в режиме онлайн.

Для мотивации активного использования информационных систем Генеральным прокурором Российской Федерации прокурорам субъектов данной Концепцией предписано ежегодно представлять в Главное управление правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации докладные записки об итогах работы за год в сфере цифровой трансформации и внедрения информационных технологий, в том числе о деятельности уполномоченных по цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации; внедрении и использовании цифровых технологий, в том числе в рамках межведомственного взаимодействия.

По мнению В. В. Яцуценко, «цифровизация деятельности органов прокуратуры – сложный и многоэтапный процесс, но автоматизированные программы, электронный документооборот и искусственный интеллект помогут повысить качество и уровень работы правоохранительных органов, что будет способствовать повышению законности» [3, с. 188], с чем определенно следует согласиться.

При этом стоит отметить, что, учитывая многолетний опыт работы части прокурорских работников и отсутствие длительное время в их деятельности высоких технологий, на практике возникают определенные трудности

¹ Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года : приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 627 от 14.09.2017 // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71670972/>

при использовании современных информационных систем, связанные, как правило, с непониманием и нежеланием освоения новых навыков и продолжением работы по-старому.

При этом, согласно проведенному старшим научным сотрудником Университета прокуратуры Российской Федерации Н. В. Колесниковой анкетированию, 80 % опрошенных практикующих работников активно используют современные информационные системы в своей работе (50 % отметили открытые данные Федеральной налоговой службы России, 48 % – Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии Российской Федерации, 40 % – ГАС «Правосудие», 26 % – единой информационной системы (ЕИС) в сфере закупок, 5 % – СМЭВ) [4, с. 90].

Как отмечается в литературе, «целями использования информационно-коммуникационных технологий и информационных систем в органах прокуратуры является минимизация возможных ошибок, связанных с недостоверной информацией, упрощение системы делопроизводства, повышение оперативности в работе сотрудников прокуратуры» [5, с. 110].

Внедрение таких технологий актуально прежде всего при осуществлении прокурорскими работниками надзора за соблюдением прав лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), поскольку восстановление прав указанной категории граждан зачастую должно иметь оперативный характер, что и позволяют реализовать на практике созданные различные информационные системы.

Кроме того, реализация прав указанной категории лиц напрямую связана с освоением и использованием бюджетных средств, что зачастую осуществляется через проведение уполномоченными органами закупочных процедур и размещение иной информации в открытом доступе. Сказанное требует комплексного мониторинга и отслеживания действий поднадзорных органов в режиме онлайн как на стадии планирования закупочных мероприятий, так и на стадии их проведения, заключения контрактов, дальнейшего исполнения. В этой связи использование информационных систем в рассматриваемом виде надзора является, по сути, его неотъемлемой частью, и от качества такого использования зависит результат прокурорской деятельности в названном направлении.

В настоящее время существует определенный перечень информационных систем, использование которых намного упрощает работу в том числе органов прокуратуры.

Так, государственная интегрированная информационная система управления общественными финансами (ГИИС «Электронный бюджет») предназначена для обеспечения прозрачности, открытости и подотчетности деятельности государственных органов и органов управления государственными внебюджетными фондами, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений в сфере управления государственными и муниципальными (общественными) финансами.

В частности, функционал данной информационной системы предполагает возможность получения сведений о реализации региональных проектов

на территории конкретных муниципальных образований, в том числе «Жилье и городская среда» и др.

С указанной системой тесно связана ЕИС в сфере закупок, в которой аккумулируются все закупочные процедуры, проводимые органами и учреждениями.

В режиме онлайн на указанном ресурсе можно выявить нарушения без непосредственного взаимодействия с проверяемыми субъектами, касающиеся сроков исполнения заключенных контрактов на закупку средств реабилитации для инвалидов, предоставления путевок на санаторно-курортное лечение лиц с ОВЗ и др.

Своевременное выявление фактов нарушения сроков исполнения контрактов подрядчиками способствует оперативному восстановлению прав лиц с ОВЗ еще до их нарушения.

Поскольку большая часть закупочных мероприятий проводится по процедуре конкурсов и аукционов, своевременное изучение размещенных заявок со стороны возможных участников закупок, в том числе на предмет их соответствия требованиям аукционной документации, соответствия самих участников критериям отбора, может способствовать недопущению участия в процедуре недобросовестных поставщиков, пресечь факты сговора между участниками.

Для выявления указанных фактов необходимы дополнительные информационные ресурсы, в которых аккумулируется информация о юридическом лице в целом, о его финансово-хозяйственной деятельности, позиции на рынке и др.

К такой системе можно отнести информационный ресурс «Спарк», который тесно связан с базой данных иных органов, арбитражных и иных судов.

Поиск осуществляется через ввод ИНН организации, после открытия карточки, в которой можно увидеть как индикаторы риска компании (например, информацию о том, что сведения о юридическом адресе являются недостоверными), так и связи данной компании с иными, в том числе установить факты аффилированности и конфликты интересов.

Анализ информации позволяет выявить нарушения законодательства о контрактной системе, о противодействии коррупции. Это актуально, например, при проверке закупочных процедур по приобретению технических средств реабилитации для инвалидов.

С помощью государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства прокурор может оперативно осуществить мониторинг информации по многоквартирным домам, выяснить его характеристики, сведения об управляющей компании, обслуживающей тот или иной многоквартирный дом.

К примеру, при поступлении обращения инвалида о ненадлежащем состоянии многоквартирного дома, необорудования его средствами доступа для маломобильных инвалидов прокурору необходимо установить управляющую

компанию, обслуживающую данный многоквартирный дом, с целью дальнейшей проверки ее действий. Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства позволяет максимально быстро получить указанную достоверную информацию, что будет способствовать ускорению восстановления прав заявителя.

Помимо этого, в указанной системе размещаются отчеты о ходе реализации национального проекта «Жилье и городская среда», основной целью и задачей которого является обеспечение доступности маломобильной части населения к объектам социальной инфраструктуры.

Прокурорами по результатам мониторинга данных сведений выявлялись многочисленные факты неразмещения органами местного самоуправления указанных отчетов, в связи с чем принимались меры прокурорского реагирования.

С помощью государственной информационной системы ведения единой электронной картографической основы возможно в максимально короткие сроки получить информацию о земельных участках, объектах недвижимости, а также в режиме онлайн определить местоположение того или иного объекта.

К примеру, одной из прокуратур районного звена с использованием данной системы, функционал которой реализован через приложение «Kadastr.ru», проверены доводы обратившегося на личном приеме инвалида I группы по вопросу бездействия органов местного самоуправления по спилу березы, находящейся в аварийном состоянии. По доводам заявительницы больше года органы местного самоуправления бездействовали, поскольку не могли точно определить местоположение дерева.

Сотрудником прокуратуры района осуществлен выезд по месту жительства заявительницы. Через указанное приложение введен адрес ее проживания, после отобразился кадастровый номер земельного участка. С использованием функции «текущее местоположение» замерены координаты точного местонахождения дерева. Установлено, что оно находилось на границе соседнего участка и участка общего пользования. В результате дерево спилено, права инвалида на безопасное пребывание на участке восстановлены. При этом прокуратуре района потребовалось лишь осуществить выезд на место и несколько действий в приложении¹.

Помимо внешних информационных систем с целью совершенствования работы органов прокуратуры созданы и внутренние системы, к которым можно отнести прежде всего информационную систему межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры РФ².

Данная система включает в себя несколько модулей и в настоящее время является наиболее эффективно и часто используемой, поскольку ее функ-

¹ Архив надзорного производства по жалобе гражданки А. прокуратуры Железнодорожного района г. Пензы, 2024 г.

² О введении в эксплуатацию информационной системы межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации : приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 816 от 10.12.2018 // NormaCS. URL: <https://xn--v1aiaaaaaaaaaaaaaaaaaa.normacs.ru/Doclist/doc/6MAS3.html>

ционирование обеспечено на служебных компьютерах прокурорских работников. Она позволяет максимально оперативно получить информацию о зарегистрированных правах на объекты недвижимости, о паспортных данных и данных о регистрации гражданина, о его смерти, об открытых счетах, о наличии транспортных средств, об уплаченных налогах, о социальных выплатах и др.

К примеру, при предъявлении прокурором иска в порядке ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в интересах лица с ограниченными возможностями здоровья к иному лицу у прокурора не всегда имеются сведения о паспортных данных ответчика либо данных о его регистрации, что является одним из обязательных сведений, которые необходимо указать в иске. Запрос таких сведений через указанную систему с использованием модуля «МВД» существенно упрощает и сокращает временные затраты прокурора по подготовке акта прокурорского реагирования.

При проведении проверок исполнения земельного законодательства по обращению инвалида зачастую необходимо иметь сведения о зарегистрированных правах на земельный участок, о регистрации иных прав на него, проанализировать данные реестровых, кадастровых дел и дел правоустанавливающих документов.

Указанные сведения также возможно запросить через информационную систему межведомственного электронного взаимодействия и получить полные данные на земельный участок и достаточно оперативно и полно провести проверку и восстановить права обратившегося лица с ОВЗ.

При выявлении фактов наличия уголовно наказуемых деяний в действиях юридических лиц при нарушении процедуры исполнения контрактов на закупку средств реабилитации для инвалидов через данную систему возможно запросить сведения об открытых счетах в банковских организациях с целью анализа деятельности подрядчиков и заказчиков.

При проверке доводов обращения лица с ОВЗ о бездействии территориальных подразделений Фонда пенсионного и социального страхования по начислению мер поддержки, по надлежащему расчету пенсии прокурором запрашиваются сведения о выплатах заявителю денежных средств указанным органом.

К примеру, рассматривая обращение женщины, являющейся инвалидом 3 группы, по вопросу неполучения пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет с целью установления факта невыплаты через модуль «СФР» с учетом дополнительных сведений о месте рождения, документе, удостоверяющем личность, запрошены сведения о СНИЛС.

Далее в модуле «СФР» запрошены сведения о выплатах. Установлено, что заявителю действительно выплаты по уходу за ребенком не назначались, после чего запрошены сведения у работодателя, который признал факт направления необходимых документов и информации в СФР. Оперативное получение данных о выплатах способствовало оперативному внесению прокурором работодателю представления и быстрому устранению допущенных нарушений работодателем¹.

¹ Архив надзорного производства по жалобе гражданки М. прокуратуры Железнодорожного района г. Пензы, 2024 г.

С помощью модуля «ЗАГС» возможно оперативно установить наличие записи о смерти гражданина. Такой функционал в настоящее время эффективно используется по обращениям лиц, проходивших службу в зоне специальной военной операции, получивших в результате боевых действий тяжелые ранения и имеющие серьезные ограничения по здоровью. В условиях современной реальности в связи со сложной обстановкой выявляется большое количество ошибочных записей о смерти таких граждан либо отсутствие таких данных о фактически умерших.

В обоих случаях механизм выявления таких фактов одинаков. В обозначенном модуле с использованием фамилии, имени, отчества, даты рождения запрашиваются сведения о смерти, после чего возможно обратиться в интересах обратившихся лиц с исковым заявлением об установлении факта отсутствия смерти и аннулировании записи, либо о признании гражданина умершим. Данные системы информационных компьютерных технологий в настоящее время активно внедряются в практику прокурорской деятельности.

Таким образом, следует согласиться с позицией М. М. Шакирьянова и М. С. Гудкова о том, что «прокурорским работникам необходимо постепенно менять тактику и методику выявления нарушений законов в условиях активного развития информационных технологий и повышать свою компетенцию для эффективного осуществления прокурорского надзора» [6, с. 16].

Использование информационных систем становится самостоятельной сферой с большим разнообразием идей и методов. В этой связи предлагается максимально внедрять в работу данные информационные системы с целью повышения уровня оперативности реагирования на факты нарушения прав лиц с ОВЗ либо предотвращения таких фактов путем своевременного анализа размещенных данных. Названные мероприятия необходимо реализовывать через организацию и проведение различного рода обучений, семинаров, курсов повышения квалификации прокурорских работников. Совершенствование работы в указанном направлении будет способствовать повышению уровня оперативности и своевременности прокурорского вмешательства.

Список литературы

1. Послание президента Федеральному Собранию от 01.03.2024 // Президент России. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/735 (дата обращения: 14.03.2024).
2. Хатов Э. Б. Перспективы цифровизации деятельности органов прокуратуры // Цифровизация деятельности органов прокуратуры : сб. материалов семинара (круглого стола) / под общ. ред. И. В. Горошко ; сост. А. Л. Коренюк ; Ун-т прокуратуры Российской Федерации. М., 2021. С. 142–147.
3. Яцуценко В. В. Проблемы и перспективы внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 11. С. 187–193.
4. Колесникова Н. В. Использование информационно-коммуникационных технологий в органах прокуратуры Российской Федерации // Цифровизация деятельности органов прокуратуры : сб. материалов семинара (круглого стола) (г. Москва, 30 сентября 2020 г.) / под общ. ред. И. В. Горошко ; сост. А. Л. Коренюк ; Ун-т прокуратуры Российской Федерации. М. : Изд-во Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2021. С. 84–91.

5. Паламарчук С. А. Совершенствование конституционно-правового регулирования права на информацию в сети Интернет // Северокавказский юридический вестник. 2015. № 4. С. 108–114.
6. Шакирьянов М. М., Гудков М. С. Использование информационных ресурсов сети Интернет при проведении прокурорских проверок // Законность. 2023. № 4. С. 14–17.

References

1. The President's message to the Federal Assembly, March 1, 2024. *Prezident Rossii = The President of Russia*. (In Russ.). Available at: www.kremlin.ru/events/president/news/735 (accessed 14.03.2024).
2. Khatov E.B. Prospects for digitalization of the activities of prosecutorial authorities. *Tsifrovizatsiya deyatel'nosti organov prokuratury: sb. materialov seminar (kruglogo stola) = Digitalization of the Prosecutor's Office: A Collection of Seminar (Round Table) Materials*. Moscow, 2021:142–147. (In Russ.)
3. Yatsutsenko V.V. Problems and prospects for the introduction of digital technologies into the activities of prosecutorial authorities. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Current issues of Russian law*. 2021;(11):187–193. (In Russ.)
4. Kolesnikova N.V. Using the information and communication technologies in the prosecutor's office of the Russian Federation. *Tsifrovizatsiya deyatel'nosti organov prokuratury: sb. materialov seminar (kruglogo stola) (g. Moskva, 30 sentyabrya 2020 g.) = Digitalization of the Prosecutor's Office: A Collection of Seminar (Roundtable) Materials (Moscow, September 30, 2020)*. Moscow: Izd-vo Un-ta prokuratury Rossiyskoy Federatsii, 2021:84–91. (In Russ.)
5. Palamarchuk S.A. Improving the constitutional and legal regulation of the right to information on the Internet. *Severokavkazskiy yuridicheskiy vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*. 2015;(4):108–114. (In Russ.)
6. Shakir'yanov M.M., Gudkov M.S. Using the Internet information resources during prosecutorial inspections. *Zakonnost' = Legality*. 2023;(4):14–17. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Юлия Владимировна Лаврова

заместитель прокурора, прокуратура
Железнодорожного района г. Пензы
(Россия, г. Пенза, ул. Луначарского, 5);
соискатель, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Yulia V. Lavrova

Deputy Prosecutor of the Prosecutor's
Office of the Zheleznodorozhny district
of Penza (5 Lunacharskogo street, Penza,
Russia); applicant, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

E-mail: iulia.ilyushina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 14.03.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 06.11.2024

Принята к публикации / Accepted 24.03.2025

УДК 343.985.7

doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-11

Выявление как система действий, формирующих информационную основу расследования преступлений, совершенных с применением цифровых технологий

Р. Н. Подольный

Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Казань, Россия

podolnyut01@kznrpa.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Одной из особенностей расследования преступлений, совершенных с применением цифровых технологий, является то, что оно должно быть не просто быстрым, а стремительным, поскольку преступник всегда предпринимает меры к тому, чтобы после совершения преступления все следы были уничтожены. Для этого преступник использует такие программные продукты, которые ориентированы не только на достижение определенной криминальной цели, но и на уничтожение следов, которые могут указывать на то, что было совершено преступление и к нему причастно определенное лицо. В связи с этим следователь уже на момент начала расследования должен иметь четкий, хорошо продуманный план расследования. Он должен немедленно провести первоначальные следственные действия, в результате которых получить максимум доказательств. Это возможно только при условии наличия значительной базы достоверной информации. Поэтому важным является информационная взаимосвязь между деятельностью по выявлению преступлений и деятельностью по их расследованию. Выявление особенностей этой взаимообусловленности является целью данной работы. *Материалы и методы.* Исследование проводилось с использованием системы методов: диалектического материализма и таких общенаучных методов, как метод анализа и синтеза, дедукции и индукции. Применялись специальные криминалистические методы: криминалистического моделирования, системно-деятельностный и ситуационного прогнозирования. Методологическое значение имели разработанные в криминалистике теории и учения, которые были опробованы в практике расследования. *Результаты.* В ходе исследования было установлено, что качество расследования преступлений, совершенных с применением цифровых технологий, зависит от количества и качества информации, полученной при выявлении преступлений названного вида. Большое значение для последующего доказывания имеет оперативно-розыскная информация. *Выводы.* Результаты проведенного исследования позволили сформулировать ряд рекомендаций, касающихся тактики проведения первоначальных следственных действий при расследовании преступлений, совершенных с применением цифровых технологий.

Ключевые слова: преступления, совершенные с применением цифровых технологий, расследование, следственные действия, данные, доказательства

Для цитирования: Подольный Р. Н. Выявление как система действий, формирующих информационную основу расследования преступлений, совершенных с приме-

нением цифровых технологий // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2. С. 127–137. doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-11

Identification as a system of actions that form the information basis for the investigation of crimes committed using digital technologies

R.N. Podolnyy

Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Kazan, Russia

podolnyr01@kznrpa.ru

Abstract. *Background.* One of the features of the investigation of crimes committed using digital technologies is that it must be not just fast, but rapid, since the criminal always takes measures to ensure that all traces are destroyed after the commission of the crime. To do this, the criminal uses software products that are focused not only on achieving a specific criminal goal, but also on destroying traces that may indicate that a crime has been committed and a certain person is involved in it. In this regard, the investigator must have a clear, well-thought-out investigation plan at the time of the start of the investigation. He must immediately carry out initial investigative actions, as a result of which he will receive maximum evidence. This is possible only if there is a significant database of reliable information. Therefore, the information relationship between crime detection and investigation activities is important. The purpose of this article is to identify the features of this interdependence. *Materials and methods.* The research based on this article was conducted using a system of methods: dialectical materialism and such general scientific methods as the method of analysis and synthesis, deduction and induction. Special forensic methods were used: forensic modeling, system-activity and situational forecasting. The theories and teachings developed in criminology, which were tested in the practice of investigation, were of methodological importance. *Results.* In the course of the study, it was found that the quality of the investigation of crimes committed using digital technologies depends on the quantity and quality of information obtained when detecting crimes of this type. Operational search information is of great importance for subsequent proof. *Conclusions.* The results of the study made it possible to formulate a number of recommendations regarding the tactics of conducting initial investigative actions in the investigation of crimes committed using digital technologies.

Keywords: crimes committed using digital technologies, investigation, investigative actions, data, evidence

For citation: Podolnyy R.N. Identification as a system of actions that form the information basis for the investigation of crimes committed using digital technologies. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(2):127–137. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-11

Цифровые технологии – это средство оптимизации человеческой деятельности [1]. Их применение позволяет получить максимально быстро устраивающий использующего его человека результат. Это их свойство способствует тому, что цифровые технологии проникают в самые различные сферы человеческой деятельности. Они используются в производстве товаров и услуг. Они используются в быту, делая его более комфортным. Цифровые

технологии – это уже реальность не завтрашнего, а сегодняшнего дня, поскольку они используются в самых различных сферах деятельности. Привлекательность этих технологий для общества и государства состоит в том, что они позволяют решать социальные проблемы. В частности, благодаря им имеется возможность охвата и вовлечения в социальные проекты значительного числа граждан. Цифровые технологии являются благом, но только тогда, когда они используются во имя его. К сожалению, цифровые технологии могут причинять серьезный вред, если оказываются в руках лиц, готовых идти на преступление ради удовлетворения каких-либо своих интересов. Они могут быть средством достижения преступных целей. Благодаря им может достигаться оптимизация преступной деятельности. Они могут способствовать увеличению причиняемого ущерба. Кроме того, цифровые технологии могут способствовать тому, что совершенное преступление будет невидимым для правоохранительных органов. Тем самым цифровые технологии создают благоприятные условия для того, чтобы виновный в совершении преступления не понес заслуженного наказания. Безнаказанность способствует формированию у преступников убеждения в собственной вседозволенности, что подрывает основы установленного в государстве правопорядка.

Понятие «цифровая технология» в действующем уголовном законодательстве не используется. Это при том, что ни у кого не возникает сомнения в том, что цифровые технологии используются при совершении преступлений, для их оптимизации, для сокрытия следов [2]. Однако это понятие представляет криминалистическую ценность, поскольку позволяет понять особенности того преступления, в котором применялись цифровые технологии, и на основе этого решить вопрос о том, как необходимо расследовать соответствующее преступление. При совершении преступлений с применением цифровых технологий преступник рассчитывает на то, что он сможет уйти от ответственности. Этому он стремится добиться благодаря тому, что цифровая технология позволяет ему действовать анонимно и на расстоянии. Для того чтобы совершить посягательство на жертву, цифровые технологии позволяют не входить в контакт с ней. Они же делают такой контакт невидимым для окружающих, что сокращает вероятность того, что при расследовании можно выявить очевидцев преступления, которые смогут дать показания о существовании совершенных преступных действий. Также особенностью цифровых технологий является то, что их применение часто не явно, т.е. достаточно сложно обнаружить следы, указывающие на то, что преступление было совершено. Это тем более сложно, что при применении некоторых технологий преступники вносят в них определенные новации, которые позволяют скрыть следы совершенного преступления. Все это делает применение цифровых технологий привлекательным для преступников. Они уже при планировании преступления предпринимают все для того, чтобы оно не было выявлено, чтобы причиненный вред выглядел как результат сложившихся неблагоприятных обстоятельств.

Особенностью наиболее инновационных цифровых технологий является то, что злоумышленнику необходимо лишь их запустить, все остальное будет сделано без него [3]. К примеру, преступник может сбросить обманным путем такой программный продукт, который сам сможет взломать пароли и перевести денежные средства на соответствующие счета. В таком преступлении сам преступник, по существу, совершает только одно действие – забрасывает вредоносную программу на компьютер жертвы, с которого она управляет своими финансами. Данная вредоносная программа все остальное делает сама. Сама жертва сразу может и не узнать о факте совершения преступления. Тем более она может не знать о том, как соответствующее программное вредоносное приложение оказалось у нее на мобильном телефоне или в компьютере. В связи с этим при расследовании возникают трудности при определении круга лиц, которые могут быть причастными к совершенному преступлению. Потерпевший при совершении в отношении него таких посягательств часто затрудняется сообщить данные, которые способны позволить установить значимые обстоятельства совершения преступления, а также обстоятельства, указывающие на действительного виновника этих преступных деяний. Складывается парадоксальная ситуация, когда потерпевший не может сообщить о механизме совершенного в отношении него преступления. Причиной этого является то, что потерпевший не видит этого механизма, он скрыт и от него. Единственное, что он может увидеть, – это результат в виде причиненного ему ущерба. При этом в отдельных случаях ущерб еще необходимо потерпевшему осознать как результат совершенного преступления, а не результат собственных действий, совершенных в условиях риска.

Используемые злоумышленником для совершения преступления вредоносные программы ориентированы не только на то, чтобы никто не мог увидеть механизма их действия, но и на то, чтобы не оставалось следов. Для этого часто используются программы, которые после достижения преступной цели уничтожают следы своей работы [4]. Кроме того, сами эти программы могут самоуничтожиться, что затрудняет в последующем установление того, что вообще такая программа была. В результате на начальном этапе расследования формируется ситуация информационной неопределенности, когда следователь сталкивается с вопросом: было ли преступление? Этот вопрос усугубляется тем, что потерпевшим от таких преступлений могут являться лица, не имеющие достаточных знаний в сфере цифровой информации, а потому не могущие правильно оценить те действия, которые они сами совершали. Им сложно воссоздать даже свои действия, которые могли способствовать причинению им вреда. По этой причине даже при наличии вреда жертва далеко не всегда сообщает о совершении в отношении себя преступления. Она может оставаться в неведении и считать, что вред был причинен ее необдуманными случайными действиями. Поэтому правоохранные органы в таких случаях остаются в неведении относительно совершения преступления. Злоумышленники всегда это понимают и стремятся к тому, чтобы использовать отсутствие необходимых знаний у жертвы для того, чтобы

не только добиться поставленной цели, но и скрыть уличающие следы. В связи с этим встает проблема выявления события совершения преступления. Жертва понимает, что ее обманули, значительно позже, как правило после того, как обратится в соответствующую финансовую организацию, в которой у нее открыт счет, с которого были незаконно похищены денежные средства.

Для расследования важным является то, насколько умело и полно была получена и закреплена информация в ходе выявления соответствующего преступления, которое было совершено с применением цифровых технологий. Это обусловлено тем, что на момент начала расследования следователю необходимо знать, в каком направлении вести поисковую деятельность, что необходимо устанавливать. Недопустимо, чтобы было упущено время и не были выявлены и закреплены следы и информация, которые могут иметь изобличающее значение. Важно уже на момент расследования, чтобы следователь знал, какие процессуальные действия ему необходимо выполнить для того, чтобы не было упущенным время, и благодаря этому добиться успеха расследования – установить обстоятельства совершения преступления. Но для этого необходима информация. Данная информация еще не является доказательственной, но она используется при выявлении преступления. В том случае, если ее объем достаточный, то она может быть трансформирована посредством проведения следственных действий в доказательства. Следователь имеет возможность благодаря такой информации воссоздать отдельные обстоятельства совершенного деяния, благодаря чему выдвинуть наиболее вероятную версию. Это, в свою очередь, позволяет определить задачи, встающие перед расследованием, и те следственные действия, проведением которых имеется возможность получить доказательства.

Выявление может осуществляться как посредством проведения следственных действий, так и посредством оперативно-розыскных мероприятий [5]. Посредством проведения следственных действий выявление обстоятельств совершения преступления осуществляется в тех случаях, когда возбуждено уголовное дело. Это, как правило, бывает тогда, когда при расследовании одного преступления благодаря проведению отдельных следственных действий становится известно, что было совершено также и другое преступление. Выявление посредством оперативно-розыскных мероприятий проводится в тех случаях, когда уголовного дела не возбуждалось. В этих случаях оперативно-розыскные мероприятия становятся источником информации, которая позволяет выявить факт совершения преступления. Данный источник имеет значение не только для принятия следователем тактических решений о проведении следственных действий и о порядке их выполнения, но и для принятия некоторых процессуальных решений. В частности, в ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) прямо указано на то, что следователь при проверке сообщения о совершении преступления вправе давать письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий органу дознания. Из этого следует то, что оперативно-розыскная информация имеет значение для принятия процессуальных ре-

шений. Это подтверждается ч. 2 ст. 140 УПК РФ, в соответствии с которой основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления [6]. В данной норме используется понятие «данные», а не «доказательства», что позволяет отнести к основанию для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела в том числе и сведения, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий [7]. При выявлении преступлений, совершенных с применением цифровых технологий, данная норма уголовно-процессуального закона особенно важна, поскольку позволяет выстроить эффективный механизм реагирования на совершенное преступление, который состоит в том, что решение о возбуждении уголовного дела может быть принято на основании данных в виде сведений, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий. Таким образом, для начального этапа проводимого расследования данные сведения имеют как тактическое, так и процессуальное решение. Их статус как имеющих процессуальное значение указывает на их значимость для установления обстоятельств совершения конкретного преступления.

Для успеха расследования преступлений, совершенных с применением цифровых технологий, важным является постулат: чем больше данных, полученных в том числе благодаря применению оперативно-розыскных мероприятий, тем больше гарантий того, что расследование завершится успешно, т.е. установлением обстоятельств совершения соответствующего преступного деяния. Однако не менее важно, чтобы данные были достоверными. Достоверность – это качество информации, которое позволяет восстановить картину преступления, соответствующую реально имевшему место событию. Есть предубеждение к результатам оперативно-розыскных мероприятий в части их достоверности. И теоретики, и практики часто полагают, что результаты оперативно-розыскной деятельности уже по определению не могут быть настолько же достоверными, как доказательства, которые получены в результате проведения следственных действий. На самом деле это не так. Хорошо известно, что показания могут оказаться ложными, поскольку лицо, которое их дало, может намеренно исказить информацию ради того, чтобы уголовную ответственность не нес определенный человек, который, возможно, является истинным виновным в причинении вреда. В то же время полученные в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия сведения могут в последующем подтвердиться собранными доказательствами и максимально соответствовать действительно имевшим место обстоятельствам совершения преступного деяния. Поэтому данные, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, могут быть не менее ценными для установления обстоятельств совершенного преступления. Важным здесь является то, что необходимо эти данные подкрепить доказательствами.

При наличии достаточного объема данных, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, следователь имеет возможность еще на стадии возбуждения уголовного дела определить тактику про-

цессуальных действий, которая обеспечит получение доказательств в количестве, достаточном для убедительного обоснования наличия события преступления и причастности к нему соответствующего лица. Особенностью расследования преступлений, совершенных с применением цифровых технологий, является то, что в качестве его основы являются данные, полученные в результате применения оперативно-розыскных мероприятий. Эти данные должны отличаться высокой степенью достоверности и их количество должно быть достаточным для того, чтобы можно было делать вывод о том, какое событие имело место в действительности. На момент начала расследования преступлений, совершенных с применением цифровых технологий, следователю уже необходимо точно знать, какая тактика способна принести успех, обеспечив создание качественной системы доказательств, уличающей конкретное виновное лицо. Это важно, поскольку промедление в определении тактики может обернуться утратой значимых для расследования данных, в том числе и доказательств. Необходимо, чтобы на момент начала расследования данных преступлений избежать проблем, связанных с информационной неопределенностью, когда нельзя сделать однозначного вывода об отдельных наиболее значимых обстоятельствах. В связи с этим выявление данных преступлений должно рассматриваться в рамках единой методики расследования. Выявление создает предпосылки к тому, чтобы начальная ситуация расследования названных преступлений обладала качеством информационной определенности.

Среди первоочередных задач начального этапа расследования преступлений, совершенных с применением цифровых технологий, является выявление и закрепление доказательств, которые уличают в виновности конкретное лицо. В частности, важно выявление цифровых следов на соответствующем электронном устройстве, с помощью которого совершалось преступление. По этой причине уже на момент начала расследования следователь должен знать, что это за устройство и где оно находится. Поэтому одним из первоначальных следственных действий должно быть изъятие названного устройства с целью выявления соответствующих следов, подтверждающих, что с его помощью совершались преступные действия. Благодаря этому следственному действию имеется возможность получить необходимые уличающие доказательства. Но для этого необходимо, чтобы данное следственное действие проводилось внезапно для лица, у которого производится изъятие [8]. Это предотвратит возможность уничтожения цифровых следов и самого электронного устройства, которое использовалось для совершения преступления. После изъятия важно максимально тщательно осмотреть данное электронное устройство для того, чтобы выявить все следы, которые могут иметь уличающее значение [9]. Изъятие и осмотр электронных носителей информации должны производиться с участием специалиста. Его участие важно для того, чтобы выявить все те цифровые следы, которые могут следователю помочь в установлении обстоятельств совершенного преступления [10]. Кроме того, специалист может оказать следователю помощь в предотвращении действий,

которыми можно причинить вред соответствующему электронному носителю информации. Необходимость участия специалиста продиктована не только интересами тактики расследования, но и требованиями ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ.

Задачей, которая стоит при проведении изъятия электронного носителя информации и его последующего осмотра, является формирование следственной ситуации, когда следователь обладает максимально возможным объемом доказательств и информации, с помощью которой можно установить виновное лицо. Успех этих следственных действий во многом зависит от того, насколько значительный объем информации будет получен в ходе выявления соответствующего преступления. В связи с этим важно, чтобы тактика выявления преступления была ориентирована не только на то, чтобы получить данные о совершении преступления, но и на то, чтобы этих данных было достаточно и чтобы они отвечали требованиям достоверности. Таким образом, качество расследования во многом находится в зависимости от тактики выявления преступлений рассматриваемого вида. При этом важно, чтобы и в ходе последующего расследования этих преступлений имело место взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Это необходимо для того, чтобы предотвратить возможность противодействия расследованию со стороны лиц, которые не заинтересованы в установлении истины. Данное взаимодействие должно быть средством получения следователем информации о том, насколько эффективными являются совершаемые им действия. Такая информация позволяет корректировать проводимое расследование, повышая его результативность.

Среди первоначальных следственных действий при расследовании преступлений, совершенных с применением цифровых технологий, должен быть также допрос лица, у которого был изъят соответствующий носитель электронной информации. При этом статус данного лица, должен устанавливаться следователем исходя из имеющихся у него данных. Это может быть как лицо, подозреваемое в совершении преступления, так и лицо, которое лишь хранило соответствующее электронное устройство, не зная о его причастности к совершенному преступлению. В первом случае данное лицо допрашивается в качестве подозреваемого, во втором – в качестве свидетеля. Следует отметить то, что, как правило, лица, у которых изымается электронное устройство, виновны в совершении соответствующего преступления либо как-то к нему причастны. Для определения статуса лица, которое следует установить, необходимо хотя бы примерное, вероятное знание о том, какое отношение оно имеет к совершенному преступлению. Это возможно установить только при наличии соответствующих данных. С учетом того, что расследование только началось, а медлить с допросом нельзя, эти данные, которые следователь получает от органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Поэтому для расследования важны все те данные, которые были получены в ходе деятельности по выявлению конкретного преступления, совершенного с применением цифровых технологий.

Выявление факта совершения преступления, совершенного с применением цифровых технологий, необходимо рассматривать не просто как обычный сигнал, реакцией на который должна быть основательная его проверка посредством проведения процессуальных действий в рамках стадии возбуждения уголовного дела, но и как совокупность оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, являющихся источником данных, которые можно использовать для формирования системы доказательств, способной изобличить виновное лицо. В связи с этим выявление преступления необходимо рассматривать не только как деятельность, предвещающую процесс расследования, но и как деятельность, в ходе которой формируется информационная база, необходимая для принятия тактических решений в ходе расследования, которая позволяет сформировать систему доказательств.

Список литературы

1. Бигалиева Я. Г., Плутенко Д. С. Понятие цифровых технологий и их значение в гражданском праве // Право и управление. 2024. № 5. С. 535–540.
2. Матвеев И. В. Взаимовлияние цифровых технологий и уголовного права // Закон и право. 2024. № 7. С. 179–182.
3. Антонова Е. Ю. Механизм совершения преступлений в эпоху цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 1 (229). С. 236–239.
4. Усачев С. И., Усачева Е. А. Информационно-коммуникационные технологии в механизме преступной деятельности // Сибирский юридический вестник. 2024. № 3 (106). С. 110–117.
5. Фомина Е. Н. Особенности оперативного поиска в сети Интернет при выявлении преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий // Деятельность оперативных подразделений: теория и практика : материалы межвуз. науч.-практ. конф. / сост. А. Г. Гришин. СПб. : СПб ун-т МВД России, 2022. С. 161–166.
6. Клещев С. В. Проблемы и перспективы правоприменения отдельных способов проверки сообщения о преступлении // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 3 (60). С. 247–252.
7. Махтук С. О. К вопросу о достаточности доказательств, оснований и данных в уголовном процессе // Российский следователь. 2022. № 2. С. 31–35.
8. Абсатаров Р. Р. Правовые проблемы изъятия электронных носителей информации и получения копий с них // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (71). С. 25–28.
9. Павлов Е. Н. Особенности методики изъятия электронных носителей информации // Актуальные проблемы противодействия преступлениям экономической и коррупционной направленности : сб. науч. ст. по итогам вузов. науч.-практ. семинара (г. Нижний Новгород, 25 апреля 2023 г.). Н. Новгород : Нижегородская акад. МВД России, 2023. С. 126–130.
10. Кардашевская М. В. Осмотр электронных носителей и изъятие с них криминалистически значимой информации // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 1. С. 79–81.

References

1. Bigalieva Ya.G., Plutenko D.S. The concept of digital technologies and their importance in civil law. *Pravo i upravlenie = Law and management*. 2024;(5):535–540. (In Russ.)
2. Matveev I.V. The Interaction of Digital Technologies and Criminal Law. *Zakon i pravo = Law and rights*. 2024;(7):179–182. (In Russ.)
3. Antonova E.Yu. The mechanism of committing crimes in the digital age. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and state: theory and practice*. 2024;(1):236–239. (In Russ.)
4. Usachev S.I., Usacheva E.A. Information and communication technologies in the mechanism of criminal activity. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik = Siberian juridical journal*. 2024;(3):110–117. (In Russ.)
5. Fomina E.N. Features of operational search on the Internet in identifying crimes committed using information and communication technologies. *Deyatel'nost' operativnykh podrazdeleniy: teoriya i praktika: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf. = Activities of operational units: theory and practice: proceedings of interuniversity scientific and practical conference*. Saint Petersburg: SPb un-t MVD Rossii, 2022:161–166. (In Russ.)
6. Kleshchev S.V. Problems and prospects of law enforcement of certain methods of verifying a crime report. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2022;(3):247–252. (In Russ.)
7. Makhtyuk S.O. On the issue of sufficiency of evidence, grounds and data in criminal proceedings. *Rossiyskiy sledovatel' = Russian investigator*. 2022;(2):31–35. (In Russ.)
8. Absatarov R.R. Legal issues of seizure of electronic information carriers and obtaining copies from them. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1):25–28. (In Russ.)
9. Pavlov E.N. Features of the methodology for the seizure of electronic information carriers. *Aktual'nye problemy protivodeystviya prestupleniyam ekonomicheskoy i korruptsionnoy napravlenosti: sb. nauch. st. po itogam vuzov. nauch.-prakt. seminara (g. Nizhniy Novgorod, 25 aprelya 2023 g.) = Current issues in combating economic and corruption-related crimes: proceedings of university scientific and practical seminar (Nizhny Novgorod, April 25, 2023)*. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskaya akad. MVD Rossii, 2023:126–130. (In Russ.)
10. Kardashevskaya M.V. Inspection of electronic media and extraction of forensically significant information from them. *Sudebnaya ekspertiza i issledovaniya = Forensic examination and research*. 2022;(1):79–81. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Роман Николаевич Подольный
преподаватель, Казанский институт
(филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России) (Россия,
г. Казань, ул. Фатыха Амирхана, 14)
E-mail: podolnyy01@kznrpa.ru

Roman N. Podolnyy
Lecturer, Kazan Institute (branch) of the
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
(14 Fatykha Amirkhana street, Kazan,
Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 18.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 05.05.2025

Принята к публикации / Accepted 22.05.2025

УДК 343.985.7

doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-12

Особенности выявления преступных посягательств на безопасность труда и его значение для последующего расследования

П. Д. Филеткин

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Filimon.and.den@gmail.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Качество расследования преступных посягательств на безопасность труда во многом обусловлено качеством действий по их выявлению. В ходе выявления устанавливается не только событие преступления, но и данные, которые в последующем могут сориентировать следователя в выборе наиболее актуального алгоритма проведения процессуальных действий. Чем больше достоверных данных получено в ходе выявления, тем больше достоверных доказательств будет получено в ходе проведения расследования. Особенностью выявления преступных посягательств на безопасность труда является то, что оно часто проводится с привлечением государственных органов и в отдельных случаях профсоюзов, осуществляющих контроль и надзор в соответствующей сфере. Таким образом, происходит привлечение специальных знаний в сфере соблюдения безопасности труда к деятельности по выявлению названных преступлений. В связи с этим целью исследования является изучение особенностей выявления преступных посягательств на безопасность труда. *Материалы и методы.* В ходе проводимого исследования был использован диалектический метод, позволивший понять выявление и расследование как сменяющие друг друга системы действий. Также применялись логические методы, которые позволили сделать выводы, избежав внутренних противоречий. Применялись специальные методы криминалистического исследования: системно-деятельностный и криминалистического моделирования. *Результаты.* Проведенное исследование показало, что эффективность расследования преступных посягательств на безопасность труда зависит от того, насколько качественно было проведено выявление этого преступления. *Выводы.* Уже в ходе выявления преступных посягательств на безопасность труда необходимо уделять внимание данным, которые в последующем, в ходе расследования, могут указать источники достоверных доказательств. При этом важным является взаимодействие с органами и организациями, в полномочия которых входит контроль и надзор за обеспечением условий безопасности труда.

Ключевые слова: расследование, преступные посягательства на безопасность труда, выявление преступления, специальные знания, возбуждение уголовного дела, сообщение о преступлении, проверка сообщения о преступлении

Для цитирования: Филеткин П. Д. Особенности выявления преступных посягательств на безопасность труда и его значение для последующего расследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2. С. 138–147. doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-12

Features of the identification of criminal encroachments on occupational safety and its importance for subsequent investigation

P.D. Filetkin

Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Filimon.and.den@gmail.com

Abstract. *Background.* The quality of the investigation of criminal attacks on occupational safety is largely determined by the quality of actions to identify them. During the detection, not only the event of the crime is established, but also data that can subsequently guide the investigator in choosing the most relevant algorithm for conducting procedural actions. The more reliable data obtained during the identification, the more reliable evidence will be obtained during the investigation. The peculiarity of the detection of criminal encroachments on labor safety is that it is often carried out with the involvement of government agencies and, in some cases, trade unions that exercise control and supervision in the relevant field. Thus, special knowledge in the field of occupational safety is being attracted to activities aimed at identifying these crimes. In this regard, the purpose of the research, which is the basis of the article presented to attention, is to study the features of detecting criminal encroachments on labor safety. *Materials and methods.* In the course of the research, a dialectical method was used, which made it possible to understand identification and investigation as alternating systems of actions. Logical methods were also used, which made it possible to draw conclusions, avoiding internal contradictions. Special methods of forensic research were used: system-activity and forensic modeling. *Results.* The conducted research has shown that the effectiveness of the investigation of criminal attacks on occupational safety depends on how well the detection of this crime was carried out. *Conclusions.* Already in the course of identifying criminal encroachments on occupational safety, it is necessary to pay attention to data that can later, during the investigation, indicate sources of reliable evidence. At the same time, it is important to interact with bodies and organizations whose powers include control and supervision of ensuring working safety conditions.

Keywords: investigation, criminal encroachments on labor safety, detection of a crime, special knowledge, initiation of a criminal case, reporting a crime, verification of a crime report

For citation: Filetkin P.D. Features of the identification of criminal encroachments on occupational safety and its importance for subsequent investigation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* = *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(2):138–147. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-12

Право на труд – это, несомненно, ценное завоевание современного общества, которым предоставляется благо для каждого человека иметь доход, необходимый не только для поддержания жизни, но и для физического, духовного и социального развития. Возможность трудиться позволяет человеку не только обеспечивать себя и близких ему людей продуктами питания и вещами первой необходимости, но и занять определенное значимое положение в обществе, добиться уважения других людей [1, 2].

Право на труд – это не только витальное право, обеспечивающее процессы жизнедеятельности человека, но и социальное право, обеспечивающее

удовлетворение социальных потребностей. Но при этом важным является то, чтобы труд был свободным и безопасным [3]. Это условия того, чтобы он был фактором, стимулирующим развитие человека, обеспечивал бы его достоинство и стимулировал бы к совершенствованию лучших человеческих качеств [4]. Такой труд представляет ценность, которая требует своей защиты и охраны от противоправных посягательств. Одним из видов такой защиты является уголовно-правовая защита, которая предполагает систему средств, благодаря которым можно предупредить совершение преступных посягательств, а если они уже совершены, привлечь виновных в них лиц к уголовной ответственности [5]. Однако сами по себе нормы, устанавливающие уголовную ответственность, еще не гарантируют обеспечение уголовно-правовой защиты. Необходим механизм, который обеспечивал бы действие названных норм. То есть встает вопрос об эффективной методике расследования преступных посягательств на право безопасного труда. Наличие такой методики обеспечивает действие механизма уголовно-правовой защиты.

Общим представлением о методике расследования является то, что расследование всегда обусловлено совершенным преступлением. Данное представление находит свое подтверждение в практике расследования многих преступлений и в настоящее время никем не опровергается. Не делается даже попыток переосмыслить это представление. Поэтому о данном представлении правильнее было бы говорить как о положении, которое находит подтверждение в практике расследования. Нет смысла опровергать то, что следователь определяет тактику расследования в зависимости от механизма совершения соответствующего преступления. В зависимости от способа совершения преступления, следовой картины следователь определяет те следственные действия, посредством проведения которых он может получить недостающие доказательства, способные восполнить недостающие фрагменты картины совершенного преступления. Поэтому небезосновательно утверждение о том, что преступная деятельность определяет деятельность по ее расследованию. Хотя это верно только при условии, что преступление было выявлено и благодаря этому следователю удалось увидеть оставленную им следовую картину [6]. В связи с этим эффективна только та методика расследования, которая не ограничивается только расследованием, а включает в себя также и деятельность по выявлению соответствующего преступления [7]. Поэтому расследование имеет зависимость не только от особенностей совершенного преступления, но и от качества действий по выявлению этого преступления.

Применительно к преступным посягательствам на безопасность труда проблем с их выявлением нет. Это связано с тем, что составы этих преступлений всегда предусматривают определенные вредные последствия, которые привлекают внимание органов, осуществляющих контроль и надзор за безопасностью труда, и правоохранительных органов [8]. Наступившие вредные последствия являются своеобразным маркером действий, указывая на то, что они представляют общественную опасность, а значит, преступны. По этой

причине они попадают в поле зрения правоохранительных органов, которые на основании поступившего сообщения и проведенной проверки содержащихся в нем сведений принимают решение о возбуждении уголовного дела [9]. При этом особенностью сообщения о совершении преступлений названного вида является то, что в них указывается на последствия, а не на сам механизм совершения преступного деяния [10]. На стадии возбуждения уголовного дела в ходе проверки сообщения о совершении преступления проводится не только выяснение достоверности содержащихся в сообщении сведений, но и работа по выявлению обстоятельств, которые указывают на особенности механизма совершения преступления. Это обусловлено тем, что на момент решения вопроса о возбуждении (или об отказе в возбуждении) уголовного дела следователь должен знать, какие действия привели к наступлению вредных последствий.

На момент решения вопроса о возбуждении уголовного дела следователь должен иметь достоверные сведения, указывающие на основные обстоятельства совершения преступного посягательства на безопасность труда. К таким обстоятельствам относятся прежде всего обстоятельства, указывающие на наступление вредных последствий, и те действия, которые привели к этому. Круг этих обстоятельств определяется исходя из состава преступлений, посягающих на безопасность труда. Так, для всех этих преступных посягательств к таким обстоятельствам относят тяжкий вред здоровью и смерть человека. В некоторых составах преступлений данного вида в качестве вредных последствий может рассматриваться также крупный ущерб (ч. 1 ст. 216 Уголовного кодекса Российской Федерации). Помимо обстоятельств, относящихся к последствиям преступления, необходимо установление механизма, который стал причиной наступления вреда. К таким обстоятельствам относятся обстоятельства, которые указывают на нарушение правил, требований безопасности. То есть необходимо установление нарушений, которые привели к последствиям, представляющим общественную опасность. Это могут быть как действия, так и бездействие, которые привели к дезорганизации вполне определенного производственного процесса. В связи с этим важно установить обстоятельства, однозначно указывающие на то, что производственный процесс был нарушен и что это находится в причинно-следственной связи с теми общественно опасными последствиями, которые наступили.

Постулат, лежащий в основе криминалистики, в соответствии с которым расследование всегда находится в зависимости от механизма совершения преступления, применительно к расследованию преступных посягательств на безопасность труда не отображает всей проблематики, с которой приходится сталкиваться следователю. Это связано с тем, что все преступное посягательство на безопасность труда состоит в нарушении определенных правил и требований. То есть преступление в данном случае – это определенное нарушение, понять которое невозможно без знания самого процесса, который был нарушен. Таким образом, помимо знания преступления следова-

тельно необходимо знание того процесса, который был нарушен, в результате чего наступили вредные последствия. Поэтому названный постулат, который имеет несомненное методологическое значение, следует дополнить тем, что само преступление определяется тем, какой конкретно технологический процесс был нарушен. Это важно, поскольку нарушение не всякого технологического процесса способно привести к причинению вреда. Поэтому важным является установление причинно-следственной связи, которая бы указывала на то, что именно конкретное нарушение технологического процесса привело к общественно опасным последствиям. Исходя из этого, методологически значимой является структура: нормативно установленный производственный процесс – его преступное нарушение – расследование преступления. Данная структура отображает ход познания, которого должен придерживаться следователь при расследовании преступных посягательств на безопасность труда. Нельзя понять особенности преступления рассматриваемого вида без понимания производственного процесса, нарушением которого оно является. Без этого нельзя восстановить всю полноту картины совершенного преступного посягательства на безопасность труда.

Для того чтобы понять, было преступное посягательство на безопасность труда или его не было, уже в ходе проверки сообщения на стадии возбуждения уголовного дела следователь должен установить обстоятельства, связанные и составляющие соответствующий производственный процесс. Он должен знать те особенности производственного процесса, которые способны генерировать риски возникновения факторов, способных причинить вред. Некоторые производственные процессы изначально предполагают возможность таких рисков, о чем ставится в известность работник при заключении трудового договора. Следователь должен знать такие особенности производства, чтобы определить, явился ли причиненный вред результатом случайного истечения обстоятельств, непреодолимой силы или виновного нарушения требований безопасности. На основе этого знания возможно понимание механизма преступного посягательства на безопасность труда. То есть познание преступления невозможно без познания производственного процесса, нарушение которого и является преступлением. Поэтому особенности производственного процесса, которые должны были приниматься во внимание для обеспечения безопасности труда, следователь должен устанавливать еще на стадии возбуждения уголовного дела. Это создает условия для формирования системы данных, на основании которых на момент начала расследования можно определить тот алгоритм действий, который способен обеспечить наиболее оптимальный ход расследования, когда максимально быстро появится полное значение произошедшего события.

Выявление не может рассматриваться как интуитивное знание того, что имело место событие преступного посягательства на безопасность труда и что это посягательство стало результатом действий (или бездействия) конкретного лица. Хотя не следует отрицать значение интуиции для выявления такого посягательства. Тем более, что под интуицией часто понимают позна-

ние конкретного события или факта на уровне бессознательного, но которое от этого вовсе не чуждо логике аргументирования. Просто особенностью этой логики является то, что она выстраивается одномоментно и вне сознания, отчего представляется как озарение. Выявление преступлений часто бывает как озарение, которое расставляет все по своим местам в имевшем место производственном процессе и в том, как и для чего он был разрушен. Но интуиция все же нуждается в информации о совершенном преступлении. Особенностью является лишь то, что для нее не нужно большого объема этой информации, она может довольствоваться малым, а сам процесс вывода умозаключений протекает на уровне бессознательного. В выявлении преступлений интуиция имеет место в отдельных случаях. Часто это бывают достаточно сложные случаи. Но она не может рассматриваться как стандартный путь решения задач, которые ставятся перед деятельностью по выявлению преступлений.

Выявление – это планомерная деятельность, которая предполагает предварительное продумывание плана и постановку задач, которые должны быть решены. Выявление не может быть сведено только к формированию общего представления о том, что имело место быть, допускающего пусть и с высокой долей вероятности совершение преступного посягательства на безопасность труда [11]. Выявление должно включать в себя установление такого объема данных, которые в последующем в ходе расследования смогут быть трансформированы в доказательства, с помощью которых будет достоверно обоснован факт преступного посягательства на безопасность труда и причастность к этому определенного лица. При этом качество выявления непосредственно связано с объемом обнаруженных данных, а также со степенью их достоверности. Однако при выявлении преступных посягательств на безопасность труда достаточно сложно определить то, какие данные могут быть полезными для дальнейшего расследования. Сотрудники правоохранительных органов имеют правовые знания, но они не обладают специальными знаниями в сфере производственных процессов, в нарушении которых проявляется преступное посягательство на безопасность труда [12]. Для выявления названных данных необходимы специальные знания о соответствующих производственных процессах. Здесь действует правило: для того чтобы познать патологию, каковой являются преступления, необходимо знать, в чем состоит норма. Поэтому следователь должен установить, как должен протекать производственный процесс в соответствии с требованиями к нему. Это выясняется благодаря изучению документов, которыми названный процесс регулируется.

Особо следует обращать внимание на наиболее значимые элементы производственного процесса, от которых зависит достижение ожидаемого и планируемого результата. Для того чтобы определить значимость такого элемента в достижении цели производственного процесса, необходимо обращение к технической документации, а также, в отдельных случаях, к документам управления. Техническая документация описывает весь производственный процесс, давая представление о нем как о целостной системе

действий. Однако сложность в работе с технической документацией состоит в том, что она не делает акцента на значимости тех или иных действий в производственном процессе. В ней все действия преподносятся как имеющие значение для производственного процесса, без какого-либо акцента на их значимости. Тем не менее вполне очевидно, что не всякое нарушение этого процесса может привести к катастрофическим последствиям. Более того, не всякое нарушение может влечь за собой снижение качества того результата, который достигается. Это позволяет сделать вывод о том, что разные действия, входящие в систему производственного процесса, имеют разное значение для достижения планируемого результата. Также разное значение разные действия имеют и для поддержания безопасности труда. Невыполнение одних из них не влечет за собой причинение какого-либо вреда для безопасности человека, в то время как невыполнение других ставит человека в опасное для жизни и здоровья положение. Задачей выявления преступлений против безопасности труда является установление невыполнения или ненадлежащего выполнения тех действий, которые создали опасную для жизни и здоровья ситуацию. Выявление данных, указывающих на это, значимо для последующего расследования, поскольку обеспечивает достоверность последующего процесса доказывания.

То, какие именно действия значимы в производственном процессе для обеспечения безопасности труда, можно установить из приказов и распоряжений руководителя соответствующего предприятия. В частности, большое значение имеют приказы по соблюдению техники безопасности, приказы по возложению обязанностей по реализации мер в части обеспечения безопасности труда, приказы и распоряжения о распределении трудовых обязанностей. Также представляют интерес для последующего расследования трудовые договоры, в которых определяются трудовые обязанности конкретного работника. Помимо этого могут быть и иные документы, которые позволяют сделать вывод о том, какие действия являются значимыми для поддержания безопасной для труда ситуации. Все эти документы необходимо установить еще при выявлении преступления, направленного против безопасности труда. Это обусловлено тем, что в последующем с целью противодействия расследованию незаинтересованные в установлении истины лица могут предпринять действия по уничтожению этих документов или их замены другими, фальсифицированными. Поэтому данные о наличии названных документов могут позволить следователю действовать на опережение, проведя оперативно действия по выемке названных документов. Это позволит добиться тактического преимущества в установлении обстоятельств совершения преступления.

Особенностью выявления преступных посягательств на безопасность труда является то, что с обстоятельствами, указывающими на это преступление, первыми сталкиваются часто не правоохранительные органы, а органы, осуществляющие соответствующий контроль или надзор. При этом выявлять факты нарушений требований безопасности могут не только соответствующие органы государства, но и общественные организации, к числу таковых

относятся профсоюзы. Данное полномочие профсоюзов закреплено в ст. 20 Федерального закона № 10-ФЗ от 12.01.1996 «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»¹. В соответствии с этой нормой на профсоюзы возлагается контроль за состоянием охраны труда на соответствующих предприятиях. Одним из основных государственных органов является Федеральная инспекция труда, которая в соответствии со ст. 354 Трудового кодекса Российской Федерации² осуществляет государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства. Помимо этого информация о последствиях нарушения безопасности труда может поступить в правоохранительные органы из медицинских учреждений, которые фиксируют обращения за медицинской помощью, в том числе и в тех случаях, когда она понадобилась из-за причинения вреда здоровью в результате нарушения требований безопасности труда. При этом следует отметить, что медицинские учреждения доводят лишь информацию об обращении за оказанием медицинской помощи. Сведений о том, в результате чего был причинен вред здоровью, они не дают, а потому считать их органами, выявляющими преступное посягательство на безопасность труда, нельзя. Они лишь оказывают содействие выявлению этих преступлений, предоставляя ставшую им доступной информацию. Выявление рассматриваемых преступных посягательств также осуществляет Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору. Она выявляет те обстоятельства, которые привели к соответствующим вредным последствиям.

Значение того, что названные органы и организации выявляют или участвуют в выявлении преступных посягательств на безопасность труда, обеспечивает привлечение специальных знаний, что создает основу для последующего вынесения следователем решения о возбуждении уголовного дела. Причем ценность такого участия в выявлении состоит в том, что эти органы (за исключением медицинских учреждений) проводят проверки с целью выявления тех нарушений безопасности труда, которые привели к вредным последствиям. Они выявляют, в чем конкретно состояли названные нарушения, чьи конкретно действия к ним привели. Все это представляет интерес не только для выявления преступления, но и для последующего раскрытия и расследования, поскольку ориентируют следователя на то, в каком направлении должно протекать его познание истины, позволяет избрать правильную тактику и определиться с теми следственными действиями, проведение которых может оказаться наиболее оптимальным в решении задач, встающих в определенных следственных ситуациях. В отдельных случаях само расследование может приобретать видимость повторения проведенной проверки только на ином уровне и с применением другого инструментария (процессуальных действий). Это является свидетельством того значения, которое имеют названные проверки и умело проведенное выявление преступлений названного вида. Поэтому процессу выявлению преступных посяга-

¹ О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности : федер. закон № 10-ФЗ от 12 января 1996 г. (ред. от 21 декабря 2021 г.) // Российская газета. 1996. 20 января.

² Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30 декабря 2001 г. (ред. от 8 августа 2024 г. // Российская газета. 2001. 31 декабря.

тельств на безопасность труда должно придаваться большое значение. Умело проведенное выявление позволяет получить значительный объем данных, которые для последующего расследования имеют ориентирующее значение. Они позволяют следователю определять, где и какие он может получить доказательства и какие следственные действия для этого он должен выполнить. Это дает возможность предотвратить совершение ошибок, которые могут повлиять на его восприятие имевшего место события.

Список литературы

1. Лавицкая М. И. Проблемы реализации права на труд в РФ на современном этапе // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 3. С. 214–221.
2. Подольная Н. Н. Экономическая пассивность населения на рынке труда // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 12 (411). С. 38–45.
3. Филющенко Л. И. Право на безопасные условия труда в свете новой концепции охраны труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 2. С. 29–31.
4. Криндач А. Г. Теоретические и практические проблемы формирования и реализации права на достойный труд // Правовая позиция. 2021. № 3 (15). С. 39–44.
5. Семенцова И. А., Веред Е. Б. Об эффективности уголовно-правовой охраны права на безопасные условия труда // Кадровик. 2020. № 3. С. 43–47.
6. Подольный Н. А. Предпосылки расследования преступлений // Российский следователь. 2014. № 8. С. 7–11.
7. Подольный Н. А. Подготовительный к расследованию этап – этап формирования информационной основы раскрытия и расследования преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 4 (15). С. 249–257.
8. Подольный Н. А. Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, эффективное средство оптимизации предварительного расследования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5 (16). С. 254–260.
9. Подольный Н. А. Быть или не быть стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1 (12). С. 138–151.
10. Подольный Н. А. Критерий разумности получения заключения эксперта при проверке сообщения о совершенном или готовящемся преступлении // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2020. № 1 (15). С. 13–19.
11. Волеводз М. В. Выявление и раскрытие преступлений в сфере экономики // Дневник науки. 2022. № 4 (64). URL: <https://dnevnika.ru/images/publications/2022/4/law/Volevodz.pdf>
12. Романовский Г. Б. Правовой статус Следственного комитета Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2013. № 1 (1). С. 114–121. EDN: SZYAQL

References

1. Lavitskaya M.I. Problems of realization of the right to work in the Russian Federation at the present stage. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik = Humanitarian Scientific Bulletin*. 2021;(3):214–221. (In Russ.)
2. Podol'naya N.N. Economic passivity of the population in the labor market. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic analysis: theory and practice*. 2015;(12):38–45. (In Russ.)

3. Filyushchenko L.I. The right to safe working conditions in light of the new concept of occupational safety and health. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor law in Russia and abroad*. 2023;(2):29–31. (In Russ.)
4. Krindach A.G. Theoretical and practical problems of the formation and implementation of the right to decent work. *Pravovaya pozitsiya = Legal position*. 2021;(3):39–44. (In Russ.)
5. Sementsova I.A., Vered E.B. On the effectiveness of criminal law protection of the right to safe working conditions. *Kadrovik = Personnel officer*. 2020;(3):43–47. (In Russ.)
6. Podol'nyy N.A. Prerequisites for the investigation of crimes. *Rossiyskiy sledovatel' = Russian investigator*. 2014;(8):7–11. (In Russ.)
7. Podol'nyy N.A. The preparatory stage for the investigation is the stage of forming the information basis for the detection and investigation of crimes. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal = Forensic library. Scientific journal*. 2014;(4):249–257. (In Russ.)
8. Podol'nyy N.A. Interaction between the investigator and the bodies carrying out operational-search activities is an effective means of optimizing the preliminary investigation. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal = Forensic library. Scientific journal*. 2014;(5):254–260. (In Russ.)
9. Podol'nyy N.A. To be or not to be the stage of initiating a criminal case in the criminal process of Russia. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal = Forensic library. Scientific journal*. 2014;(1):138–151. (In Russ.)
10. Podol'nyy N.A. The criterion for the reasonableness of obtaining an expert opinion when verifying a report of a committed or impending crime. *Problemy ugolovnogo protsesssa, kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy = Problems of criminal procedure, criminology and forensic examination*. 2020;(1):13–19. (In Russ.)
11. Volevodz M.V. Detection and disclosure of economic crimes. *Dnevnik nauki = Science Diary*. 2022;(4). (In Russ.). Available at: <https://dnevniknauki.ru/images/publications/2022/4/law/Volevodz.pdf>
12. Romanovskiy G.B. Legal status of the Investigative Committee of the Russian Federation. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2013;(1):114–121. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Павел Денисович Филеткин

специалист по работе с молодежью
департамента по молодежной политике,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет имени Н. П. Огарева
(Россия, г. Саранск, ул. Большевикская,
68)

E-mail: Filimon.and.den@gmail.com

Pavel D. Filetkin

Specialist in youth work, department
of youth policy, Ogarev Mordovia State
University (68 Bolshevistskaya street,
Saransk, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 17.10.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.03.2025

Принята к публикации / Accepted 28.04.2025

УДК 343.57

doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-13

Особенности квалификации незаконной пересылки наркотических средств

Е. В. Битюцкий

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

b-2m@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследуемой проблемы заключается в том, что квалификация незаконной пересылки наркотических средств имеет ряд особенностей, связанных в первую очередь с тем, что в основе совершения данного преступления находится сложный механизм, включающий в себя множество этапов, каждый из которых требует тщательной подготовки и высокой степени конспирации. Борьба с незаконной пересылкой наркотиков является одной из приоритетных задач правоохранительных органов во всем мире, в том числе и в Российской Федерации, поэтому важно, чтобы квалификация действий виновных лиц была объективной. *Материалы и методы.* В методологическую основу входят сравнительно-правовой и социологический методы исследования. Кроме того, несмотря на высокий уровень латентности преступлений, связанных с незаконной пересылкой наркотических средств, в судебной практике встречаются разнообразные примеры подобных преступлений, совершенных в составе группы лиц по предварительному сговору и организованных преступных групп. В этой связи в качестве примеров были использованы решения судов первой и кассационной инстанций. *Результаты.* В ходе проведенного исследования был рассмотрен целый комплекс проблем квалификации преступлений, связанных с незаконной пересылкой наркотических средств. *Выводы.* При расследовании незаконной пересылки наркотических средств необходимо учитывать широкий спектр факторов, выходящих далеко за рамки простого установления факта пересылки и идентификации изымаемого вещества. Важно установить всех соучастников преступления, так как незаконная пересылка в большинстве случаев совершается организованными преступными группами.

Ключевые слова: наркотические средства, незаконная пересылка наркотических средств, незаконный оборот наркотических средств

Для цитирования: Битюцкий Е. В. Особенности квалификации незаконной пересылки наркотических средств // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2. С. 148–157. doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-13

Features of qualification of illegal transfer of narcotic drugs

E.V. Bityutskiy

Penza State University, Penza, Russia

b-2m@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the problem under study lies in the fact that the qualification of illegal drug trafficking has a number of features associated, first of all, with

the fact that the commission of this crime is based on a complex mechanism that includes many stages, each of which requires careful preparation and a high degree of conspiracy. The fight against illegal drug trafficking is one of the priority tasks of law enforcement agencies around the world, including in the Russian Federation, so it is important that the qualification of the actions of the perpetrators be objective. *Materials and methods.* The methodological basis includes comparative legal and sociological research methods. In addition, despite the high level of latency of crimes related to the illegal transfer of narcotic drugs, judicial practice contains various examples of such crimes committed by a group of persons by prior conspiracy and organized criminal groups. In this regard, decisions of courts of first and cassation instances were used as examples. *Conclusions.* The conducted research allows us to conclude that when investigating the illegal transfer of narcotics, it is necessary to take into account a wide range of factors that go far beyond simply establishing the fact of transfer and identifying the substance being seized. It is important to identify all accomplices in the crime, since illegal transfer in most cases is committed by organized criminal groups.

Keywords: narcotic drugs, illegal transfer of narcotic drugs, illegal drug trafficking

For citation: Bityutskiy E.V. Features of qualification of illegal transfer of narcotic drugs. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(2):148–157. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-2-13

Незаконная пересылка наркотических средств представляет собой действия лица, которые направлены на их перемещение адресату без непосредственного участия отправителя¹.

Повышенная степень общественной опасности данного преступления заключается в том, что незаконной пересылкой наркотических средств в большинстве случаев занимаются члены организованных преступных групп, чья преступная деятельность заключается в функционировании интернет-магазинов по продаже наркотических средств бесконтактным способом. Роль членов подобных преступных групп, выполняющих функции так называемых «оптовых складов», состоит в получении указаний от «оператора», незаконном приобретении партий наркотических средств (либо через тайники-закладки, либо также через почтовые отправления и логистические службы) и осуществление в соответствии с полученными указаниями их дальнейшей незаконной пересылки в другие города и иные населенные пункты. Таким образом, незаконная пересылка наркотических средств по своей сути представляет собой специфический канал поступления наркотиков на территорию того или иного населенного пункта.

Данный способ зачастую используется членами организованных преступных групп в целях конспирации, чтобы избежать задержания сотрудниками правоохранительных органов в момент непосредственного совершения преступления. Отправитель наркотического средства использует различные варианты его сокрытия в почтовом отправлении. Способы маскировки варьи-

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 15.06.2006 (ред. от 16.05.2017) // Российская газета. 2006. № 137.

руются от элементарных до невероятно изощренных, в зависимости от наличия преступного опыта и соответствующей материально-ресурсной базы. Простые методы включают в себя размещение наркотика внутри обычных предметов: в полостях предметов бытовой техники и электроники, в книгах с вырезанными полостями, в игрушках, в упаковках с пищевыми продуктами. Одной из самых распространенных техник является использование тайников. Это могут быть специально изготовленные контейнеры, интегрированные в предметы повседневного обихода. Более опытные преступники прибегают к химическим методам маскировки, используя специальные вещества, которые нейтрализуют запах и изменяют внешний вид наркотика.

Для обеспечения анонимности отправители используют различные методы. В целях конспирации виновные лица используют фиктивные адреса получателей, часто используют сложные схемы отправления через несколько неосведомленных лиц, пользуются поддельными документами и реализуют иные меры повышенной предосторожности, в том числе осуществляя все общение, касающееся преступной деятельности, в зашифрованных приложениях и используя в этих целях специальное программное обеспечение и интернет-ресурсы.

Кроме того, незаконная пересылка наркотических средств может выступать в качестве одного из способов доставки отправителем наркотических средств из одного населенного пункта в другой самому же себе [1]. Данный прием используется виновными лицами в целях исключения необходимости самостоятельного доставления наркотического средств, например на личном транспорте или при себе, в ручной клади.

Однако наряду с необходимостью борьбы с незаконной пересылкой наркотических средств сотрудники правоохранительных органов обязаны соблюдать важное конституционное право граждан на тайну переписки, что обуславливает необходимость постоянного совершенствования методов выявления и раскрытия данных преступлений без необоснованного и незаконного вторжения в сферу охраняемых Конституцией Российской Федерации прав граждан.

Незаконная пересылка наркотических средств даже по сравнению с другими преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков отличается высокой степенью латентности, что прямо подтверждают статистические данные за последние годы.

Так, за период с января по декабрь 2020 г. в Российской Федерации выявлено 672 факта незаконной пересылки наркотических средств, а раскрыто всего 80 преступлений. При этом выявлено 68 лиц, совершивших подобное преступление, в то время как общее количество выявленных фактов незаконного сбыта наркотических средств в указанном периоде составило свыше 112 тысяч [2].

За период с января по декабрь 2021 г. в Российской Федерации выявлено всего 328 фактов незаконной пересылки наркотических средств, а раскрыто 663 преступления. При этом выявлено 119 лиц, совершивших подобное преступление, в то время как общее количество выявленных фактов незакон-

ного сбыта наркотических средств в указанном периоде превысило 103 тысячи [3].

За период с января по декабрь 2022 г. в Российской Федерации выявлено всего 345 фактов незаконной пересылки наркотических средств, а раскрыто 166 преступлений. При этом выявлено 119 лиц, совершивших подобное преступление, в то время как общее количество выявленных фактов незаконного сбыта наркотических средств в указанном периоде составило почти 111 тысяч [4].

В свою очередь, за период с января по декабрь 2023 г. в Российской Федерации выявлено 360 фактов незаконной пересылки наркотических средств, а раскрыто 225 преступлений. При этом выявлено 131 лицо, совершившее подобное преступление, в то время как общее количество выявленных фактов незаконного сбыта наркотических средств в указанном периоде составило свыше 126 тысяч [5].

За период с января по декабрь 2024 г. выявлено 545 фактов незаконной пересылки наркотических средств, из которых раскрыто 329 преступлений. При этом выявлено 191 лицо, их совершившее, в то время как общее количество выявленных фактов незаконного сбыта наркотических средств в указанном периоде составило почти 135 тысяч [6].

За период с января по февраль 2025 г. выявлено 280 фактов незаконной пересылки наркотических средств, из которых раскрыто 45 преступлений. При этом выявлено 28 лиц, их совершивших, в то время как общее количество выявленных фактов незаконного сбыта наркотических средств в указанном периоде превысило 28 тысяч [7].

Анализ судебной практики по уголовным делам о незаконной пересылке наркотических средств свидетельствует о том, что основными способами совершения данных преступлений являются:

– во-первых, сокрытие наркотических средств внутри почтовых отправлений, посылок, багажа с использованием средств почтовой связи, автомобильного, воздушного, железнодорожного или иного вида транспорта. Пример тому – приговор Балашихинского городского суда Московской области от 11.10.2023¹;

– во-вторых, нарочная передача наркотических средств другому лицу в целях транспортировки в случае отсутствия его осведомленности о реально перемещаемом объекте или отсутствия его сговора с отправителем. Пример тому – приговор Заволжского районного суда г. Ульяновска от 29.05.2024².

Анализ судебной практики по делам о незаконной пересылке наркотических средств позволяет выделить ряд особенностей квалификации действий лиц, совершивших данное преступление.

Во-первых, ответственность лица за совершение незаконной пересылки наркотических средств как оконченного преступления наступает с момента

¹ Приговор Балашихинского городского суда Московской области № 1-348/2023 от 11.10.2023 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/77298925> (дата обращения: 10.04.2025).

² Приговор Заволжского районного суда города Ульяновска по делу № 1-150/2024 от 29.05.2024 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2025).

отправления письма, посылки, багажа с содержащимся в нем наркотическим средством, вне зависимости от факта получения их адресатом. Пример тому – приговор Домодедовского городского суда Московской области от 06.10.2022¹. Фактически почтовое отправление с наркотическим средством может быть изъято даже в том же отделении связи или офисе транспортной (логистической) компании, сотруднику которого его передал отправитель, т.е. непосредственно после его передачи. В данном случае действия виновного лица все равно должны быть квалифицированы как оконченный состав преступления в связи с выполнением им действий, составляющих объективную сторону преступления. Передав почтовое отправление, виновное лицо фактически выполняет необходимые действия, направленные на реализацию им преступного умысла, и от него уже напрямую не зависит конечный результат, т.е. дойдет ли до получателя почтовое отправление с наркотическим средством или нет.

Во-вторых, действия виновного лица не могут быть квалифицированы одновременно как незаконный сбыт и незаконная пересылка одного и того же реализуемого наркотического средства. Так, кассационным определением Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 30.11.2022 из осуждения виновного лица исключен незаконный сбыт. Позиция суда была аргументирована тем, что диспозицией ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) предусмотрена одинаковая уголовная ответственность как за незаконный сбыт наркотических средств, так и за их незаконную пересылку, которые являются альтернативными деяниями, образующими единый состав преступления, поэтому не могут создавать совокупность преступлений в случае, если они обладают единым предметом преступного посягательства (одним и тем же наркотическим средством определенной массы) и охватываются единым преступным умыслом².

В-третьих, незаконную пересылку наркотических средств путем международного почтового отправления ввиду специфичности способа совершения в случае установления факта незаконного перемещения наркотических средств через таможенную границу Таможенного союза, членом которого является Российская Федерация (далее – таможенную границу), либо государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза, следует квалифицировать уже как совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 228.1 и 229.1 УК РФ, т.е. как совокупность незаконной пересылки и контрабанды наркотических средств. Пример тому – приговор Володарского районного суда г. Брянска от 13.10.2021, которым гр-ка Е. О. Н. признана виновной в соверше-

¹ Приговор Домодедовского городского суда Московской области от 06.10.2022 // Домодедовский городской суд Московской области. URL: https://domodedovo--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=527209213&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения – 10.04.2025).

² Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции № 77-2149/2022 от 30.11.2022 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2025).

нии преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 229.1 и п. «а» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ¹.

В том случае, если виновное лицо выполнило ряд действий, непосредственно направленных на незаконное перемещение наркотического средства через таможенную либо Государственную границу Российской Федерации посредством, например, почтовой пересылки, однако не смогло довести до конца свои умышленные действия в силу независящих от него причин, то его действия квалифицируются также по совокупности преступлений, но уже как оконченный состав незаконной пересылки наркотических средств и как покушение на контрабанду наркотических средств. Пример тому – приговор Ленинского районного суда г. Нижнего Новгорода от 24.01.2024 № 1-4/2024, согласно которому гр-н Л. наряду с иными преступлениями признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 4 ст. 228.1 и ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 229.1 УК РФ². Данная позиция представляется обоснованной и вполне логичной в контексте выделения критерия для квалификации данных преступлений как оконченных: так, если незаконная пересылка считается оконченной вне зависимости от конечного результата, то для квалификации действий лица как оконченного состава контрабанды наркотических средств требуется установление факта пересечения либо таможенной, либо государственной границы РФ.

В-четвертых, действия, выразившиеся в получении почтового отправления с наркотическим средством в значительном, крупном или особо крупном размере, охватываются объективной стороной незаконной пересылки, т.е. по ст. 228.1 УК РФ, и не требуют дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 228 УК РФ как незаконное приобретение без цели сбыта наркотического средства. Пример тому – кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 83-УД22-16-К1, которым исключено осуждение гр-на Ш. Е. С. по ч. 2 ст. 228 УК РФ³.

В-пятых, основанием для квалификации незаконной пересылки наркотических средств как преступления, совершенного с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, вне зависимости от стадии его совершения является установление факта использования подобных сетей для выполнения хотя бы одного из умышленных действий, создающих условия для совершения соответствующего преступления или входящих в его объективную сторону. Указанный признак является определяющим также в случае квалификации преступле-

¹ Приговор Володарского районного суда города Брянска от 13.10.2021 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2025).

² Приговор Ленинского районного суда города Нижнего Новгорода № 1-4/2024 (1-135/2023) от 24.01.2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3FxZnzc85T/> (дата обращения: 10.04.2025).

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 83-УД22-16-К1 от 07.07.2022 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=721911#2QLgWsUWnGFA7GC5> (дата обращения: 10.04.2025).

ния, совершенного в соучастии, если будет установлено, что связь между соучастниками при подготовке и непосредственно при совершении преступления обеспечивалась посредством использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Пример тому – приговор Клинского городского суда Московской области от 10.06.2024¹.

Безусловно, процесс доказывания по данной категории преступлений представляется более сложным даже по сравнению с иными преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков [8]. Подобные трудности обусловлены прежде всего тем фактом, что виновное лицо после выполнения действий по организации незаконной пересылки наркотического средства фактически напрямую не участвует в его дальнейшем перемещении и потому при выявлении факта незаконной пересылки уже при получении наркотического средства адресатом, кому оно предназначалось, достаточно сложно не только установить личность отправителя, но и при ее установлении – собрать комплекс неопровержимых доказательств его виновности. Кроме того, важно объективно квалифицировать действия виновного лица, чему способствует установление всей полноты сведений о незаконной пересылке наркотических средств, предполагающее тщательное изучение всех обстоятельств совершенного преступления, начиная с момента осуществления виновным лицом подготовки к незаконной пересылке (обстоятельства приискания возможных соучастников, совершения незаконного приобретения наркотического средства и необходимого оборудования для его сокрытия в почтовом отправлении) и заканчивая изъятием наркотического средства либо непосредственно у получателя, либо в пункте выдачи, отделении связи или офисе транспортной (логистической) компании [9].

При расследовании преступлений, связанных с незаконной пересылкой наркотических средств, в целях объективной квалификации действий всех виновных лиц следует уделять особое внимание определению пути следования почтового отправления с наркотическим средством, а также установлению всей совокупности преступных связей между отправителем, посредниками (если таковые имеются) и получателем. В расследовании данных преступлений важно установить всю систему каналов незаконной пересылки наркотических средств, изощренность, сложность и «многослойность» которой может свидетельствовать о высоком уровне организованности преступной группы и профессионализме ее членов. В этой связи важно налаживать сотрудничество между правоохранительными органами и логистическими (транспортными) компаниями, отделениями связи и иными почтовыми службами, а также сервисами доставки.

В каждом конкретном случае выявления и раскрытия преступления, связанного с незаконной пересылкой наркотических средств, необходимо установить, кем является подозреваемый: организатором преступной группы,

¹ Приговор Клинского городского суда Московской области по делу № 1-130/2024 от 10.06.2024 (УИД 50RS0019-01-2024-001070-95) // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.04.2025).

посредником или всего лишь исполнителем. Если отправка осуществлялась через посредника, то необходимо доказать его осведомленность о незаконном характере груза. Важным аспектом является установление мотивов виновных лиц: был ли подозреваемый заинтересован в получении финансовой выгоды, действовал ли по принуждению или же был вовлечен в преступление по другим причинам. Наличие общих финансовых связей с иными лицами может способствовать установлению их возможной причастности к совершению преступления и, как следствие, может облегчить процесс доказывания их виновности.

В этой связи расследование преступлений, связанных с незаконной пересылкой наркотических средств, требует не только высокой профессиональной подготовки следователей, но и привлечения к процессу расследования также высококвалифицированных оперативных сотрудников в целях налаживания эффективного взаимодействия всех участников процесса расследования, поэтому в подобных условиях особое значение приобретает как постоянное повышение квалификации сотрудниками правоохранительных органов в сфере современных методик расследования подобных преступлений, так и обмен опытом между разными территориальными органами.

Таким образом, при расследовании незаконной пересылки наркотических средств необходимо учитывать все обстоятельства совершенного виновными лицами деяния, включая вид и размер наркотического средства, способ пересылки, роль каждого соучастника преступления. Только всесторонность и полнота расследования данных преступлений могут способствовать объективной квалификации действий виновных лиц, совершивших незаконную пересылку наркотических средств, что позволит назначить справедливое наказание и может сыграть важную превентивную роль, т.е. предотвратить дальнейшее совершение подобных преступлений иными лицами.

Список литературы

1. Канал поставки наркотиков внутри бытовой техники в Якутск и Южно-Сахалинск пресекла транспортная полиция // Якутия.info. URL: <https://yakutia.info/article/211801> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2041459> (дата обращения: 10.04.2025).
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2315310> (дата обращения: 10.04.2025).
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (дата обращения: 10.04.2025).
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения: 10.04.2025).

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 10.04.2025).
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – февраль 2025 года // МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/10559551> (дата обращения: 10.04.2025).
8. Зыков Д. А., Михайлов А. Е., Семенов С. А. О некоторых аспектах прогнозирования развития следственной ситуации при расследовании незаконной пересылки наркотиков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-prognozirovaniya-razvitiya-sledstvennoy-situatsii-pri-rassledovanii-nezakonnoy-peresylki-narkotikov> (дата обращения: 10.04.2025).
9. Карпенко Ю. А. Участие специалиста при проверке сообщения о незаконной пересылке наркотических средств в почтовых отправлениях // Закон и право. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-spetsialista-pri-proverke-soobscheniya-o-nezakonnoy-peresylke-narkoticheskikh-sredstv-v-pochtovykh-otpravleniyah> (дата обращения: 10.04.2025).

References

1. Transport police have shut down a drug trafficking ring in Yakutsk and Yuzhno-Sakhalinsk, using household appliances as cover. *Yakutia.info*. (In Russ.). Available at: <https://yakutia.info/article/211801> (accessed 10.04.2025).
2. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2020. *MVD Rossii = Ministry of Internal Affairs of Russia*. (In Russ.). Available at: <https://media.mvd.ru/files/application/2041459> (accessed 10.04.2025).
3. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2021. *MVD Rossii = Ministry of Internal Affairs of Russia*. (In Russ.). Available at: <https://media.mvd.ru/files/application/2315310> (accessed 10.04.2025).
4. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2022. *MVD Rossii = Ministry of Internal Affairs of Russia*. (In Russ.). Available at: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (accessed 10.04.2025).
5. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2023. *MVD Rossii = Ministry of Internal Affairs of Russia*. (In Russ.). Available at: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (accessed 10.04.2025).
6. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2024. *MVD Rossii = Ministry of Internal Affairs of Russia*. (In Russ.). Available at: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (accessed 10.04.2025).
7. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2025. *MVD Rossii = Ministry of Internal Affairs of Russia*. (In Russ.). Available at: <https://media.mvd.ru/files/application/10559551> (accessed 10.04.2025).
8. Zykov D.A., Mikhaylov A.E., Semenov S.A. On some aspects of forecasting the development of the investigative situation during the investigation of illegal drug trafficking. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2020;(3). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-prognozirovaniya-razvitiya-sledstvennoy-situatsii-pri-rassledovanii-nezakonnoy-peresylki-narkotikov> (accessed 10.04.2025).
9. Karpenko Yu.A. Participation of a specialist in the verification of a report of illegal trafficking of narcotic drugs in mail. *Zakon i pravo = Law and rights*. 2021;(1). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-spetsialista-pri-proverke-soob>

sche-niya-o-nezakonnoy-peresylke-narkoticheskikh-sredstv-v-pochtovyh-otpravle-niyah
(accessed 10.04.2025).

Информация об авторах / Information about the authors

Евгений Владимирович Битюцкий
кандидат юридических наук,
доцент кафедры правоохранительной
деятельности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: b-2m@mail.ru

Evgeniy V. Bityutskiy
Candidate of juridical sciences,
associate professor of the sub-department
of law enforcement, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 14.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 22.05.2025

Принята к публикации / Accepted 10.06.2025

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала «**Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки**» рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:

- **право**
- **социология**
- **экономика**

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел. +7 (8412) 64-32-89; E-mail: volgavuz@pnzgu.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «Законодательство и право», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Экономика. Статистика». Подписной индекс – 36949.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись)

(ФИО)

Дата «____» _____ 20__ г.